

Республике
Коми

90
лет

Литературный

АЛЬМАНАХ

Ов, миян
Республика!

2011

САЖЫВКАР

Администрация МО ГО «Сыктывкар»
Управление культуры администрации МО ГО «Сык-
тивкар»

СЫКТЫВКАР

литературный альманах

Повести
Рассказы
Стихи
Очерки
Статьи

Сыктывкар

Издательство ООО «Полиграф-Сервис»
2011

**Проект доктора филологических наук
Владимира Николаевича Демина**

СЫКТЫВКАР: Литературный альманах / Составители А.В. Канев, А.А. Иевлев, Л.Г. Ханаева, А.Г. Попов. – Сыктывкар: Издательство ООО «Полиграф-Сервис», 2011. – 290 с.

ISBN 5-7555-0788-0

84 (2Рос=Рус) 6

Редактор-составитель А.В. Канев

Общественная редколлегия

Валерий Козлов
Виктор Шевцов
Митрофан Курочкин
Андрей Канев
Алексей Иевлев
Людмила Ханаева
Андрей Попов

Авторы благодарят за финансовую поддержку проекта Управление культуры администрации МО ГО «Сыктывкар» и лично главу администрации МО ГО «Сыктывкар» Ивана Поздеева.

ISBN 5-7555-0788-0

© А.В. Канев, составление, 2010
© А.А. Иевлев, составление, 2010
© Л.Г. Ханаева, составление, 2010
© А.Г. Попов, составление, 2010
© Управление культуры админ. МО ГО «Сыктывкар», 2010
© Издательство ООО «Полиграф-Сервис», 2010

Оглавление

Иван ПОЗДЕЕВ. Любимой Республике Коми.....	7
Надежда МИРОШНИЧЕНКО. Изба (стихи).....	8
Валерий ФОКИН. Вовеки (стихи).....	11
Виктор БУРДИН. Рафаэль и скульптура (рассказ).....	13
Владимир СИЛКИН. Кланяюсь в пояс дороге... (стихи).....	15
Надежда ПРОХОРОВА. Ну, здравствуй, милый друг, и, правда тесен мир... (стихи).....	18
Андрей КАНЕВ. «Кто виноват?» и «Что делать?» (отрывок из повести).....	20
Иван ПЕХТЕРЕВ. След на северной земле (стихи).....	23
Виктор ДЕМИДОВ. По осыпям звёзд люблю восходить... (стихи).....	24
Иван БЕЛЫХ. О чем шепчутся березы (рассказы).....	25
Валерий ВЬЮХИН. Созвучность (стихи).....	27
Сергей ЖУРАВЛЁВ. Вознесение в побеге (стихи).....	27
Раиса КУКЛИНА. Лирическая комедия в творчестве Н.М. Дьяконова (статья).....	28
Мария РУКАВИЧНИКОВА. Не хватает двух сцепленных рук... (стихи).....	37
Владимир УСТЮГОВ. Обжитый дом, причудливы черты... (стихи).....	37
Людмила РОДИОНОВА. Помидоры краснодарские (рассказ).....	38
Анатолий ИЛЛАРИОНОВ. О доме (стихи).....	40
Анастасия ВАСИЛЕНКО. Дождь (стихи).....	41
Николай ГЕРАСИМОВ за каждое слово готов отвечать... (стихи).....	41
Анна ЧАЛЬШЕВА... Этой ночью опять в моем сердце игра... (стихи).....	42
Андрей ФЕТИСОВ. Она мне звонила пьяная... (стихи).....	42
Николай ТЕРЕНТЬЕВ. Совершенно белый лось (рассказ).....	43
Юрий ИОНОВ. Кто сказал, что Север... (стихи).....	43
Андрей КАНЕВ. Я начинаю привыкать к хорошему... (стихи).....	44
Виктория БАЖУКОВА. Осень (стихи).....	47
Митрофан КУРОЧКИН. Подписал медведь указ... (басня).....	47
Александр КЛЕЙН. Наваждение (очерк).....	48
Алексей ИЕВЛЕВ. Город старше меня... (стихи).....	49
Нина ОБРЕЗКОВА. Хочешь – лодкой тебе буду... (стихи).....	50
Анжелика ЕЛФИМОВА. Нет на свете горше доли... (стихи).....	50
Николай ТЮРНИН. О любви и жизни в четыре строки... (стихи).....	50
Владимир ГОГОЛЬ. Зайчиха (рассказ).....	52
СВЕТЛАНА ГАДЕЛИЯ. На тропу серебряную вывел... (стихи).....	53
Елена ГОНЧАРОВА. Как вступили в белизну из дома... (стихи).....	54
Евгений ИНЮТИН. Прошло, пробежало, пропело... (стихи).....	54
Алексей САЗОНОВ. То война, то заваруха... (стихи).....	55
Станислав ПОДОЛЬСКИЙ. Ледяная весна свободы (статья).....	56
Зеленая танцовка (стихи).....	62
Виктория МАРТЫНОВА. Станешь (стихи).....	60

Владимир ПОДЛУЗСКИЙ. Причуды (стихи).....	60
Раиса КУКЛИНА. Я не помню твоего лица... (стихи)	62
Владимир АЛЕКСАНДРОВ. Небо, прошу, не отпускай меня... (стихи)	62
Ирина ВЕЛИЧКО. М. Щербининой о «Парфюмере» (эссе)	62
Анат. ПОПОВ. На смерть (стихи).....	63
Александр ЛОБАНОВ. В ночном (стихи).....	63
Алина СРОГОВИЧ. Картина (стихи)	64
Алексей ИЕВЛЕВ. Посмертная книга (рецензия)	65
Владимир ОЛОФИНСКИЙ. А для тебя звучат те же песни... (стихи)	67
Алексей КАРПОВ. Полевая грусть (стихи)	68
Зинаида ТРЕТЬЯКОВА. Мне снилось сегодня ночью... (стихи)	68
Екатерина ШИРШОВА. Пакетик с пупырышками (рассказ).....	69
Елена БЕЗРОДНАЯ. Как научиться слышать в мире музыку... (стихи)	71
Александр СЕЛЯКОВ. Закрыто на обед (рассказ)	71
Нина НИКОЛАЕВА. Я жду лишь тебя, милый мой... (стихи)	72
Юрий СУРИН. А в Серёгово тишина... (стихи)	73
Евгения ЛОГИНОВА. На камне холодном пепел лежал... (стихи)	73
Анатолий ВОТЯКОВ. Путаница (рассказ).....	74
Андр. ПОПОВ. Припомню вновь приветливые лица... (стихи).....	75
Александр СУВОРОВ. Вера в эпоху потребления (стихи)	76
Павел БУЛАТОВ. Боже... (песни).....	77
Владимир ГОГОЛЬ. Осень пахнет грибами, брусникою... (стихи)	79
Павел АФАНАСЬЕВ. «Геройски пал» – строка приказа... (стихи).	80
Тамара КУРОЧКИНА. Полюбила, полюбила... (стихи)	80
Антонина ПЫЛАЕВА. Художник (очерк).....	81
Маргарита ПРИЛУЦКАЯ. Над туманными низинами... (стихи).....	103
Валентина ЦОЙ-ХА-РИ. Осыпался пепел осенних костров... (стихи).....	103
Анатолий ВОТЯКОВ. Быстро зима настала... (стихи).....	104
Анатолий ПОПОВ. Воркута - это святое... (очерк).....	104
Аркадий КАЛИМОВ. Золотом падают под ноги листья... (стихи).....	107
Лия КАНЕВА. Ветерок подгоняет мой парусник... (стихи).....	107
Екатерина ФИЛИПЧЕНКО. Луч солнца (стихи)	108
Анастасия МАЛДРИК. Автобус подъехал. Пора... (стихи).....	108
Андрей ВИНОГРАДОВ. Без права на ошибку (очерк).....	108
Александр ПОТАШЕВ. Берег	110
Людмила ЧЕБЫКИНА. Маме (стихи).....	111
Олег РОЧЕВ. Разливистой весной, когда и счета нет... (стихи)	112
Павел ВАНУЙТО. Душа моя стремится к свету... (стихи).....	113
Анатолий ПЛЯКИН. Эпизоды (рассказ)	113
Игорь ХУДОЛЕЙ. Ночью улица в небо... (стихи)	115
Фёдор СВЯТОВЕЦ. Лишь о тебе одной мечтаю... (стихи)	116
Алексей ЗУБКОВ. Ранее утро... (стихи).....	116
Александр БОРИСОВ. Чего мы боимся... (стихи)	117

Елена ДОВЖИКОВА. Маша и медведь (рассказ).....	117
Евгений СУВОРОВ. Мы связаны с тобой навеки... (стихи).....	119
Наталья СОСНИНА. Тихий шелест, звёзд мерцанье... (стихи).....	119
Наталья ЗОНОВА. Когда останемся вдвоём... (стихи).....	119
Светлана СТОЯНОВА. Ты говоришь мне... (стихи).....	120
Валентин ОХОПКИН. Нечаянные встречи (очерк).....	120
Людмила ХАНАЕВА. Синий день холодной грусти полон... (стихи).....	124
Олег ЮДИН. Проснулся август (стихи).....	124
Виктор БУРДИН. Мне на сердце темно... (стихи).....	125
Ксения МИХАЙЛОВА. Разорвала взглядом потолок... (стихи).....	125
Николай МАЛЫЦЕВ. Эхо войны (повесть).....	126
Ирина САМАР. Двадцать грустное августа (стихи).....	136
Сергей СМАЙЛИЕВ. Принято быть... (стихи).....	136
Андр. КАНЕВ. Проза и поэзия русских писателей. Республики коми в 2010 году (литобзор).....	137
Александр НЕКРАСОВ. Сказочная осень.....	178

ЛЮБИМОЙ РЕСПУБЛИКЕ КОМИ

Наш северный край – Республика Коми празднует в 2011 году свой девяностолетний юбилей. История страны и история нашей республики всегда были очень тесно связаны. Одним из символов государственности нашего региона, на мой взгляд, является её многонациональное население, творческий потенциал наших людей. 90-летию Республики Коми мы посвящаем выход в свет очередного ежегодного выпуска литературного альманаха «Сыктывкар».

Из всех творческих позиций особенно сильно отличается в массовую сторону – литературное творчество, отражающее современную жизнь. Поэты и писатели, живущие в Сыктывкаре в столице нашего северного края, из года в год всё больший и профессиональный вклад вносят своим трудом в общероссийский литературный процесс. Значительная часть этих произведений впервые публикуется на страницах нашего альманаха, в жизни которого произошло знаменательное событие – альманаху «Сыктывкар» была вручена Государственная премия Правительства Республики Коми за большой вклад в дело сохранения культурных и литературных традиций.

В его создании принимали участие многие люди, в том числе и члены редакционной коллегии, оказал большую помощь в составлении книги Союз писателей Республики Коми. Радует и тот факт, что активно на его страницах публикуют свои произведения участники литературных объединений «Алый парус», «ЛИСТ», «У камелька», «Геолог», лито СГУ, среди которых много как маститых, так и ещё совсем молодых авторов. Надеемся, что и этот номер литературного альманаха «Сыктывкар» получился удачным и будет прекрасным подарком любителям литературы к юбилею республики.

Приятного тебе чтения, читатель!

**Иван Поздеев,
Глава администрации
МО ГО «Сыктывкар»**

ИЗБА

*Герою Отчества, военному
писателю Николаю Иванову*

Землю затопили города.
Нет на ней избе крестьянской места.
Может, это вам не интересно?
Ну а вы не слушайте тогда.

Самая последняя мишень –
Сердце православного народа.
Крест крестьянин нёс, как знамя рода...
Но почти не стало деревень.

А изба всю землю подняла.
По степи шагала и по лесу.
Это тоже вам не интересно?!
Но изба нам Родину дала.

Но она нас к Богу привела.
Но она нам сказки сочинила.
Защищала, сеяла, растила,
На престолы царские вела.

Землю покорили города.
Ты избу хотя бы пожалей-ка.
Мы живём, как в клетке канарейка.
Вы не замечали никогда?

Я боюсь, что вдруг настанет день,
Ведь в семье у нас не без уroda,
Выстрелит безумная свобода
В сердце православного народа –
Самую последнюю мишень.

* * *

Николаю Цхадая

Коля, они все равно не поймут самого главного.
Будут заслуги твои считать, копейки, промахи.
Будут тянуть тебя к теплой своей гавани.
Но не бывает там парусников и черемухи.

Коля, а мама твоя все боялась страшного,
Чтоб не убили мальчиков просто так, проста.
И с опасеньем смотрела она на каждого.
Даже потом, «после достижения возраста».

Ты у нее научился добру и совести.
А у отца несгибаемости и мужеству.
Коля, и я не встречала печальней повести,
Чем твоей мамы радостное замужество.

Коля, мужчины с делом навек повязаны.
Вот ты и взялся за дело за настоящее.
Жимолость и жалость – про это еще не сказано –
Есть что-то общее в них и щемящее.

Как вы поете с братом в минуты редкие!
Кто поет лучше - не скажешь. Какая разница?!
В эти минуты черемухи белой веткою
Жизнь твоя, Коля, цветет, и блазнит, и дразнится.

Коля, а жалость – она ни к чему, но она, как жимолость,
Трогает сердце своею печалью блеклою.
Обе они бабы, вот и пристают: скажи, мол, мне,
Что это ты не конкретно так, а вокруг да около.

Коля, ты, Коля - садовая голова.
И без садов тебе выпало много славного.
Что-то закончились в песенке вдруг слова.
Коля, они все равно не поймут самого главного.

* * *

Моей маме

О.К. Мирошниченко - Кулагиной

Может, я просто очень уже устала,
Но забываю истину понемногу:
Как бы нас ни любила мама, все нам мало.
Как бы мы ни любили маму, все ей много.

Что ты, яблоня, плачешь и опадаешь:
К осени детки твои народятся сами.
Только ты, яблоня, горя того не знаешь,
Как это падать яблоком в сердце маме.

Перебираю вины свои по летам.
Каждому лету одною виною больше.
И для чего я тогда родилась поэтом,
Если стихи не искупят того, что больно.

Даже, когда помогают в пути вокзалы,
Истина не уступит и спросит строго.
Как бы нас ни любила мама, все нам мало.
Как бы мы ни любили маму, все ей много.

* * *

Россиянам – слава! Русским – честь!
Россиянам – воля! Русским – поле!
Россиянам – пенки! Русским – крест
Да на все на свете – Божья воля!

Кто бывает так, как русский прост:
Радость по душе, мороз по коже.
Русь моя, - несчастье в полный рост!
Но зато и счастье – в полный тоже.

Россиянам – лишку, нам – чуток.
Россиянам – наше. Взяли смело.
Мы глядим растерянно на Восток.
А глядеть на Запад – не наше дело.

Россиян – количество. Русских – тьма.
Россиянам слаще, а русским – по фиг.
Жалко только – горе вот от ума.
А за ум сегодня берутся профи.

А душа, хоть мучается, живет.
А надежда с верою не слабеют.
Только беспокоится мой народ:
Россияне русских не одолеют?

А потом подумает - ясно: нет.
Россиянам - воля, русским – поле.
Да сто бед в обед. Да один ответ:
С нами Божья Матерь и Божья воля.

Валерий ФОКИН,
(член СП России)

ВОВЕКИ

Почерневшие лики на досках,
Что иконами трудно назвать,
Да угрюмые люди в обносках,
Да река, повернувшая вспять.
Будто я заблудился в пространстве
Или в яму спустился до дна,
Где печать беспробудного пьянства,
Как проклятье на все времена.
Злат оклад непрочитанной книги:
Лишь раскрыть я её соберусь,
Зазвонят кандалы и вериги
В удивительном имени – Русь.
Русь моя, на обрыве, на вдохе
Мне калитку веков отвори,
Где смешали и дни, и эпохи
Заплутавшие дети твои.
Околоточный с ржавой «селёдкой»,
«Мусорок» с деревянным свистком
Отзовутся «палёною» водкой,
Долгой болью под левым соском.
Вековые отринув порядки
И собравшись в наёмную рать,
По партийной пришли разрядке

Твой хребет об колено ломать,
Но легли под чекистским наганом,
На чужой поскользнувшись крови,
Вместе с Азинышем и Губельманом
Протрезвевшие дети твои.
Вот и снова, глаза лишь закрою,
У обрыва застыв на краю,
Я листаю озябшей рукою
Рукописную книгу твою.
Тяжелы этой книги страницы,
Только надо читать всё подряд.
Но кричат озверевшие птицы
И глаза расклевать норовят.
Всё сгорело – и избы, и гнёзда,
Переплавилось золото в медь,
И сюжет переписывать поздно,
Надо лица запомнить суметь.
Эти стоны, и хрипы, и крики
Остаются во мне и со мной.
Так икон почерневшие лики
Мироточат слезою живой,
Проступают на стёклах оклада,
Чтобы Русь удержать, исцелить.
И не надо, не надо, не надо
Раньше срока её хоронить.
Ведь пока глубоки её реки,
Не пробьёт ей двенадцатый час.
Ей стоять, как стояла, - вовеки
И до нас, и при нас, и без нас.

РАФАЭЛЬ И СКУЛЬПТУРА (рассказ)

В горле пересохло. На нашей кафедре вот уже вторую неделю не работал самовар. Странные люди – эти «англичане», сплошные индивидуалисты. На других кафедрах импортные электрочайники, а у нас... Хорошо, если бы мы назывались «Кафедра национальной, самобытной культуры», тогда самовар был хотя бы идейно оправдан.

Я заглянул вовнутрь и увидел воду.

- Скажите, а самовар работает? – на всякий случай спросил я у секретаря, оторвав ее от компьютера.

- Я же вам уже говорила

«Говорила, говорила» – равнодушно подумал я.

- С собой надо носить – то ли в назидание, то ли по-дружески закончила она.

- А у «немцев» есть?

- Они переехали – не отрываясь от компьютера, сказала секретарь.

- А сюда ЦДО...

- Уже въехали.

- Понятно. Ладно, пойду еще у кого-нибудь спрошу.

На кафедре философии и культурологии было пусто. Не в смысле никого не было, а было ощущение, что просто пусто. Вещей было мало.

- У вас можно кипяток попросить?

Девушка удивленно посмотрела на меня, и я поспешил добавить:

- А то у нас на кафедре самовар сломался.

- Есть, сейчас согреется. Вам куда-то перелить?

- Да, в чашку. В доказательство я достал чашку.

- Если бы была банка...

- Да нет, я один. Остальные не хотят. Да нас и не много сейчас.

Она снова отвернулась к подоконнику и продолжила разбирать бумаги. Я присел на стол, разглядывая мусор, сваленный в углу в кучу.

- А «немцы» переехали?

- Да.

- Я у них всегда просил, а сейчас нет никого – соврал я.

В основном, это был бумажный мусор, по всей видимости «списанные» рефераты студентов. Рядом лежала коробка из-под импортного вина. Наверху виднелся листок, на котором я прочитал: «Глава 3. Рафаэль и Скульптура». Вдруг добрая девушка у подоконника сказала:

- Он сам выключится, когда закипит, - и вышла.

...На нашей кафедре кто-то с кем-то спорил. Дверь была открыта, и все было слышно уже на подходе.

- Не знаю, не знаю. Оно им надо? Вы думаете, они хотят учиться?

- Но зачем-то они сюда поступили?

- Вот именно – зачем-то. Половина из них случайные люди.

- Наша задача направить их в нужное русло.

- Поздно их уже направлять. Они взрослые люди. Возьмите, к примеру, физкультурников. За два года, два, полтора раза в неделю английский они не выучат. Потому что им это не надо, и в будущем вряд ли пригодится. У них постоянно то тренировки, то соревнования. И если они захотят выучить английский, то не благодаря, а вопреки университету.

- К сожалению.

В разговор неожиданно вступил третий голос.

- Кстати, вы знаете, зарплату опять задерживают.

- Ну да, правильно, почему бы ее не задерживать. Это мода такая.

- И было бы уж что задерживать. Кошкины слезы.

- Они делают вид, что они нам платят, мы делаем вид, что работаем.

«Ага, - подумал я, вспоминая реферат про Рафаэля, - мы делаем вид, что читаем их рефераты, студенты делают вид, что пишут их сами. Порочный круг». Я решил не заходить на кафедру, надоели все эти споры, обсуждения - переливание из пустого в порожнее. В коридоре я встретил своего студента.

- Виктор Анатольевич, поставьте мне зачет, пожалуйста.

- С какой радости?

- У меня скоро соревнования, я уезжаю.

- А я тут при чем? У тебя долг – текст наизусть. Будешь рассказывать?

- Совсем нет времени учить. Вы же знаете – я из тренировок не вылезаю. Может, я вам просто реферат напишу?

- Рафаэль и скульптура?

- Что?

- Да нет, ничего. При чем тут реферат? Английский устно сдается.

- Давайте, я вам потом расскажу. В следующем семестре.

- Давай свою зачетку. Значит так. На первом же занятии я спрошу, так что будь готов.

- Спасибо!

Все было глупо и неинтересно. Какое-то равнодушие охватило меня, мне стало совершенно все равно. Странно. Работаю всего четвертый месяц, а уже мне все равно, что будет, как они сдают зачет, даже ошибки надоело исправлять. Но потом я подумал: а что если тот студент не списал реферат про Рафаэля, не взял готовый, а сам изложил свои мысли? Пусть шанс не велик, но все же. И так мне захотелось найти этого, может быть, не существующего студента, чтобы спросить, узнать, сам ли он писал этот реферат, найти его, как последнюю надежду, что не все потеряно, что есть смысл жить и работать...

РЕЧКА ЛАПОТОК

Всей длины-то Лапоток-
С ноготок.
Никакой ему не нужен
Мосток.
Говорят порой про речку мою,
По колено, мол, она воробью,
Перейдешь и не замочишь ступни.
Ты ей только о себе намекни.
Мол, уехал ты отсюда давно.
А как было, ей не всё ли равно.
Всех приветит, кто придёт, Лапоток,
Даст воды своей студёной глоток.
Без вопросов даст себя перейти,
Если только ты не сбился с пути.
Вот такой он, мой родной Лапоток,
А всего-то просто тихий приток.
А всего-то только прочих родней,
А всего-то лишь водою бедней.
Но искони на Руси беднота
Добродушна, горделива, чиста.

ОДИНОЧЕСТВО

Жену схоронил и невестку
И с внуком стал век вековать.
Но внуку прислали повестку,
И внуку пришлось воевать.

На счастье надеялся, строил
Беседку в саду и не кис.
Но внук стал посмертно Героем,
И жизнь потеряла свой смысл.

Он ладит у дома качели,
Едва шелохнётся весна...
А вот и грачи прилетели.
Какая быть может война?!

ЛЮДИ ДРУГОГО ПОРЯДКА

Мне до «Медведково» от Беговой
Сорок минут с пересадкой,
Где за дорогой живут кольцевой
Люди другого порядка.

Лезут в автобусы, тащат мешки
Вечной усталой походкой.
Русские бабы и мужики
Травятся русской водкой.

Им безразличны рублёвский покой,
Чьи-то дворцы под охраной.
Нет у них злобы в душе никакой
Даже и к бесам с экрана.

И не горит под ногами земля,
И отступают все беды.
Празднуют там без указок кремля
Прошлые наши победы.

И поднимают детей к небесам,
И никогда не согнутся.
Вот бы прислушаться к их голосам,
Чтобы хоть раз ужаснуться.

* * *

Снова я сваял дурака,
Снова мне намяли бока,
Ведь хотел пройти стороной,
Ничего бы не случилось со мной.
Но хожу теперь в синяках,
И, как водится, у нас, в дураках.
А всего-то произнёс пару слов,
Но отделали меня, будь здоров.
Чтобы больше никогда не встревал,
Чтобы сдачи никому не давал.
Прогадали вы со мной, мужики,
Ох, как чешутся мои кулаки!
Заросли уже болячки на мне,
Как следы от шпор на резвом коне.
Обходите вы меня стороной,

Лучше век вам не встречаться со мной.
А коль встретитесь, держитесь тогда,
Вы запомните тот день навсегда.
Вот такая вот случилась беда –
Не хожу я стороной никогда.
Нет страшнее для врагов кулака,
У видавшего тот свет дурака.

* * *

Да брось ты горевать об уходящем,
Когда уходят, нечего жалеть.
Ещё он будет, случай подходящий,
По-взрослому бедой переболеть.

Мне ничего от прошлого не надо!
Зачем опять спешить в вагон пустой?
Ни голоса родного в нём, ни взгляда,
Ни искренности, кротости святой.

Всё вдалеке, воздушно, безвозвратно,
Как сизый дым над красною трубой,
Но как же знать, наверное, приятно,
Что это было всё-таки с тобой.

НА РЕКЕ

Не раз тонул в бучилах,
И что теперь скрывать,
Река меня учила
Как легче выплывать.

Над головой раскаты,
От молнии темно,
Но я все перекаты
Прошёл уже давно.

Река, одно мученье,
Стремится лодку сбить.
Но если есть течение,
То есть куда и плыть.

КЛАНЯЮСЬ В ПОЯС ДОРОГЕ

Тихо по жизни шагаю,
Кланяюсь новому дню,
Строчки для внучки слагаю,
Попусту жизнь не гоню.

Праздную осень и лето,
Счастлив весной и зимой.
И на все стороны света
Кланяюсь жизни самой.

Кланяюсь в пояс дороге
Я, как себе самому,
Вот и выходит, в итоге
Кланяюсь всем и всему.

Только за чёрствость обидно
Чувствам сердечным моим:
Кланяться людям не стыдно,
Стыдно не кланяться им.

Надежда ПРОХОРОВА

ЧТО, ЕСЛИ БЫ...

Ну, здравствуй, милый друг, и, правда, тесен мир!
Прошло немало лет, и ты уже седеешь...
На разговор у нас каких-то семь минут,
Мой поезд на восток, на север ты уедешь.

Я замужем уже. А ты? «Ещё» женат!
Наш первый поцелуй? Бывает, вспоминаю.
Сияли фонари, и тот снежинок рой,
Что с ветки ты стряхнул, казался мне цветами.

Я помню, как в глазах зелёно-голубых
Искала островок и думала остаться...
Как просто доверять мечтам в семнадцать лет!
Но перемененно всё, и нам пришлось расстаться.

Наверное, февраль в разлуке виноват -
Единственный в году непостоянный месяц.

Что, если б в марте нам столкнуться повезло?
Не знаю, милый друг, смогу ли я ответить.

Жалею? Бог с тобой! Что было – то прошло.
Не глядя ни на что – расстались мы друзьями.
Что ж, по вагонам, друг! А то мой проводник
Сердито хмурит бровь, а твой – искрит глазами.

Ты рядом, и в глазах мой виден силуэт.
И если я ещё на островке осталась,
Кто знает, может быть, в июне мы с тобой
Расстались лишь на миг, не навсегда расстались?..

* * *

Умоляю тебя:
Ну, давай помолчим!
Я устала жить в замкнутом круге
Из взаимных упрёков, взаимных обид,
Неприятных открытий друг в друге.

Слишком жизнь коротка,
Чтоб её коротать,
Рядом быть с человеком неблизким!
Я покоя хочу! Не хочу уставать,
В зоне быть постоянного риска!

Риска стать равнодушной,
Душою пустой,
Окружённой разочарованием.
Я ещё раз прошу – помолчи хоть чуть-чуть,
Ограничимся лишь расставанием!

Без взаимных упрёков, взаимных обид,
Отпуская легко, всё что было,
Центры жизни кругов
Мы с тобою найдём
В разных точках огромного мира!

«КТО ВИНОВАТ?» И «ЧТО ДЕЛАТЬ?»
(отрывок из повести «Театральная сага»)

В холле театра по зимнему тёплом и светлом ссорились две мегеры. Молодая, режиссёрка Глашка Сидоренко, и не очень молодая, а, честно скажем, давненько «бэу» завтруппой Агнесса Виленовна Пинчук. Основная драматургия скандала развивалась вокруг извечных русских вопросов «Кто виноват?» и «Что делать?».

Глафира орала:

- Где эта ваша верхивостка Вырыпаева? Она что не знает, что сегодня гастрольный выезд сказки, а у неё там одна из ведущих ролей Снегурочки?

Агнесса Виленовна в долгу не оставалась:

- Она не моя, это вы её, между прочим, ввели в состав труппы такую безответственную ладухру!

- Не я одна, а комиссия! Комиссия решала!

Остальные гастролёры, увешанные сумками с реквизитом и другой поклажей, стояли во круг и тупо и одновременно заинтересованно наблюдали за боксёрским поединком Тайсона и Валуева, выжидая, кто же победит, и когда уже ехать. Сидоренко была красива в своём гневе как никогда:

- Вы заведующая труппой, вы Агнесса Виленовна обязаны были ввести второй состав, чтобы не было подобных накладок! Вы виновны в сложившейся ситуации...

- Я? – визгливо скорбела Пинчук. – С какой это стати? Это главреж с директором издали приказ о том, что в сказках второго состава не делать? Я-то тут при чём? Это вы виноваты, вы...

- Да хрен тебе! – сложила изящную дульку из тоненьких пальчиков Глашенька и сунула её под нос Агнессе.

- Это тебе хрен! – Более мощная дуля с крикливо наманикюренными сардельками подлетела, и, сделав в наэлектризованном воздухе храма культуры широкую дугу японского бомбардировщика над американской авиабазой Пирлхарбор, почти ткнулась в не курносый носик Глафиры.

Возникла произвольная немая сцена. Неотвратно приближалась драка.

- Делать-то что? – Слишком громко в образовавшейся паузе спросил главный осветитель Серафим Тихонович. – Вы не ругайте Светланку, она хорошая девочка, она меня немножко любит...

Обе мегеры в общем порыве разжали дули и, обернувшись к влюблённому в Вырыпаеву старику, одновременно, уперев руки в боки, рыкнули на Серафима:

- Заткнитесь все!

- А что это я, например, буду затыкаться? – неожиданно встрял в бабские разборки женственный звукотехник Венечка. – Ехать давно пора.

- Без вас известно... - уже не злобно, а как-то устало сообщила Сидоренко.

Агнесса, тоже мгновенно успокоившись, посмотрела на Венечку, как на мускулистого матроса-спасателя на турецком взморье:

- Делать-то что?

Звукотехник переполнился собственной значимости:

- У меня предложение...

- Какое!? – чуть не хором вопрошали все.

- Давайте позовём Веронику Михайловну Трушкину, она никогда не отказывается от лишних подработок.

- И то верно, - поддержал его Серафим Тихонович, - в других спектаклях она пока не очень-то и занята, а пока двадцать километров от города ехать будем, и текст читает, а там что-нибудь сымпровизируют, детки ничего и не поймут...

- Сказка же... - философски резюмировал Венечка.

Режиссёрка Глашенька снова взяла власть в свои руки:

- Значит так, Агнесса Виленовна, ведите актёров в автобус, загружайтесь, готовьтесь к отъезду, а я к себе. Позвоно Трушкиной, пусть сидит на стрёме, мы по пути за ней заскочим...

- Лишь бы дома была... - вставил неугомонный Венечка.

- Типун тебе на язык, - отреагировал, как всегда сонный, Тихонович.

Пинчук уже улыбалась во весь рот:

- Будет сделано, Глафира Батьковна... - И обращаясь к ожидавшим служакам Мельпомены:

- Ну, что, орлы и горлицы, по машинам был приказ...

И все побрели кому на Запад, кому в другую сторону.

Вероника Михайловна Трушкина, вдова бывшего главного режиссера Сольскопермского театра драмы Порфирия Акимфовича Трушкина, сгоревшего от остановки сердца на подмостках, была уже дама солидного пенсионного возраста и средней комплекции, живущая неподалёку от храма театрального искусства. Как возрастная актриса почти юрского периода она в теперешнем своём положении практически не представляла особой ценности для режиссёров, но для ролей второго плана, будучи по природе своей «живчиком», ещё вполне подходила. Как «Вещь» в чеховской «Бесприданнице» - и не нужна особо и выкинуть жалко... От нечего делать одинокая Вероника Михайловна бралась за все подработки и вводилась самостоятельно без многочисленных репетиций за счёт своего огромного театрального опыта и неплохой ещё памяти на любые роли её профиля в подобных нынешней патовых ситуациях. По сему, как только услышав тихий нежный голосок Глашеньки:

- Вероника Михайловна, голубушка вы наша, театру необходима срочная, причём исключительно ваша помощь...

Быстро ответила:

- В чём проблема, душенька?

- Не могли бы вы на один спектакль заменить в роли Снегурочки приболевшую Светлану

Вырыпаеву?

И она, не впадая в рассуждения типа:

- Не стара ли?

Просто отвечала бархатным в своё время сводившим с ума не только Порфирия Акимфовича голосом:

- Я всегда готова...

- Мы за вами сейчас заедем, ехать придётся километров двадцать, на улице мороз, оденьтесь потеплее.

- Уже, уже, душенька, одеваюсь...

Ввалилась в театральный автобус Глафира в совершенно ином, чем недавно в холле, настроении духа:

- Трогайте, Петрович... - весело сказала она водителю, - сначала к Трушкиной заедем.

- За какую грудь разрешаете потрогать? - не удержался и схохмил дорожный балагур Петрович.

Сидоренко была настроена миролюбиво, поэтому тоже отшутилась словами из шлягера шестидесятых:

- Крепче за баранку держись, шофёр...

Автобус ринулся покорять заснеженные городские улицы. Пятиэтажный хрущёвской планировки дом, в котором жила Вероника Михайловна, находился по прямой сразу за тополиным скве-

ром в тридцать восемь тополей, в двухстах метрах по пешеходной дорожке. А чтобы подъехать к нему, оказав почтене престарелой примадонне, пришлось огибать два квартала. Она вошла в заиндевший автобус одетая в дублёнку и оленьи пимы, повязанная оренбургским пуховым платком и в салоне сразу же всё поменялось. Трушкина была из тех людей, которые, появившись в любом пространстве, сразу же заполняют его полностью. Два часа дороги в райцентр были разбиты на монологи воспоминаний о театральной жизни при Советах и нескольких минут молчания, когда Вероника Михайловна просматривала свою будущую роль закоренелой молодухи и красавицы Снегурочки.

Райцентровский Дом культуры стоял посреди села. Встречали заезжих артистов местные чиновники из отдела культуры районной администрации. В клубе было жарко натоплено, что не маловажно для актёров, переодевавшихся в импровизированных гримёрках. Зал был, как водится, полон благодарной публикой. И не смотря на то, что спектакль детская сказка, не только детьми.

Пьеса была так себе из «новоделов» с сюжетом, построенным халтурщиками драматургесами на основе нескольких народных сказок. В общем, Снегурочку похитил кровожадный Кощей Бессмертный, спрятал её в своём замке, поручил охранять некой злой колдунье, а Дед Мороз с добрыми лесными разбойниками её искали, нашли, и праздник Нового года, как ни странно, всё-таки состоялся.

В зале стояла завораживающая тишина. Ночная мгла сопутствовала общему настроению на ужасные события, которые вот-вот развернутся на завешенной какими-то страшными серозелёными лохмотьями сцене. Антураж змеиноного логова располагал к трепету в детских душах. Из всего реквизита на подмостках стояло огромное с вырезанными бесами деревянное коричнево-чёрное кресло. Это был трон главного злодея русских сказок – Кощей по фамилии Бессмертный. Играл злодея беспробудный пьяница артист Окуневский, хлипкий сорокапятилетний старикашка лысый в жизни почти на всю голову с одутловатым лицом завсегдадая «резвяка». Он и по жизни-то был человеком не ангельской наружности, а в гриме совсем уж ужасный Бармолей, да ещё с огромным деревянным рыцарским мечом, в патлатом парике, громоздких звенящих при каждом шаге доспехах и чёрной бэтмэновской накидке. На голове одуванчиком грозно сидела золочёная корона с одним обломившимся за долгую гастрольную жизнь кончиком. Фигуру, появившуюся в кулисах выхватил ярким лучом софита вечный его помощник по опохмелке притаившийся в будке киномеханика за спинами наивных сельских зрителей Серафим Тихонович.

Это чудище, Кощей Бессмертный, выползло на клубовскую сцену, сумрачно глянуло в зал и трагическим баском произнесло:

- Что-то тут человечинной пахнет!!! У-у-у-у...

Деревенские ребятишки и так-то сидели, затаив дыхание, а тут совсем уж притихли, может, кто втихаря и напрудил папке на коленки. Сдабривалась эта жуткая сцена нелепыми завываниями жутковатой музыки, которую фонограммно крутил звуковик Венечка.

Играл, конечно же, Владик Окуневский обалденно. Что уж тут говорить, самые талантливые, они всегда на Руси алкаши. Он казался со сцены, несмотря на свой почти карликовый рост, огромным великаном, приспешником вселенского зла. Он всегда преображался на любой сцене, становился другим и настоящим, живущим ту жизнь, которую играл по воле режиссёров и драматургов. Мне всегда было искренне жаль Окуневского, когда на афишах писали однокурсников по «Шуке» заслуженный такой-то, народная такая-то и просто-напросто – артист Окуневский. Самый талантливый из них. В лихие девяностые, когда театральной провинциальной артистической богеме практически перестали давать театральную зарплату, пятидесятилетний Владик завязал кадьяк зелёным змеем, очистил печень и стал работать продавцом в магазине «Охотник и рыболов» удачно торгуя ружьями. Это была его самая талантливо исполненная последняя в жизни роль, через пару лет забытый всеми собратьями по театральному цеху «просто актёр» Окуневский тихо

умер у себя в приватизированной комнате когда-то театральной общаги. Но это случится ещё не скоро, а сейчас...

- А сейчас должна уже появиться Снегурочка... - грозно вещал не по тексту постановки Кощей.

И вскоре, шокируя своим уже не маскируемым возрастом местных мужиков, появилась престарелая Снегурочка. Но уже через несколько мгновений (вот она истинная сила искусства!) никто не замечал возрастных нестыковок, все зачарованно следили за тем, как пожилая внучка престарелого долгожителя Деда Мороза вальсирует сама с собой по сцене. А в конце спектакля бурно аплодировали вышедшим на прощальный поклон артистам.

Перед отъездом актёрам устроили фуршет, накормили деревенскими разносолами, напоили суром, пивом местного производства. Когда ехали назад в город, заиндевелый на морозе, театральный автобус сотрясали песни, а недавние боксёры тяжеловесы Тайсон и Валуев с дулями вместо дуэльных пистолетов, Глашка и Агнесса хлестали, сидя в обнимку на заднем сиденье, коньяк, что называется с горла, напрочь забыв об извечных русских вопросах «Кто виноват?» и «Что делать?»...

Иван ПЕХТЕРЕВ
(Беларусь, г. Могилёв)

СЛЕД НА СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ

*Митрофану Курочкину и Зинаиде Ролдугиной,
белорусским северянам, друзьям-землякам*

Был для нас Крайний Север не краем,
Утонувшим на век в белой мгле,
И, конечно, не сладостным раем:
Труд не лёгок на этой земле.

Племя звонкое шестидесятых
И последующих добрых лет
На земле, бывшей ссылкой когда-то,
Свой горячий оставило след.

Выли вьюги, дожди моросили,
Только след наш в годах не остыл,
Мы горды, что когда-то России
Подарили Усинск и Вуктыл.

Нефть и газ. Клад их неиссякаем –
И в тайге поднялись города.
Стал для нас Крайний Север тем краем,
Где мы юными будем всегда!

Виктор ДЕМИДОВ
(уже год, как нет с нами Виктора Ивановича,
вспомним...)

ПО ОСЫПЯМ ЗВЁЗД ЛЮБЛЮ ВОСХОДИТЬ

По снежнику,
По осыпям звёзд,
По зыбучему Млечному пути
На вершину,
Где живёт Дед Мороз,
Мне хочется взойти.

Но крик восхищенья
Некстати возник, -
И сорвалась звезда...
Рухнул лавиной слепой карниз,
И понесло в никуда...

Я удержался на гребне волны
И даже – упряжку спас...
Солнечноликим Богом весны
Мне улыбался Спас...

Он не грозил:
- Ужо погоди!..
Он в небе парил невесом.
Он страстно желал мне:
- Живи и дыши
С миром моим в унисон!..

Люблю восходить по осыпям звёзд,
В ладони ловить первый снег...
В самый лютый российский мороз
Сердцем открыт весне.

О ЧЕМ ШЕПЧУТСЯ БЕРЕЗЫ (рассказ)

Чаще всего это случается темными осенними ночами, когда пронизывающий северный ветер начинает гнать на юг, вслед улетающим журавлям тяжелые тучи. Тогда березы, растущие возле покосившейся избы с черными окнами и растрескавшимися от времени бревнами, начинают махать своими голыми ветками и беспокойно шептаться друг с другом. Может, жалуются на то, что без зеленой одежды совершенно окоченели на ветру. А, может, вспоминают прежнюю жизнь, в которой и хорошего, и плохого было вдоволь. Хотя до скончания века им еще далеко, немало всякого повидали они, и если б кто-то смог понять, о чем шепчутся деревья, то многое бы узнал и о заброшенной избе, и о ее прежних обитателях.

Нелегко рассказ берез. Он о большой утрате, от которой содрогается сердце.

- Помнишь хозяина этой избы? Его прозвали усердным Оськой. Как крот, был трудолюбив. Попадись ему рычаг, он бы и Землю перевернул. За все хватался, и все ему удавалось. Как вернулся с гражданской войны, своими руками поднял эту хоромину. Из соседней деревни привел жену, такую же работающую. Очень красивой была Агафья. И стали молодые жить-поживать да добро наживать. В молодости все надеются только на хорошее...

- Ну, нас с тобой тогда здесь и в помине не было... Малые и слабые, росли мы возле Вахрамеева ручья. Там и нашел нас усердный Оська, а ранней весной выкопал и перенес к этой избе. А еще раньше хозяин посадил у дома лиственницу... И называл нас божьими деревьями... Часто говаривал, что счастье ему принесем...

- Первое время они и, правда, счастливо жили... Хозяин-то срубил избу в расчете на большую семью. Хотел много детей иметь, и Агафья старалась оправдать его надежды. Чуть не каждый год девку или парня рожала... А сами день и ночь в трудах. Несколько коров и лошадей держали... И дети как-то подрастали, вставали на ноги, начинали говорить. В школу ходили книжной грамоте учиться.

- Да, весело было в то время у них в семье! И без дела не сидели. На подсеках сеяли ячмень да рожь. На огороде посадили картошку, брюкву, капусту, лук... Траву косили... Старшие дети родителям помогали. А остальные возле дома возились да заячих гостинцев дожидались... С малых лет ребят к труду приучали – то маленькими ведерками воду в боню наносят, то грядки прополют, то за черникой сходят в ближайший ельник... Оська-то птиц любил. Смастерил скворечники и развесил их на длинных жердях вокруг избы. И лето напролет возятся скворцы со своими птенцами. А устанут, усядутся на наших ветвях и так запоят, что заслушаешься...

- А после работы и домашних дел любили супруги посидеть на крыльчке. У обоих ладони рук в трещинах от тяжелой работы, солнце дочерна обожгло лица. А они счастливы! Вон какое хозяйство удалось поднять – скотины полный хлев, хлеба, молока и мяса вдоволь. И дети отцу да матери подмога...

- Кое-кто в деревне сильно завидовал семейству усердного Оськи, называл его кулацким гнездом. Дескать, куда власти смотрят, пора их раскулачивать... А Оська не придавал значения этим угрозам. Все было найдено честным трудом... Не завидуй и не ленись – и бог тебя вознаградит сторицей... А еще Оська верил своим божьим деревьям: помогут и детей поднять, и в люди их вывести...

- А помнишь ту весеннюю ночь, когда под нами долго разговаривали парень с девушкой? Это Павел, старший сын Оськи и Агафьи, приводил невесту Аглаю знакомиться с родителями. Те от

радости не знали, куда усадить молодых... Оська планировал следующим летом поставить сыну новый дом возле родительской избы...

Порывы взбесившегося северного ветра вновь заставили березы размахивать ветвями, словно они на кого-то злились или им просто не хватало слов:

- А помнишь ту ночь?!

- Помню... Как не помнить... Не помогли Оське божьи деревья...

- Зря он не поостерегся... Дошли до властей жалобы завидующих соседей на усердного Оську. И решила власть на черное дело...

- Осенней ночью вошли люди в избу усердного Оськи с ордером на арест. Дали семье несколько минут на сборы. Велели брать с собой только самое необходимое. Зашлась в крике Агафья, заплакали испуганные дети. И только Павел не проронил ни слова...

- Столько слез и горя этот дом еще не видел... Пререкаться было бесполезно, только хуже бы себе сделали... Несколько дней назад также ночью увели из их деревни несколько семей неизвестно куда...

- А помнишь последнюю просьбу усердного Оськи?

- Просил нас отвести беду хотя бы от детей... Чем мы могли помочь?..

- Опустел дом усердного Оськи... И лиственница засохла... А какая красивая была! Осенью казалось, что солнечные лучи пляшут по ней, окрашивая золотом каждую иголку. А весной в зеленом сарафане она была, как куколка!.. Так и засохла... А потом буря повалила ее...

- А помнишь тот веселый весенний день, когда во двор зашел мужчина в потертом костюме, с морщинами на лице? Весь седой... Когда он обнял нас, не сдерживая слез, узнали мы Павла. Как он постарел!..

- Оська с Агафьей в лагерях сгинули... Детей по детским домам раскидали... Павелу тоже срок определили, потому что уже взрослый был... А потом всю страшную войну прошел... С Аглаей больше не встретился, развела их жизнь. Хоть и женился на другой, а первая любовь так сердце и не покинула... Сейчас уже на пенсии. Жена умерла. Дети живут своими семьями...

- Плюнул он на все и вернулся в родное гнездо... Как мы надеялись, что удастся ему вдохнуть жизнь в старый дом и зазвучат в нем человеческие голоса! Но не вышло у него...

- Написал он письмо сыну. Пригласил навестить его в обновленном доме... И недели через две увидели мы оранжевую легковушку... Но отказался сын понять отца и уехал. А Павел занедужил и стал равнодушным ко всему...

- Похоронили его на местном кладбище... А где лежат кости Оськи и Агафьи – о том лишь бог ведает...

И лишь ему известно, как долго еще стоять здесь березам...

Перевод с коми Алексея Иевлева

Валерий ВЬЮХИН
(член СП России)

СОЗВУЧНОСТЬ

Луна, словно лыковый лапоть.
Заброшенный на небеса.
Как тянет смеяться и плакать,
И с неба ловить голоса.

Как хочется, душу пришпоря,
Подняться в небесную синь,
Чтоб вольно парить на просторе,
Гусей не дразня и гусынь.

Как хочется раскрепощенья
Измученных чувств и души,
Не слышать ничьи поученья,
Как не были б те хороши.

Как хочется мира и лада,
Созвучности мыслей и слов,
Спокойного, ясного взгляда,
Пронзительно-честных стихов.

Но так не бывает, пожалуй,
Иные удачи не в счет...
Судьбу, словно плот обветшалый,
По самой стремнине несет.

Сергей ЖУРАВЛЁВ
(член СП России)

ВОЗНЕСЕНИЕ В ПОБЕГЕ *(Из воркутинской тетради)*

Пятна крови. Жесткий снег.
Псы на ключья рвут надежды,
усмирив чужой побег.
Ненасытно время власти.
Кум гуляет вдоль шеренг...
Хром сапог, скрип безучастный, плац, мертвец,
жестокий снег.

Строй молчит, но исподлобья все
бросают взгляды вверх,
выше птичьего полета.
Каждый знает: в одночасье и его прервется век...
Пятна крови, жесткий снег.

Над метелью, над закатом
примеряет беглый эск
белоснежные одежды.
Гулко клацает замок, как затвор у автомата,
отворяются ворота, Петр и Павел впереди.

Позади – жестокий снег,
плац, развод на месте лобном,
кобели, что воют злобно,
воркутинские болота, черный уголь, серый строй
с позабытою весной.

Раиса КУКЛИНА

ЛИРИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.М. ДЬЯКОНОВА

К 100-летию со дня рождения коми драматурга

Николай Михайлович Дьяконов (1911-1982) является единственным коми драматургом, который, начиная с 1950-х гг., писал лишь комедийные пьесы. Автор сам обозначал их жанр. «Свадьба приданной» (Свадьба с приданым), «Квартет Николая Курочкина», «Эжва дорса букет» (Букет с берегов Вычегды), «Нивушка-Нива» драматург назвал лирическими комедиями, «Кёка войё» (В кукушкину ночь) – водевилем, «Куим багатыр» (Три богатыря) – сатирической комедией, «Зарни медальон» (Золотой медальон) – комедией. Драматург был профессиональным артистом и режиссером. За 30 лет работы в Коми республиканском драматическом театре он поставил более 73 пьес. Сыграл несколько десятков ролей. Имея в виду его театральную деятельность, можно предположить, что при обозначении жанра он ориентировался не только на общеизвестные теоретические установки, но и имел в виду законы сценического воплощения драматургического материала.

Николай Дьяконов был комедиографом по своему мироощущению. В своих произведениях проявлял склонность к добродушному и снисходительному юмору, оптимистический задор, изобретательность в создании комедийных ситуаций, которые призваны были вызвать улыбку и добрый смех. Юмористическое отношение к жизни являлось творческой позицией драматурга и особенностью его артистической природы. Смех в его комедиях был мягким и щадящим. Использование возможностей комедийного жанра способствовало тому, что автор мог выразить свою веру в справедливость.

Первая лирическая комедия «Свадьба» (на сцене Коми республиканского драматического театра была поставлена в 1949 году), впоследствии претерпела ряд существенных изменений. Изменились название пьесы, а также – имена главных героев и фамилии некоторых персонажей. Она была переведена на русский язык. В вариант на русском языке были включены только некоторые

второстепенные персонажи. В статье рассматривается вариант пьесы, включенный в сборник «Свадьба приданной», изданный в 1991 году.

Эпоха времени написания первой лирической комедии коренным образом отличалась от последующих десятилетий. Известно, что в конце 40-х годов на всей территории Советского Союза продолжались репрессии. Литературоведы и критики требовали, чтоб писатели создавали сатирические комедии, которые были призваны быть оружием против антинародных сил, и приветствовали те произведения, в которых доминировал беспощадный и злой смех.

В то же время, как отмечает исследователь драматургии 50-х годов Б.Бугров, «в начале десятилетия в театрах самых различных регионов шли комедии драматурга из Коми АССР Николая Дьяконова «Свадьба с приданным» (особенно популярным оказался спектакль столичного Театра сатиры в постановке Бориса Равенских), осетина Асахмета Токаева «Женихи», грузинки Марии Бараташвили «Стрекоза», узбека Абдуллы Каххара «Шелковое сюзане» («На новой земле») и другие».i Литературовед делает интересное наблюдение, что в этих и в других комедиях послевоенного времени, нельзя не заметить общей черты – «максимализма в оптимистическом восприятии происшедшего, когда хотелось быстрее приблизить это солнечное Завтра, насладиться этим долгожданным мирным временем».

Как и многие другие драматурги этого периода, Николай Дьяконов сумел отрешиться от принципов конфронтационной литературы. Первое его лирическое произведение убеждает, что автор не стал слепо копировать действительность, следуя так называемому принципу правдоподобия. Писатель смог возвыситься над устрашающей действительностью. Он не впал в отчаяние от человеческих переживаний и страданий, выпавших на долю его поколения, и смог создать пьесу, в которой ведущим лейтмотивом становится любовь людей друг к другу, любовь к труду и к родной земле. В комедии «Свадьба с приданным» был создан иной художественный мир, отличающийся от реального настолько сильно, что это драматическое произведение становится своего рода шедевром для театрального искусства 50-х гг. А в литературоведении, благодаря этой комедии, появилось новое понятие – понятие жизнеутверждающей комедии. Николай Дьяконов воплотил в ней свой идеал единения дружелюбных людей, занятых общим созидательным и радостным трудом.

Лирическую комедию можно отнести к комедиям-сказкам. Это «комедия, сотканная из ярких поэтических узоров, как бы боющаяся зацепить своим трепетным крылом грубую действительность и ушедшая в мир фантастики и дерзкого вымысла; сказка – это светлая радость, мечта...».ii Лирическая комедия – это «...пьеса, отмеченная лиризмом, особым поэтическим строем характеров», – писал исследователь драматических жанров В.Фролов, имея ввиду жанровые доминанты произведения.

«Свадьба с приданным» явилась важнейшим этапом в творчестве Н.Дьяконова. В ней содержалась квинтэссенция его идей.

Существенной особенностью является то, что в комедии ярко выражена авторская позиция по отношению к героям. Отношение к Ольге Степановой, Максиму Орлову, Гале, Курочкину, Василисе Степановне, Муравьеву и другим персонажам отличается необыкновенной теплотой. Идеал человека, занятого созидательным трудом во имя процветания родной земли вдохновляет автора и диктует правила благожелательности и дружелюбия. Смех в комедии – добрый, мягкий, снисходительно-прощающий.

Эту особенность отметила С.М.Попова в своей рецензии «Н.Дьяконовлён комедия «Свадьба» сцена вылын». «Достоинство комедии «Свадьба», – отмечалось в рецензии, – состоит еще и в том, что автор пьесы не изыскивает для действующих лиц искусственные смешные ситуации, не создает каких-то особенных взаимоотношений. Эта комедия написана не ради смеха. Действующие лица обладают легким юмором, чувствуется, что автор избегает злого смеха над героями, он любит их». (Перевод подстрочный Р.К.)

В комедии нет безликих персонажей. Почти для каждого образа драматург находит какую-нибудь черту, формирующую его комедийность. Упрямство Ольги, беспочвенная ревность Максима, постоянное стремление Курочкина к самоутверждению, кокетство Любы Бубенчиковой, чрезмерная увлеченность деда Авдея своим делом, лукавство единоличницы Лукерьи призваны вызывать улыбку или снисходительный смех.

Общеизвестно, что комедия «Свадьба с приданным» в 50-е годы была поставлена во многих театрах Советского Союза и в странах Восточной Европы. Страницы периодической печати тех лет отражали ее триумфальный успех. И в то же время, естественно, были критические высказывания, как по поводу героев, так и в отношении некоторых сценических решений. Многие рецензенты конфликт в комедии видели в борьбе между старым и новым, передовым и отсталым, что являлось данью времени – эпохе величайших злодеяний и преобразований.

Основу конфликта в лирической комедии следует искать в сфере чувств и переживаний действующих лиц. Главные герои комедии «Свадьба с приданным» – Ольга Степанова и Максим Орлов – бригадиры соседних колхозов «Искра» и «Заря». Максимализм, самонадеянность юноши и высокомерие девушки становятся причинами серьезной размолвки. Но молодые герои влюблены друг в друга. Максим, как человек, побывавший на войне, ратует за дисциплину колхозников в бригаде, а Ольга больше надеется на агротехнику.

Драматург создает сцены, которые убедительно подтверждают, что молодые люди по-настоящему любят друг друга. После ссоры с Максимом Ольга обращается, то к деду Авдею, то к парторгу Муравьеву.

ОЛЬГА. Я совсем глупая, Александр Сергеевич!

МУРАВЬЕВ. По какому поводу такая самокритика?

ОЛЬГА. Сейчас Максим Орлов сватать меня приходил...

МУРАВЬЕВ. Да? Поздравляю!

ОЛЬГА. А я... При всех людях такое ему сказала и сама не знаю, что теперь будет. (Плачет.) Сама свое счастье погубила.

МУРАВЬЕВ. Спокойно, спокойно. Что ты ему сказала?

ОЛЬГА. Что он... Что он... Деревянной сохой на козе пашет... Ой! (Плачет.)

(Здесь и далее перевод диалогов комедии подстрочный Р.К.).

Знаменательным является то, что девушка делится своими переживаниями не со своей матерью и сестрой, а с чужими людьми. Так драматург реализует свою идею единения людей. Его герои, несмотря на случающиеся размолвки, доброжелательны, доверчивы, великодушны, умеют сострадать и сочувствовать. Ольга к тому же умеет критически оценивать не только чужие, но и свои поступки. Ее образ, благодаря этому качеству, становится еще привлекательнее.

Лиризм пьесы основан на возвышенной любви персонажей к родной земле, к своему труду. Беспредельность такой любви раскрыл режиссер Б.И.Равенских в спектакле, поставленном в московском театре Сатиры: «Спектакль «Свадьба с приданным» ставился как спектакль-песня о родной земле, о хлебе, о творческом труде колхозного крестьянства, о большой, настоящей любви. Спектакль должен говорить зрителю: все, что делается в изображаемом колхозе... делается во имя счастья нашего народа, для торжества мира во всем мире... Добываясь целостности идейно-художественного звучания спектакля, мы искали точную пропорцию соотношений комедийных, лирических и торжественно приподнятых моментов... Поэзию и лиричность спектакля мы видели не только в оформлении, музыке или в любовных сценах, но и в обыденных, на первый взгляд, вещах...». Можно убедиться, что в сценической версии пьесы удалось удачно и полнокровно превратить задуманный лиризм, возвышенность чувств героев, их миролюбие и доброжелательность.

Надо отметить, что общественно-политическая атмосфера времени написания пьесы была отмечена продолжением острой борьбы за социалистические преобразования. Писателям предлагали «решительно перестроиться, покончить не на словах, а на деле с бескофликтностью в драма-

тургии, не бояться изображать злое и вредное, лечить сатирой общество, клеймить людские пороки»).

Герои «Свадьбы с приданным» исполнены искреннего дружелюбия. Максим Орлов не на словах, а на деле вместе со своими колхозниками помогает труженикам соседнего колхоза. Пирогов освобождает для него пост председателя. Неугомонный нарушитель дисциплины Николай Курочкин, несмотря на жажду лидерства, является всеобщим любимцем. Единоличница Лукерья Похлебкина, не принимающая участия в колхозной жизни, усажена за свадебный стол.

Таким образом, в своей первой лирической комедии Николай Дьяконов сумел представить картины жизни людей села, основанных на своих представлениях о благожелательных человеческих взаимоотношениях.

В комедиях, написанных в 60-80-е гг., происходит дальнейшее развитие художественного принципа, основанного на тяготении драматурга к лирической романтизации характеров и к юмористическим формам изображения. В них создан особый мир, в котором действуют немного странные (с точки зрения жизнелюбия) персонажи с неумеренно возвышенными чувствами, совершающие алогичные (с точки зрения целесообразности) действия и поступки. Авторская позиция по отношению к героям изменилась. Если в комедии «Свадьба с приданным» чувствуется сердечная теплота, сочувствие по отношению к своим героям, находящимися в конфликте, то в последующих пьесах сцены размолвки и ссоры между влюбленными героями отсутствуют. Автор любит ими, поощряет их энергичность, деловитость, смелость, желание честно трудиться. При этом следует отметить, что он с любовью подбирает имена действующих лиц: Лира, Сеня Лялин, Устенька, Василек, Дуняша, Филя Колосков, Нивушка-Нива.

В комедии «Три богатыря» драматург видоизменяет конфликтное противостояние героев пьес. Это является немаловажным художественным фактом. В вышеуказанной комедии и в последующих лирических пьесах любовные взаимоотношения между молодыми героями становятся не разъединяющим, а объединяющим фактором.

Автор продолжает разрабатывать тему первой влюбленности. Благодаря ей, художественная ткань произведения пронизывается мотивом теплого лиризма. Молодые супруги Филя и Устенька Колосковы являются опорой, настоящими помощниками друг другу. Первая любовь представлена как цельное чувство, как возможность самосовершенствования. Она рождает веру и надежду в сердцах героев, придает образам благородство и возвышенность.

Главный герой – Филя Колосков – представлен самозабвенно любящим мужем и отцом, смелым, инициативным. И в то же время драматург использует эксцентрические средства для того, чтобы создать интересный художественный образ. В пьесе есть сцены, созданные для эпатажа. Герой может удивить, даже несколько шокировать других персонажей (следовательно, и – зрителей). Вот как ведет себя Филя, узнавший, что Устя родила тройню.

ДУНЯША. Забрался на пожарную каланчу и стал орать: «Я папа! Я папа!» Хотел спрыгнуть оттуда, но мы успели подхватить.

ЛЕШКА. Затем сиганул в столовую и там всех перецеловал.

ДУНЯША. И даже лохматую собаку Василия Анисимовича.

ЛЕШКА. А повара чуть не кинул в котел с клюквенным киселем.

ДУНЯША. После этого вытарацил глаза и сиганул через окно.

Можно убедиться, что созданы сцены, передающие, с одной стороны, ликование Фили и искреннее недоумение других персонажей по этому поводу. Автор для занимательности интриги выстраивает сюжетную линию таким образом, что персонажи пьесы лишь потом узнают, что Филя женат и о радостном событии, что он стал отцом. Эпатажным является и внешний вид героя. В руках у него – балалайка, на шее висят игрушки, глаза горят, а на голову надет туйсок.

Лирическая атмосфера комедии становится более ощутимой, именно благодаря чувству открывающей любви между молодыми героями, эксцентричной радости Фили Колоскова по поводу рождения сыновей.

Драматург также создает ряд сцен, в которых показывает, как он заботится о своих первенцах-«богатырях», оберегает Устю от излишних тревог, от необдуманных поступков. В юмористическом свете показана некоторая наивность Фили, его неумение реально оценить новую ситуацию. Например, он собирается накормить новорожденных редькой.

Во всей комедиографии Николая Дьяконова можно найти много подобных сцен, призванных вызвать добродушный смех или улыбку. Драматург неустанно искал различные комические ситуации, чтобы выразить полноту кипучей энергии молодых героев, но энергии не разрушительной, вызывающей негативные чувства, а - развлекательной.

В журнальном варианте драматург указывает, что эта комедия сатирическая, хотя в ней нельзя обнаружить ярко выраженных сатирических средств изображения. Вероятно, авторский замысел заключался в том, чтобы привлечь внимание к негативным явлениям, имевшим место в жизни коми деревни 60-х годов. И все же эту пьесу целесообразно отнести к жанру лирической комедии.

Характер комедийного персонажа раскрывается в комедийном конфликте, в комической борьбе. В комедии «Три богатыря» происходит бескомпромиссное разоблачение стиля работы руководителя колхоза. Фила обличает Октябрьину, которая является не только бригадиром, но и его матерью, в том, что свой лес они продают ростовским и украинским совхозам и в то же время «едут в развалившихся розвальнях».

ОКТЯБРИНА. Как тебе не стыдно, Фила? Мы работаем не покладая рук. Куем миллионы, а он – «в розвальнях»...

ФИЛЯ (горячо): Миллионы твои фальшивые! Мы не миллионеры, а самые бедные да нищие. Что ты на меня смотришь? Богатство ведь по земле да по поголовью определяется. А много ли у нас скота? На каждого мужика приходится одна корова, на каждую бабу – теленок, детям – ягненок, а на руководителей колхоза – по свинье! Хлеба курицам не хватает. Вот и все богатство наше. На это богатство и гудка не купишь.

Этот диалог убеждает, что герой не хочет мириться с фальшью и обманом.

Смысл своей жизни молодые колхозники видят в ежедневной кропотливой работе. Заботиться о колхозной земле, использовать ее возможности, думать о сохранении выращенного урожая – вот в чем видят свой долг Дуняша, Василек и другие персонажи. Они мечтают о счастливой и радостной жизни. Возвышенные чувства, светлые помыслы, искренняя вера в будущее счастье, – все это придает поэтичность их образам.

Лейтмотивом комедии является мечта Фили о счастливом будущем своих сыновей, «трех богатырей» Ильи, Добрыни и Алеши. Неоднократное упоминание о новорожденных «богатырях» сопровождается обещаниями Фили работать так, чтобы жизнь стала краше и богаче. «Через несколько лет мои богатыри будут купаться в молоке...» – утверждает он. Драматург дает возможность убедиться в истинности его веры, что только честный и добросовестный труд является залогом будущего счастья. Целеустремленность героя становится одним из способов раскрытия его характера. Он обладает активной позицией, решителен и деловит.

Комедийная борьба в пьесе происходит между главными героями и персонажами, которых автор хочет высмеять. Высмеиваются такие пороки, как угодничество, слепое послушание, взаимное покровительство, очковитительство. Драматург использует прием сатирического саморазоблачения. Выясняется, что председатель колхоза Люлич Васька «вращался» по «орбите», начерченной свыше, а агроном Чипсан Петыр ориентировался не на целесообразность работы, а на свой «гениальный нюх». Палич Микул (заведующий МТФ) слепо исполнял указания свыше.

Драматург вводит в пьесу монолог уполномоченного обкома Озерова, который разоблачает Октябрьину.

ОЗЕРОВ (становится на колени). О, да, волшебница моя! О твоей красоте и волшебстве я насышан... Слышал и про твою горячую энергию да про те фокусы, которые ты умеешь искусно показывать перед колхозниками всей республики!.. (Прибавляет пафос.) Ведь на самом деле надо быть искусным фокусником, чтобы на глазах людей навек забросить сотни гектаров колхозных угодьев, сделать колхоз леспромхозом, продать весь лес и выйти в разряд миллионеров! Я думал, что ты давно уже стоишь посреди села на гранитном пьедестале, а ты в лесу красуешься на гнилом пне!..

ОКТЯБРИНА (холодно.) Хватит смеяться, товарищ секретарь.

Автор использует иронический, порицающий смех, который призван вызвать насмешливое отношение к фальшивым миллионам. Озеров критикует не только руководство колхоза, но и молодежь. «Вот-вот. Свора Люлич Васьки продает лес и гуляет, молодежь критикует их из-за изгороди, а старый дед коммунизм строит», – подзадоривает он Филю.

Помимо сцен, во время которых автор дает возможность открыто разоблачать пагубное для колхоза единовластие Октябрины, драматург создает и иные картины, которые раскрывают ее самоуправство. Она избивает своих помощников за то, что они перестают ее поддерживать. Автор избегает натуралистических сцен. О «расправе» можно узнать со слов потерпевших персонажей. Эти сцены играют решающую роль в изменении сюжетного хода пьесы. По замыслу автора, затем происходит самоотстранение горе-руководителей от руководства колхозом.

Таким образом, персонажи в комедии «Три богатыря», персонифицирующие отрицательные качества (бесхозяйственность, равнодушное отношение к делу, к земле, поиск легких денег) разоблачаются и высмеиваются средствами сатирической типизации.

Лирическая комедия «Букет с берегов Вычегды» была опубликована в 1966 году, а «Нивушка-Нива» - в 1981 году. Эти пьесы имеют некоторое сходство, в то же время произошла трансформация жанровых особенностей. В них неизменным компонентом поэтики является юмор по отношению к полюбившимся автору героям-труженикам. Юмор также служит структурным элементом при создании характеров и при индивидуализации речи. Происходит усиление иронической интонации по отношению к горе-руководителям, антиидеалам драматурга. Молодые герои в комедии «Нивушка-Нива» становятся менее восторженными и более деловыми. Автор создает диалоги, которые раскрывают не только их трудовой энтузиазм, но и бойцовский характер.

Неординарность конфликтной ситуации, неправдоподобность ряда положений, в которых оказываются персонажи, речь действующих лиц, пронизанная пафосом, создают впечатление нарочитости. Но именно подобное изображение составляет основную специфику творческой манеры Николая Дьяконова.

Драматург наделяет Сеню Лялина («Букет с берегов Вычегды») поэтическим видением. Герой способен предвосхитить будущее. И оно в его фантазиях и мечтах прекрасно. Сеня уговаривает мать Леры, свою тещу, живущую на юге, поехать на северную новостройку.

ЛЯЛИН. Родная земля больше всего дорога, Вера Михайловна.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. Не спорю. Ну и каков твой букет?

ЛЯЛИН. Пять красивых цветов-микрорайонов. Но как цветут!.. Самый первый – «Весна». Если бы вы знали, сколько черемухи растет в этом районе! Понимаете, Вера Михайловна, какой вкусный запах распространяется, когда начинает цвести черемуха! Обо всем можно забыть!

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. Да, да, я уже слышу запах черемухи.

ЛЯЛИН. А весенняя Вычегда – как море! Весь город всю весну здесь отдыхает. Когда садится солнце, звучит музыка, слышны песни. А при закате под каждым деревом молодежь воркует. (После небольшой паузы.) Другой цветок – «Лето». Здесь небольшая березовая роща. А там много цветов. Белые, синие, красные.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. Молодая березовая роща!

ЛЯЛИН. Говорливые листья березы день и ночь шепчут про любовь!

Сеня привозит с юга свою невесту, бывшую однокурсницу Лиру, которая превосходно играет на скрипке. В качестве свадебного подарка он преподносит ей ключи от новой квартиры. Лира сразу же как бы входит в роль жены. Автор пьесы затем отводит ей эпизодическую роль. Тема первой любви в этой комедии не разработана. Тем не менее высокий лиризм в ней присутствует. Любовь молодого строителя к своему городу, его мечты о прекрасном будущем формируют лирическое настроение не только у персонажей пьесы, но и у читателей.

Вера Михайловна становится единственным персонажем с реалистическим мировидением. Приехав в город на Вычегде, она не увидела того, о чем услышала от Сени. Драматург изображает ее возмущение. Мать Лиры, чувствуя себя обманутой, рвется обратно домой. Ее попытки оказываются безуспешными. В комедии имеется много сцен, во время которых влюбленный Лысанов ухаживает за разочаровавшейся женщиной, пытается носить ее на руках по грязным дорогам новостройки.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА (за сценой). О, господи боже, куда ты меня тащишь?

ЛЫСАНОВ (тоже за сценой.) Домой, домой, дорогая Вера Михайловна.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. В дом зятя я и ногой не ступлю.

ЛЫСАНОВ. А я на руках донесу.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА. А я тебя сапогами изобью! (Визжит.)

Почти все персонажи прилагают усилия, чтобы Вера Михайловна осталась. Пьеса заканчивается ее восторженной фразой, адресованной Лысанову: «Лысук, пиши слова. Во мне рождается очень красивая музыка о букете с берегов Вычегды!..»

В этой комедии привлекает внимание тема поздней любви. Авторский юмор при изображении взаимоотношений Веры Михайловны и Лысанова – особенный. Его можно отнести к такому виду, который «порождается некоторым благосклонным добродушием» и «сопровождается именно чувством душевного тепла».

Во всех комедиях Н. Дьяконова присутствуют персонажи, которых объединяет особое чувство взаимной симпатии: Василиса Павловна и Пирогов («Свадьба с приданным»), Гулю Опонь и Лука Анна («Нивушка-Нива»). Драматург изображает их теплые, дружеские взаимоотношения, взаимную любовь.

Пастух Гулю Опонь поет поварихе Анне песни, сопровождает на прогулке у реки, а повариха подкармливает пастуха вкусно приготовленной пищей («Нивушка-Нива»). Несмотря на то, что в пьесе таких эпизодов немного, они привносят лирическое настроение, создают особую задушевность.

Как уже было сказано, начиная с комедии «Три богатыря», во всех последующих пьесах, написанных в 60-80-е годы, усиливается критическое начало, что приводит к видоизменению конфликтного противостояния персонажей. Ведущими являются молодые герои – задорные, полные энтузиазма и желания честно и добросовестно трудиться.

В лирической комедии «Букет с берегов Вычегды» изображаются отрицательные явления, встречавшиеся в сфере строительства. Начальник ТЭЦ Баля Степан вместо организации трудового процесса выносит выговоры, из-за чего специалисты покидают стройку. Образ нерадивого руководителя представлен в ироническом свете: он даже не способен прочитать чертеж. При этом драматург создает лишь эпизодические сцены его обличения, а больше внимания уделяет утверждению иного стиля взаимоотношений между героями. Молодой инженер Лялин избегает вступать в спор с Баля Степаном, а пытается сам разобраться в причинах аварии, которая произошла на стройке отчасти по его вине.

ЛЯЛИН. Степан Африканыч! И вы тут?

БАЛЯ СТЕПАН. Я тебя, товарищ Лялин, целый день ждал.

ЛЯЛИН. Я ходил по стройке.

БАЛЯ СТЕПАН (с опаской). Я вроде бы велел написать приказ...

ЛЯЛИН. Помню, помню.

ОНИСЬ ОЛЬОШ. Написали, Степан Африканч.

ЛЯЛИН. Всей бригадой написали.

БАЛЯ СТЕПАН. Вот и хорошо. Я сразу же подпишу. Где?

ЛЯЛИН. В сердце.

Эта ситуация, естественно, искусственна. Руководитель дает право бригадиру написать приказ, хотя втайне боится, что может быть уволен он сам. Герой пьесы приходит к неординарному решению: пишет приказ-клятву, в котором от имени бригады обещает строить коммунистические объекты.

Следует отметить, что «Букет с берегов Вычегды» – единственная пьеса Н. Дьяконова, в которой изображены образы строителей нового города, проблемы их труда. Она связана с автобиографией автора, жителя Эжвы, человека, который сам непосредственно и искренне был заинтересован в том, чтобы строительство нового города и комбината-гиганта пошло на благо людям. В этой комедии важна сама авторская позиция, видение действительности. Образ Сени Лялина явился своеобразным рупором, благодаря которому драматург выразил свои заветные чаяния, проявил свой поэтический дар, умение преображать в искусстве жизненные реалии.

Лирическая комедия «Нивушка-Нива» явилась последней пьесой Н.М. Дьяконова, которая была опубликована в год его 70-летия. Его возраст наложил свой отпечаток на художественную ткань пьесы. В ней меньше возвышенного пафоса и лиричности. Тем не менее автор предвидел такие возможности своего драматургического материала, которые позволили назвать комедию лирической: состояние влюбленности молодых героев, сцена, в которой Федя Морошкин, один из главных героев, признается в любви к родной сторонке в поэтической форме, комедийные ситуации, обрисованные средствами снисходительного юмора, взаимоотношения пастуха Гулю Опоня и поварахи Лука Анны, основанные на взаимной симпатии и т.д..

Необходимо также заметить, что в пьесе наблюдается ориентация на развлекательность, о чем свидетельствует ряд сцен. Телятница Рита постоянно потешается над Альбертом, который во время работы употребляет спиртные напитки. Директор совхоза Лизунов, влюбленный в бригадира Морошкину, ночью забирается в палатку, где спят Кира, Миля, Рита, вызвав своей оплошностью веселый переполох. Он представлен как незадачливый любовник.

В образах молодых героев (Нива Пырейкина, Федя Морошкин, Рита, Витя, Миля) проявляется будничное отношение к труду, как к обязанности. Отсутствуют сцены, в которых автор мог бы передать чувства радости героев от достижений своего труда. Умеренно драматизируются ситуации, в которых иногда оказываются действующие лица.

НИВА. Зачем же с таким дурацким характером мне надо было родиться?.. В школе все время кого-то защищала. А что получала? Синяки да шишки. Отличницей была...А подругам опять же не нравилось, из-за жадности, говорили, так... Я жадная! Себе хочу? Ради себя бегала по совхозным лугам, голову ломала, чтоб больше корма запасти?.. Хватит хныкать-плакать. (Бьет кулаком по чемодану.) Дудки!!! (Бьет еще раз.) Никакой черт ни красивая ведьма не смогут выгнать меня отсюда! Здесь заложены очень большие резервы кормов. Мне обязательно нужно направить их на пользу. Обязательно! (Сильно бьет по чемодану.) Будет здесь мясозавод!

Монолог зоотехника Нивы Пырейкиной, приведенный в сокращенном виде, убеждает в том, что образ главного героя претерпел некоторые изменения. Драматург создает внутренний конфликт. В этой комедии изображается, как в характере девушки зреют бойцовские черты. Таким же представлен Федя Морошкин, демобилизованный пограничник, орденносец. В его характере проявляется целенаправленность и деловитость. «Слово «Удираю» никак не вмещается в мой разум. По-моему, оно уже устарело... Для моего сердца лучшими являются слова «наступить», «побеждать!»...» – дискутирует с Нивой недавний солдат.

В одних лирических комедиях Николая Дьяконова («Свадьба с приданым», «Три богатыря», «Нивушка-Нива») конфликты разворачиваются между героями, которые находятся друг с другом в родственных отношениях или готовятся вступить в таковые. Суть конфликта в пьесе «Нивушка-Нива» заключается в том, что руководители совхозного отделения расходятся в своих взглядах на организацию совхозного труда. Со слов зоотехника Пырейкиной можно узнать, что директор совхоза Лизунов находится под влиянием бригадира Морошкиной, матери Федя, поэтому в отделении не уделяют должного внимания заготовке кормов, а сеноуборочные агрегаты заброшены.

Организация сюжета свидетельствует о том, что автор большое внимание уделяет изображению будничных взаимоотношений между действующими лицами. Сцены конфликтного противостояния занимают минимальную часть сюжета и перенесены в заключительную часть пьесы. Нет ни одной сцены, которая могла бы продемонстрировать конфликтные столкновения между заведующей отделением совхоза Пырейкиной и бригадиром Морошкиной. Обо всех недоразумениях в организации труда Нива сама сообщает Федору. В итоге он принимает решение самому возглавить уборочно-транспортный отряд.

Хозяином на земле является простой труженик. Эту идею Н. Дьяконов утверждал в каждой комедии. Она была иллюзорной, вероятно, поэтому время протекания конфликта в пьесе ограничено. Драматург изображает, как Федор атакует бригадира Морошкину, обращаясь к ней с ласковыми словами «мама» и «мамук».

ФЕДЯ (со смехом). Тебя, мамук, не запереть – из любой щели выйдешь...

МОРОШКИНА. Так и есть.

ФЕДЯ. Скажи честно, за что ты каждый год получаешь премию и сидишь в президиуме?

МОРОШКИНА. За хорошую работу, сынок.

ФЕДЯ. А я думаю – прынрливость твоя помогает...

МОРОШКИНА. Что?..

ФЕДЯ. Я говорю своей прынрливостью всего достигаешь.

МОРОШКИНА (вздрагивает и долго смотрит на Федю). И это говорит мой любимый сын!

Из продолжения диалога становится ясно, что Федя стремится пробудить совесть бригадира. Ему это удается. В предыдущих пьесах, герои, являющиеся воплощением злых умыслов и дел, вынуждены отступить. В комедии «Нивушка-Нива» автор создает для Морошкиной драматическую ситуацию, но в соответствии с правилами комедийного жанра ее не усугубляет.

Таким образом, в лирических комедиях Н.М. Дьяконова основными художественными слагаемыми являются юмор и лиризм. Лирические переживания героев обусловлены чувством первой любви или взаимной симпатии. Драматург преодолел схематизм в обрисовке положительных героев. Они были представлены не только в свете положительных качеств. Горячность, задор и максимализм молодости, упрямство, самолюбие, ревность, наивность в восприятии жизни служили основой для создания комедийных эффектов. Преодоление своих слабостей, недостатков было показано юмористическими средствами. Любовные перипетии в жизни героев также окрашивались юмористическими красками. Благодаря всему этому, образы действующих лиц становились художественно достоверными.

Всем комедийным пьесам присуща лирико-романтическая, возвышенная тональность, обусловленная романтическим пафосом, теплым лиризмом. Психологическая содержательность характеров проявляется во внутренних конфликтах, основанных на взаимообусловленности интимно-личностной и производственной сфер. Автор обращался к формам юмористической типизации с целью вызвать доброжелательное отношение к своим героям.

Производственный конфликт в комедиях Н. Дьяконова однотипен. Он основан на противоположном отношении к труду. Его суть зиждется на противоречии между сознательным и иждивенческим отношением к трудовым обязанностям. Действующие лица, персонифицирующие отрицательные качества (бесхозяйственность, равнодушное отношение к своим обязанностям, очковит-

рательство, склонность к праздной жизни) разоблачаются и высмеиваются комедийными средствами.

Драматург также создавал для героев внутренние конфликтные ситуации как для положительных, так и для так называемых отрицательных героев. В этом случае первые изображались в свете добродушного юмора. Отрицательных персонажей автор ставил в комические положения, раскрывающие их неблагоприятную сущность. Преодоление драматических ситуаций завершалось изменением их отношения к другим действующим лицам, к окружающей жизни.

Драматург, артист, режиссёр Николай Дьяконов, Лауреат Государственной премии СССР, заслуженный артист РСФСР, народный артист Коми АССР, заслуженный деятель искусств Коми АССР внес большой вклад в развитие коми театрального искусства. Всю жизнь он посвятил своему любимому делу. В истории коми драматургии его творчество занимает особое место. Драматург развивал лирическую разновидность жанра комедии, воплощая в своих пьесах идеи возвышенной любви и честного труда на благо людям, используя лирико-юмористические средства изображения.

¹ Мария Дьяконова. Артист, режиссёр, драматург. Н.М.Дьяконов чужан лунсянь 80 во // Войвыв кодзув, 1991, № 3. – С. 69.

² Бугров Б. Герой принимает решение. Движение драмы от 50-х годов. М.: Советский писатель, 1967. – С.9.

³ Там же. – С. 17.

⁴ Н.М.Федь. Искусство комедии или мир сквозь смех. М.: Наука, 1978. – С.43.

⁵ Фролов В. Судьбы жанров драматургии. – М.: Советский писатель, 1979. – С. 251.

⁶ Попова С.М. Н.Дьяконовлӧн комедия «Свадьба» сцена вылын // Войвыв кодзув, 1949, № 2. – С. 68.

⁷ Опыт работы Московского театра Сатиры над советской пьесой (Свадьба с приданым). Москва, Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1953. – С.4-5.

⁸ Фролов В. Муза пламенной сатиры. М.: Советский писатель, 1988. – С. 220.

⁹ Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. – С. 126.

Мария РУКАВИЧНИКОВА (лито СГУ)

* * *

Не хватает двух сцепленных рук.
Этот замкнутый круг разорви.
Мы как звезды, упавшие вдруг
На ладони ослепшей любви.

Не поднять непрозрачных завес.
Может сказка, а может и былъ.
Только звезды, сорвавшись с небес,
Без любви рассыпаются в пыль.

Владимир УСТИЮГОВ (лито СГУ)

* * *

Обжитый дом, причудливы черты
Рябины за окном на занавеске.
Моя соседка скромная, как ты,-

Кукушка обитает в перелеске.

В июнь, устланный молодой травой,
Кошачьей белой лапой наступаая,
Крошится ночь предутренней росой.
Я подаюсь ей – тихо засыпаю...

Людмила РОДИОНОВА

ПОМИДОРЫ КРАСНОДАРСКИЕ

(рассказ)

* * *

Вчера мы шли с тобой по городскому рынку и выбирали чего-нибудь домашенького. Яркое вечернее солнце светило с разливной синевы июльского неба. Вездесущие воробьи сновали под ногами. Народ тоже сновал туда-сюда, с умным видом рассматривая товары на прилавках. Мы были красивой парой, и ты и я это знали. В спину нам упирались взгляды людей, а из дальнего овощного ряда вдруг зычно раздалось:

- А вот помидоры! Краснодарские помидоры!

Ты в это время разглядывал лоснящихся в лучах солнца лиловоспинных карпов в аквариуме рыбного отдела. Женский голос, выкрикивающий о помидорах, манил меня к себе. Я взяла тебя за локоть и, приблизившись, спросила:

- Может, помидоров купим?

Ты оглянулся:

- Краснодарских?

- Ага...

И мы двинулись в овощные ряды.

* * *

В студенческие годы ездила я со стройотрядом в Астрахань на сбор урожая помидоров. Везли нас на поезде, необычное было зрелище, когда проезжали по бескрайним степям, нам привычной были леса. В республике Коми, где я родилась, много лесов. Бескрайняя тайга. Во время стоянки поезда даже удалось увидеть тушканчика, несущегося по степи. В самой Астрахани мне запомнился кремль белокаменный, на тот момент я была уверена, что только в Москве есть кремль, этот факт расширил горизонты моих представлений о некоторых вещах. Вообще вся поездка была познавательной, хотя мне больше нравится слово «пользительной».

Жили в длинных бараках, кровати стояли рядами и были сдвинуты по две, и над каждой парой висел полог из марли, защищающий от насекомых. На Севере много всяких комаров и мошек, но, сколько их было там... тьма...

Перед сном затыкали полог под матрас со всех сторон и избавлялись от непрошенных гостей внутри пространства. Когда выключали свет и наступала тишина, вернее она не наступала, стоял ровный гул от насекомых, жаждущих пробраться под полог, под такую «колыбельную» засыпали каждый вечер.

На работу нас возили на бортовых машинах, какие обычно показывают в старых фильмах про колхозы.

Поля и поля помидоров... Собирали их зелёными, чтобы они дозревали в дороге, помидоры были настоящими, крупными, мясистыми. Руки от них становились зелёными, и что самое инте-

ресное, отмыть их можно было только мякотью самих помидоров. Помидор разламывался пополам и сочной мякотью натирались руки, и только после этого можно было смыть водой въедливую зелень.

За два месяца мы так объелись этого овоща, что думали, что больше никогда его есть не будем... Всё нормально, домой мы везли помидоры, сколачивали по два ящика вместе и плотно укладывали помидоры, на Севере это ценный груз, и аппетит на них вернулся очень скоро.

Июль и август самые жаркие месяцы в северном полушарии. Как мы работали в купальниках под палящим солнцем, сейчас уже не представляю. Когда вернулись домой, кожа была шоколадного цвета с чёрным оттенком, даже через год загар напоминал о себе. Днём в тени доходило до сорока градусов, перерыв на обед занимал два-три часа, сам обед плюс отдых от жары, что-то типа сиесты...

Ночью температура падала примерно на двадцать градусов, из-за таких перепадов ночью казалось очень холодно.

Непривычный к обилию фруктов, наш организм давал сбои, прошу прощения за пикантную подробность, но так как ночью было очень темно, мы толпой ходили в туалет и стучали зубами от холода в ожидании очереди...

Там, в Астрахани, впервые я познакомилась с зелёным чаем, было очень непонятно.

- Зачем нам в такую жару привозят такие большие бидоны этого горячего напитка, - возмущались девчонки.

- Да ещё совсем не сладкого, - соглашалась я.

Большая часть зарплаты уходила именно на сладости к чаю, за которыми мы ходили в соседнюю деревушку Шамбай в сельмаг. Шли по берегу Волги, она в этом месте широченная, как море, противоположного берега не видно, а с другой стороны бескрайние степи с колочками...

Тогда впервые поняла, что такое настоящее браконьерство. Одна из подружек схватила за руку:

- Смотри...

По берегу реки лежали крупные туши осетров. Да уж, чёрная икра всегда была в цене. И тогда тоже.

Нам очень повезло, наши бараки находились в садах, такого размера сад до этого, пожалуй, мало, кто из нас видел, если только в кино или раньше уже бывал здесь. Мы пробовали яблоки с разных деревьев, они отличались на вкус, у каждого потом была своя любимая яблоня.

Абрикосовых деревьев росло всего два. И абрикосам не суждено было дозреть, их съели зелёными. По-моему, та же участь постигла и вишню...

Дивилась я на огромное дерево под названием шелковица. Это было моё первое знакомство с этой ягодой, внешне похожей на ежевику. Своеобразный вкус, не отстирывающиеся пятна, напоминающие о ней, остались на многих вещах.

Арбузы нам привозили машинами и разгружали во дворе у столовой, они быстро разбирались по баракам, а потом дежурные ворчали на это безобразие. Мыть полы под кроватями с таким грузом очень неудобно, дежурили-то сами же по очереди.

Не смотря на то, что в тех краях собирают по два урожая картофеля за лето, нас им не баловали, кормили в основном макаронными разнообразными изделиями и кашами. Аппетит после физической работы был хороший, я тогда съедала по две порции и прилично набрала в весе.

Перед отъездом из Сыктывкара нам выдали форму. Мне досталась большого размера, так как брюки по длине мне, высокой, сложно было подобрать из предложенного размерного ряда. Ушивала, подгоняла, а потом здесь расшивала постепенно, по мере необходимости... С другой стороны, благодаря этому из очень худенького подростка я превратилась в девушку с фигурой, что явно было на пользу...

Именно там я впервые увидела полное солнечное затмение. Оно случилось ранним утром, когда солнце только поднимается над горизонтом и светит не ярко, потому хорошо было видно, как луна постепенно закрывает диск солнца, пока не закрыла полностью. А потом, постепенно освобождая его от своего навязчивого присутствия, медленно отступила...

Необычное было зрелище...

Лето прошло под музыку и песни группы «Машина времени», тексты их песен мы знали наизусть. С магнитофонов неслошь:

- Повесил свой пиджак на спинку стула музыкант...

Или:

- Мы себе давали слово...

Конечно, не обошлось и без Дня Нептуна, всяких конкурсов, музыкальных номеров, в том числе с переодеваниями, и прочее, прочее. Ведь мы, тогда будущие учителя, должны были многое уметь. В общем, было весело и полезно...

* * *

Вот такие воспоминания вызвал у меня рекламный рыночный клич о самых обычных помидорах:

- А вот покупайте, краснодарские!

Сегодня проснулась в предзвездный час, душа поёт, а в голове рой мыслей, которыми хочется с тобой поделиться. Разговор о помидорах перед сном навеял приятные воспоминания. Завтракаем салатом, ты берёшь вилкой мясистую, красную плоть и спрашиваешь:

- Чего улыбаешься?

И я начинаю тебе рассказывать о своей краснодарской стройотрядовской поездке, когда хуленькая девочка подросток за пару месяцев превратилась в фигуристую девушку, на которую ты, в конце концов, и обратил своё мужское внимание...

Анатолий ИЛЛАРИОНОВ
(член СП России)

О ДОМЕ

Срубил избушку плотник,
Умелец и мастак.
Живет в лесу охотник,
А на реке – рыбак.

Живут они, не тужат,
Как могут, так живут,
Родному делу служат,
А не баклуши бьют.

А далеко в столице,
Уже не первый год,
Похоже, не тупицы,
Радеют за народ.

У них блага и банки,
Всегда глаза горят,
Они шагают в дамки
И в пешках не сидят.

Пускай себе шагают,
Не жаль, но дело в том,
В пути пусть не встречаются
Затерянный наш дом.

Который строил плотник
И не жалел гвоздей,
И где живет охотник
С собакою своей.

Анастасия ВАСИЛЕНКО
(лиро «ЛИСТ»)

ДОЖДЬ

Разжечь камин,
Зажечь свечу.
Свеча похожа на рубин,
Все письма тлеют – помолчу.
Небо прольётся дождём.
Может быть, переживём.
А может, потом
Появится радуга,
Выглянет солнце,
Сгорит грусть огнём?
А если бы ночь была днём...

Николай ГЕРАСИМОВ
(просто поэт)

* * *

За каждое слово хочу отвечать,
За каждый поступок, за вздох каждый.
Хочу, чтоб улыбку не стерли с лица
Ни возраст, ни ноша, ни жажда.

Хочу до звезды дотянуться. Познать
Паденья и взлеты, испить без остатка

Судьбы своей чашу и жизнь разменять,
Как медный пятак, на друзей без оглядки.

В скитаньях, распутьях, удачах, грехах
Жар замыслов не растрянжирить на крохи.
Хочу сохранить мое время в стихах
И сердце растратить на ритмы эпохи.

Что слава? Кривая ухмылка творца!
Хочу, чтоб пылали рассветы в полнеба,
Чтоб путь озаряла надежды свеча,
Чтоб помнился запах домашнего хлеба.

Обычаи дальних сторон переняв,
Их азбуки темные вымучив,
Хочу, как подружку, Россию обнять
И назубок ее выучить!

Анна ЧАЛЫШЕВА
(лито СГУ)

* * *

Этой ночью опять в моем сердце игра,
В ней не видно конца, и не помню начала,
Но чтоб сердце мое хоть чуть-чуть помолчало,
Нужно просто дожить до утра.

Я опять наугад наберу номера:
Где-то будут гудки, кто-то что-то ответит.
Это небо без дна, эти звезды не светят...
Нужно просто дожить до утра.

Андрей ФЕТИСОВ
(лито СГУ)

* * *

Она мне звонила пьяная
И жаловалась на жизнь...
Я думал: «Какая странная!»
Я говорил ей: «Вернись!»

Я говорил ей: «Хорошая!
Плохое, как сон, пройдет...».

Такое далекое прошлое,
Но вспомню — и спать не дает

Николай ТЕРЕНТЬЕВ

СОВЕРШЕННО БЕЛЫЙ ЛОСЬ

(рассказ)

Однажды у нас с братом интересная охота получилась. Шли мы на зимний промысел. Снега выпало ещё немного, но мы были на лыжах. Не доходя до базовой избушки километров пять, увидели свежий след крупного лося. Можно сказать, что след ещё дымился. На руках имелась лицензия. Нам тогда давали её бесплатно. И такая удача в начале сезона! Тем более что мы были налегке.

Я брату говорю:

- Ты давай наперерез дуй по речке. По льду быстрее получится. И встань на выступе гривки, что упирается в болото. Я буду тропить. Лось должен выйти на тебя...

Подождал с полчаса и пошёл. Иду и всё жду выстрела. Уже подхожу к линии огня, и брат выходит из-за деревьев. Я ему:

- Ты, что ли, видел лося?! Он твою лыжню пересёк в семидесяти метрах от тебя...

А братишка только пожимает плечами: не видел, хотя смотрел в оба...

А время к вечеру. Ладно, думаем, завтра возьмём его. И раненько выходим на след. Оказалось, что лось рядом с избушкой лёжку на ночь устроил. Однако ушёл до нас.

Объяснил брату, где ему лучше встать, и разделились. Подождал опять с полчаса и пошёл по следу. Иду и внимательно смотрю впереди себя. След-то – свежак!.. Тут раздаётся сухой и резкий хлопок. Наконец-то! Уже прямо на выстрел и пошёл. Вижу, брат сидит да как-то странно, словно висит внаклонку его карабин и не падает... Подхожу и рот открыл: братишка-то сидит на совершенно белом лосе. Этот цвет удивительным образом сливался со снегом. Между глаз – алое пятно от пули...

- Молодец! Великолепный выстрел. А ведь чуть в сторону, - и пуля соскочила бы с кости, - говорю ему.

А брат довольный такой рассказывает:

- Значит, стою. Напрягаю зрение. Вижу, ёлочка шевельнулась, берёзка дёрнулась, а лося не вижу. Пригляделся и замечаю чёрные глаза, как два уголька. И совсем недалёко – каких-то метров пятьдесят. Что дёрнуло меня, но выцелил между глаз... Лось рухнул замертво, Сначала у меня даже мелькнула мысль, что никакого лося и не было, а мне показалось. И только когда подошёл, увидел, поверил в удачу...

Лось не был альбиносом, он был просто белым, как заяц-беляк...

Юрий ИОНОВ
(член СП России)

* * *

Кто сказал, что Север –
Только край оленей,
Черная от гнуса
Мрачная тайга,
Что, засыпав крыши

Северных селений,
Всё заполонили
Мертвые снега?
Кто сказал, что люди
(Хоть и не дрожали)
Выстужены были
Холодом насквозь,
Что инстинктом жили,
Мерли и рожали,
А любить, страдая,
Им не довелось?
Кто сказал, что Север
Беден, мол, на женщин,
А красавиц броских
И роскошных дев
Нет тут, дескать, вовсе
(А не то что – меньше)?
...Почему ж все чаще,
Быстро охладев
К прелестям природы
Где-нибудь на юге,
Затоскую глухо -
Не по тем лесам,
Не по жгучей стуже,
Не по хлесткой вьюге, -
По согревшим в стужу
Огненным глазам.
Становлюсь я мрачен,
Становлюсь рассеян.
Шутит мой приятель:
Дескать, чей-то сглаз.
Ну, а я обратно
Заспешу на Север,
Коль в России целой
Нет подобных глаз.

Андрей КАНЕВ
(член СП России)

* * *

Полковнику Григорию Штицбергу

Позвонили с Кавказа о том, что у них всё нормально,
Что погода уже откровенно запахла весной.
И блиндаж блокпоста пусть бетонный и пусть капитальный

Не удержит ребят, ведь уже через месяц домой.

Все деревья в цвету, апатична на рынках торговля.
Облака поплывут на восход, БТР заскучал.
Но уже собираются волки по стаям в предгорьях,
Соро лето, оно для войны всех начало начал.

Ещё режемся с местными на волейбольной площадке,
Ещё ходят они с подбородками без бороды
И поют свои песни о дружбе народов так сладко,
Что не верится в летние в цинк залитые гробы.

Обнимаю тебя, и желаю удачи, Григорий!
Скоро будешь ты дома, пойдёте с женою на пляж...
Позвонили с Кавказа, и будто вернулся я «в поле»,
Будто снова надел поистершийся свой камуфляж...

* * *

Я начинаю привыкать к хорошему,
Мне нравится, мой незабвенный дом.
Природа стелет мне ковры порошею,
Когда к нему мы с суженной идём.

Когда белеет вся в снегу акация,
И тополя раскидисто светлы,
И пишет свои дерзкие реляции
Позёмка, подчинённая зимы.

Тепло твоим дыханием оваяно,
И подаёшь ты к чаю пирожки.
Я вспоминаю, ездили в Дивеево,
Дорожкой знаков пятились флажки.

Подай мне руку, я привык к хорошему,
Былое в моей памяти сотри.
Наступят дни весенние, погожие,
У нас их будет, точно знаю – три...

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

На Рождество куличи напекают и сайки,
На Рождество дуют с запада стыло ветра,
На Рождество по селу на расписанных санках

Едет к востоку по горкам, смеясь, детвора.

Звёзды усыпали небо своею судьбою,
Люди завидуют этой небесной судьбе...
И не сойтись никогда Магомеду с горою,
И никогда не забыть, не забыть о тебе.

На Рождество я уеду в далёкие страны.
На рождество буду весел и, может быть, бит.
Где-то заколют во благо святого барана,
А по тебе моё сердце саднит и саднит.

Свечи затеплятся в храме во славу Рожденья
Для православного люда святого Христа.
Кто-то прочтёт... и забудется стихотворенье,
В сердце останется боль, без тебя пустота...

* * *

Я был тогда, наверно, в Праге...
Пылали средние века,
И отдавалось в каждом шаге
Звучанье лат наверняка.

Мешали шит и алебарда
Моим уверенным шагам,
Брела тифозная команда,
Ища усопших, по углам.

Лилось вино из бражных бочек,
Арба скрипит по мостовой...
И я, писатель этих строчек,
У гильотины – с головой!

Монашьей рясой ночь спустилась,
Взметнулась окриком луна...
Я понимал, что мне приснилась
Опять кавказская война...

ОСЕНЬ

Затянуло небо серой дымкой,
А с утра померзла вся трава,
Хрустнет, как наступишь ты ботинком,
Словно сделана она из хрусталя.
На березе белой в золотых листочках,
Воробей, нахохлившись, сидит.
Клюква порассыпана по кочкам.
Заяц из-за дерева глядит.
Быстро холодает, дождь унылый,
И зима пришла бы поскорей,
Но любишься ты только самым милым
Клином медленно летящих журавлей.
На пригорке одинокая осина
Красной сединою шелестит,
Но подует ветер сильно-сильно,
В вальсе вихря листья закружит.
На седой сосне рябец с подругой,
Глухари токуют на бору,
И на много-много вёрст в округе
Слышно токовище поутру...
Всё затихло, слышен выстрел громкий,
А затем удара звук глухой.
Хрустнет под ногами ягель ломкий
И идёшь с добычею домой.

Митрофан КУРОЧКИН,
Заслуженный работник культуры РК

ПОДПИСАЛ МЕДВЕДЬ УКАЗ...
(басня)

На тропке узкой в летний зной
Лиса нос в нос столкнулась с зайцем.
- Куда торопишься, Косой,
Не трусь, не трону даже пальцем...
- Беда! Медведь повеселился
И подписал указ вчера,
Вот потому я торопился

Убраться, и тебе пора!
...Указа суть Лиса узнала:
«Всем лапу пятую под корень отрубить,
Чтоб никому чертовка не мешала!» -
Вещал Косой и продолжал дрожать.
- Лишь по четыре их у нас, -
Лиса заметила несмело.
- Оно-то так, но в этот раз
Ослу поручено всё делать!
Любое дело он загубит,
Ведь, в суть указа не вникая,
Сначала лапы нам отрубят,
И лишь потом их посчитает!

Указы разные бывают:
Мы от «плохих» все очень злы,
И от «хороших» мы страдаем –
Коль исполнители – ОСЛЫ!

Александр КЛЕЙН
(член СП России, кандидат искусствоведения)

НАВАЖДЕНИЕ (очерк)

Заведующий сектором театра, цирка, эстрады, кино Всероссийского научно-исследовательского института искусствоведения доктор искусствоведения Ю.А. Дмитриев является автором истории цирка в России и за рубежом, четырёхтомной истории московского Малого театра, прославленных мастеров русской сцены, трагиков девятнадцатого века, член жюри всесоюзных, а затем и всероссийских, и международных конкурсов театрального и циркового искусства, хлебосольный, радушный хозяин, друг Л. Утёсова, К. Шульженко, А. Райкина, М. Глузского, Никулиных и других замечательных людей, работал профессором в Гиттисе, в Министерстве культуры СССР, долгое время ведал цирками и добился достойного признания искусства выдающихся отечественных клоунов, акробатов, дрессировщиков.

Счастлив, что последние тридцать пять лет его жизни были тесно связаны со мной. Это был друг настоящий, сердечный, открытый.

Работники цирков, неутомимые труженики-энтузиасты боготворили его, хорошо знали, как и он их. Часто, вспоминая прошлое, он с юмором рассказывал мне эпизоды из своей жизни. Вот один из них.

Как-то он был в одной из командировок в Киеве. Идёт по Софиевской площади неподалёку от памятника Б. Хмельницкому и вдруг слышит:

- Здравствуйте, Юрий Арсеньевич!

Дмитриев обернулся и увидел перед собой худого, высокого, ещё молодого священника. Узнал в нём в недавнем прошлом довольно известного циркового акробата и также назвал по имени:

- Здравствуйте...

- Удивляетесь? Не удивляйтесь, - сказал тот, - я уже десять лет как священник в сельской церкви недалеко от Киева...

- Простите, - поинтересовался Дмитриев, зная преданность циркачей своей профессии, цирковому искусству, - и вас больше не тянет на арену?

Священник тяжело вздохнул:

- Ещё как тянет...

- А как же так получилось, что вы надели рясу?

- Во время войны я был на фронте и в один несчастный день в момент дикой бомбёжки и обстрела, сам себе дал обет, если останусь живым, посвящу свою жизнь Богу. После войны окончил духовную семинарию. Потом получил приход, в котором сейчас и служу...

Они прогуливались по площади, а священнослужитель продолжал рассказывать:

- Как-то рано утром захожу я в свою церковь. А солнышко только проснулось, и его лучи из под окошек под куполом образовали посреди церкви большой жёлтый круг. Ну, точно, как арена. Я не выдержал, быстро снял клобук и рясу, подпрыгнул, перекувыркнулся в воздухе и сделал стойку на голове. И вдруг слышу вопль: «Ах ты Господи!». В дверях, истово крестясь, стояли две старухи-прихожанки. Я быстро встал на ноги. Они не верили своим глазам. А я убедил их, что это им показалось, это было наваждение. Они успокоились, и я с тех пор спокойно продолжаю свою службу в этой церкви, стараюсь по мере своих сил и возможностей помогать прихожанам...

Священник перекрестил Юрия Арсеньевича, они обнялись и разошлись в разные стороны.

2008 год

Алексей ИЕВЛЕВ
(член СП России)

* * *

Город старше меня.
Я хожу по нему много лет.
Он меняется так же,
Как в небе над ним облака.
Я пока современник для улиц,
Которым века.
А потом смоет дождь с мостовых
Мой сегодняшний след.

Ну и пусть... Жизнь дана для того,
Чтоб родиться и жить.
Ошибаться и верить,
Что нам воздадут за грехи.
И покуда даруются свыше
Дожди и стихи,
Получается верить, и жить,
И творить.

Нина ОБРЕЗКОВА
(член СП России)

* * *

Хочешь –
лодкой тебе буду...
Уплывем с тобой далёко,
Хочешь –
ветром буду...
Только ты успеешь меня поймать.
Хочешь –
я звездой буду...
Ты достань меня...

Анжелика ЕЛФИМОВА
(член СП России)

* * *

Сядем милый...
Свет не нужен,
Если руки рады встрече.
Даже печь бормочет глуше,
Не тревожа тихий вечер.

Нет на свете горше доли,
Чем в разлуке быть годами...
Я не знала, что всего лишь
Выходил ты
За дровами...
(В переводе Алексея Иевлева)

Николай ТЮРНИН,
Заслуженный работник Республики Коми

О ЛЮБВИ И ЖИЗНИ В ЧЕТЫРЕ СТРОКИ

* * *

Ты кто такая!? Не понять.
Русалка иль речная фея?
С тобою жизнь мне не объять,
С тобою обретаю – время...

* * *

Русалку речную и фею лесную, -
Земную колдунью я вижу в тебе.
Любовь неземную, разлуку шальную, -
Твой образ навеки впечатан во мне.

* * *

Русалка ты, я – водяной.
Ты – фея, я – продрогший леший.
О, ангел мой, к тебе одной
Пройду сквозь холод Пармы здешней.

* * *

Ты – божество, моя ты страсть,
Любовь моя и вдохновение!
Тобой я упиваюсь властью,
Тебе пишу стихотворения!

* * *

Будь ты, голубка, жизнью моею,
В сердце любовную песню плесни.
Стань ты, голубка, той песней моею,
В душу поэзию жизни верни...

* * *

Люблю её одну, что музою зовётся,
Что в сердце моё лирикою льётся.
Она волной о берег жизни бьётся,
И для неё стих песней отзовётся.

* * *

Я всю жизнь привыкал к жизни этой,
Но привыкнуть, увы, не сумел!
Жизни песнь остаётся не спетой, -
Строк её я найти не успел...

* * *

Я верю в вечность, и она во мне,
Она надеждой жизнь мне окрыляет.
Я верю в жизнь, бурлящую в огне,
Что в вечность двери настезь открывает.

ЗАЙЧИХА
(рассказ)

Бывают в жизни поступки, за которые становится стыдно сразу же по свершению, но уже не вернуть, дело сделано! Бывает, что стыдно становится со временем, с возрастом. А, бывает и так, что стыдно всю оставшуюся жизнь. Люди относятся к этому по-разному. Кто-то понимает, кто-то советует выбросить из головы и не париться на эту тему. Нет, ничего сверхъестественного я не совершал, просто, сыграл атавизм плохую шутку. Скрытый охотничий азарт, который проявился в очень неприглядном виде. За это и стыдно!

Но, по порядку....

Было это в весенний разлив на реке Печора. Уехали мы с приятелем на выходные порыбачить. Залитые старицы, заливные прибрежные озёра, простор! Летом до этих озёр пока доберёшься, а порой и охоты нет. Как представишь себе это летнее затишье у озера, где ни ветерка, только звон в ушах комариный, да слепни днём тучами, то не очень-то охота уходить с продуваемого речного берега. Пусть рыбалка там замечательная, но самому в роли корма тоже выступить неохота.

А весной раздолье! Во-первых, туда можно добраться с комфортом, не выходя из моторки, жужжа мотором, только пригибаясь от встречных веток деревьев и кустов. Летом через эти кусты продираться надо, как сквозь джунгли. Во-вторых, комаров ещё нет. Какие в мае комары? Они будут после двадцатого июня. Специально подгадываем время, чтобы попасть на первый большой сброс воды. Тогда рыба начинает выбираться из озёр заливных, из стариц, проток. Достаточно поставить на её пути пару-тройку сетёшек, и только успевай проверять, да от мусора чистить.

Тогда это было разрешено, ставить сети с определённым размером ячеек, чтобы мальков не вылавливать, не губить. Сидим с приятелем на сухом островке. Костерок горит, уха варится, солнышко светит по-весеннему, ярко, но не жарко. От воды прохладой веет, ещё местами запоздалые льдины, вынесенные потоком из малых речек, величаво по реке плывут. Но, вода уже пошла на убыль, наш клочок суши увеличивается прямо на глазах. Сети приходится постоянно переставлять, так как часа через четыре они уже висят на кустах. Ночью слышен шум уходящей воды. Утром лодка уже полностью на суше. Приходится искать полено, подкладывать под лодку и таким способом катить её к воде. Утренняя процедура проверки-перестановки сетей выполнена. Рыба прибрана в кастрюли и спрятана в тень большой берёзы, где ещё сохранился местами снег. Рыба хорошая, сиг, пелядь. Попадаете щука, крупная сорога, крупный окунь. Мелочь наши сети не ловят, не та ячея.

Забот больше пока никаких. Сидим у костерка, потихоньку водочку попиваем, холодной юшкой запиваем, рыбой заедаем. Расслабуха! Трёп ленивый, так, ни о чём! Хорошо на природе после длинной, морозной зимы! Деревья ещё голые, кое-где только почки проклюнулись. Птичий гомон не умолкает, у них свои заботы, свои хлопоты.

Вдруг, к нашему костру вылетает из кустарника... заяц! Мы обалдели, а он ещё пуще нашего перепугался, так затормозил, что юзом по прошлогодней траве и прелой листве ещё метра полтора пролетел. Чуть в костёр не угодил. Развернулся и прыг-скок в кусты, только мы его и видели. Приятель мой подхватился, дай ружьё, кричит!

- Зачем тебе? – спрашиваю.

- Так, заяц же! - и смотрит на меня, как на придурка. Тут дичь к костру сама прибежала, а этот спрашивает, зачем ружьё.

Ружьё у меня было с собой. И путёвка была... на водоплавающую дичь. А тут, заяц.

- Отстань, - говорю ему. Зачем он тебе нужен. Вон, харчей полный рюкзак. Колбаса, тушёнка, картошка, огурцы, помидоры, да много чего там есть. Ещё обратно повезём. Зачем тебе этот заяц?

Как начал он нудить! И что заяц всё равно пропадёт на этом острове, и что беды большой в этом нет. Что такое один заяц. Рассказывал, как его жена, Валюха, готовить умеет этих самых зайцев, какое из них рагу вкусное. Долго он ныл таким образом. Плюнул я с досады, но поддался на эти уговоры. Взял ружьё из лодки, собрал его, зарядил. А сам думаю, что не дурак ведь тот заяц, поди, найди его сейчас. Остров уже не такой и маленький, вода падает, суша прирастает. Пройдусь, пусть напарник отвяжется.

Не прошли мы и тридцати шагов по острову, смотрю, куча наносного валёжника лежит, а под ней... заяц сидит. Спрятался! Не знаю, тот ли это был, что в гости к нам заглядывал, или другой, но, что-то меня, как под локоть толкнуло. Взял курок и выстрелил. Десяти метров не было до этого зайца. Так, полголовы и снесло ему зарядом. А я стою, как истукан, что-то меня тревожит, что-то я не так сделал. А что, не пойму пока. Я и не подходил к этому зайцу. Напарник взялся его освежевать. Подвесил он этого бедолагу на ветках дерева, ближайшего к кострищу, и шкуру сдирает. Затем взрезал живот.... А там, шесть комочков зародышей! Зайчиха!

Я, со злости, напарника под ружьё! Благо, там патрона не было, вытащил механически, а не перезаряжал, не в медведя стрелял. Потом приклад об дерево, в щепки! С той поры окончилась моя охотничья забава! Стрелял я зайцев и до этого. Но, то была охота! С собаками, коллективом или в одиночку. Там добыча была достойной наградой за пройденные километры, за погоню! А здесь? Как в тире! Лениво поднялся, лениво прошёлся, пальнул сдуру и готово. Что готово? С голodu пух? Зайчатины захотелось по пьянке? Нет! Ни то, ни другое! Дурость, пошёл на поводу, поддался уговорам и азарту. А этого человеку с ружьём делать нельзя! Сам должен думать, сам решение принимать. Сам и отвечать за эти решения. Больше я этого знакомого с собой не брал, даже за грибами-ягодами.

На его приглашение отведать знаменитое Валюхино рагу, послал....

Эта «охота» долго мне потом снилась.

Вот, за эту зайчиху мне и стыдно до сих пор....

СВЕТЛАНА ГАДЕЛИЯ

* * *

На тропу серебряную вывел,
выманил на холод за порог
и кристальным снегом осчастливил
вечер расходящихся дорог.

Отрывает время снежных плачей,
разольется талая вода.
Кто пойдет за счастьем и удачей,
кто, возможно, вовсе в никуда.

Погоди, побудь ещё немного,
чистый снег, и сохрани мой след!
Мне, как будто, выпала дорога,
а назад по ней возврата нет.

* * *

Как ступили в белизну из дома,
В строгие деревья,
Как прошли по дворику седому,
Кружевной аллее.
Как сугробы занесли дорожку –
До неба и выше,
Как пошли – неслышно, осторожно,
Льдинок постук слыша.
Как, ведомы истиной простою,
К храму подходили,
Наполняли ледяной водою
Полые бутылки.
Как из храма в отклик на моление
Над мирским и малым
Воспарило ангельское пенье –
И теплее стало.
Как обратный путь еще искристей
Был, – совсем жемчужный,
На березках бряцали мониста
Изморози вьюжной.
Как, вернувшись, сбросили вещички,
И притихший мальчик
Окунул в священную водичку
Любопытный пальчик...

Евгений ИНИУТИН

* * *

Прошло, пробежало, пропело...
Пора оглянуться, понять.
Пусть нет до минувшего дела,
Но как бы хотелось узнать
О тех дорогих и далёких,
Что след оставляли в судьбе.

Растянуты, сдвинуты сроки –
Тех чувств не находишь в себе.
И если б явился нежданно
Уже позабытый – тогда...
А впрочем, теперь это странно:
Во снах лишь – друзья, города...

* * *

То война, то заваруха –
Жизнь кипела, жизнь текла!
Неприметная старуха
В тихом домике жила.
Хатка белая убого
Уходила в глубь земли.
Но исправно у порога
Мальвы красные цвели.
А под крышею приятно
(В каждом доме – запах свой!)
Пахло старостью опрятной
И немного – резедой...

То воина, то заваруха:
Жизнь кончалась, время шло.
То снега с дождём, то мухи
Сонно бились о стекло...
И, когда её не стало,
Ибо смертен человек,
Вместе с ней ушёл усталый
Шальный пёс – двадцатый век.
Сгинул век, её ровесник,
Сгинул – в пепле и золе...
Нет старушки – только крестик
На кладбищенской земле.

Пусть она ей будет пухом!
Мы пока продолжим путь.
...То война, то заваруха –
Ни свернуть, ни обогнуть!

ЛЕДЯНАЯ ВЕСНА СВОБОДЫ (статья)

Вспомнились славные, хотя и довольно жесткие для поэзии, времена начала 80-х годов прошлого века. Первые фестивали свободных стихов в Москве (музей Вадима Сидура), участником которых был и я, так как пишу свободные (как и метрические) стихи с начала 60-х. Но, если поначалу советские издательства, журналы на дух не принимали верлибр, то в 80-е годы наметились некоторые перемены.

Любопытна одна особенность отношения наших «блюстителей» классических форм к поэтам-верлибристам. Почему-то русским литераторам наотрез воспрещалось практиковать верлибр.

В 1982 году в редакции ленинградской «Невы» так разбирались в моих текстах: рифмованные откладывали вправо, безрифменные – влево. «Это мы посмотрим, – сказал мне ответственный лит. раб. относительно правой стопки, а эти, что слева, и смотреть не будем».

Зато ещё в 1975 году в издательстве «Современник» вышла книжечка очень свежих верлибров юного русскоязычного бурятского поэта Намжила Нимбуева «Стреноженные молнии» (М., Современник, 1975 г.): национальным литераторам – можно.

Постепенно идеологический лед всё же таял: наверно, в парткомы приходили более образованные и либеральные люди. В 1980 году в Ленинграде вышла в свет книга Геннадия Алексеева «Высокие деревья» – новеллы в свободных стихах. Помог «пробить» публикацию, по моим сведениям, фронтовик, герой соц. труда, «небожитель» (как его называли в тогдашнем СП коллеги), очень официальный поэт Михаил Дудин: похоже, он думал о будущем!

В 1990 году вышла в свет книга удивительных верлибров скульптора, художника, уникального поэта Вадима Сидура «Самая счастливая осень», книга единственная, предсмертная – и сразу совершенство!

Возникла группа достойнейших поэтов, подвижников верлибра: Владимир Бурич, Вячеслав Куприянов, Арво Метс, Карен Джангиров. Каждый из них сподобился издать книгу свободных стихотворений, правда, за свой счёт, исключая Вячеслава Куприянова, который умудрился издаться в «Современнике». Были собраны свободные стихи сотен авторов, пылившиеся на дальних полках московских журналов (в ту пору стихи не выбрасывали в мусорные корзины сразу по получению). Финансовый гений Карен Джангиров издал первую «Антологию русского верлибра» (М. «Прометей», 1991 г., 360 авторов). Возникли первые – сразу международные – фестивали верлибра. Ура! Лед тронулся!

Увы, тотчас проявились обычные интеллигентские распри, непродуманности. К примеру, выступали – по алфавиту. В результате некий юный Алушкин читал свои скромные опыты на утренней заре, а какой-нибудь многоопытный и крайне интересный Бенцион Шрайбер мог взобраться на эстраду глубокой ночью, когда утомленные слушатели уже разбрелись, да и сам он «лыка не вязал» и, разумеется, отказывался читать.

Отцы-основоположники ревниво блюли свой приоритет. Владимир Бурич, одаренный поэт, выступил теоретиком свободных стихов. Но в его интерпретации русский свободный стих выглядел как-то не совсем свободным: возник ряд ограничений. Оказалась запретной даже случайная рифма. Тексты, в которых сопрягались свободные (дисметрические) и метрические куски именовались презрительно «ассамбляжами». Вообще, метрические стихи – в пике массовой стихотворной «продукции» – именовались «конвенциональными» в отличие от «спонтанного» верлибра. Ощущалось некоторое отторжение наоборот: «Вы преследуете верлибр, мы отрицаем верметр». Я попытался

высказать свою точку зрения в телеинтервью, которое проводили разбитные тележурналисты налево и направо. Моих высказываний в вышедшей телепередаче о фестивале верлибра, конечно же, не оказалось. Высказывались только «основоположники». Ну, и, слава Богу! Лед же всё-таки тронулся!

А распри продолжались. Признанный глава движения верлибристов Владимир Бурич в публичном выступлении, перечисляя «основоположников», назвал Карена Джангирова издателем (а не поэтом). Сильно обиженный Карен в июле 1992 года созвал в Донецке около 200 верлибристов со всей страны и зарегистрировал «Ассоциацию русских верлибристов». Себя назначил, конечно же, Президентом Ассоциации. И небезосновательно: всем приезжим оплатили проезд в оба конца, гостиницу. Обещали издать каждому члену ассоциации книгу верлибров.

Но, увы, как всегда, (нет в мире совершенства!) возникли неприятные оттенки. В числе приглашенных не оказалось ни В. Бурича, ни Вячеслава Куприянова. Присутствовал, правда, Арво Метс: это придавало всё-таки Ассоциации некую солидность. Были, конечно, и очень интересные авторы отовсюду. Но вот выскочил на эстраду некий малороссийский ухарь-националист и возопил (в стихах), что «не успокоится, пока не сотрёт с украинского неба последнюю шестиконечную звезду». Никто его не остановил.

Проявился восточный менталитет Президента: десятка полтора «приближённых» литераторов пригласили «к столу» президентскому – в ресторан. Остальные поэты довольствовались своим кефиром с рогаликом – по номерам. В заключение нашего «всесоюзного общения» произошло уж совсем отвратительное событие: всем участникам Ассоциации предложили подписать обязательство «не публиковать свои произведения в изданиях, не связанных с Ассоциацией», иначе строптивым неподписантам грозили отлучением от Ассоциации и неоплатой проезда. Последнее было весьма существенно: большинство подписали «обязательство», хотя никто не собирался ему следовать...

Надо ли говорить, что участники Ассоциации больше ни разу не встречались вот так, сообща. Правда, вышли-таки две брошюры стихотворений членов Ассоциации – Президента и его заместителя...

И всё-таки было одно серьёзнейшее последствие этого съезда верлибристов лично для меня. Дело в том, что каждый участник съезда, уезжая, оставил пачечку своих стихотворений на предмет обещанной публикации. Оставил и я. И, было, уж позабыл об этом: иллюзий особых не было, издательский «футбол» хорошо натренировал нас – в смысле безнадёги. И вдруг месяца через полтора я получаю письмо из Донецка. Некто незнакомый мне на чистом листе формата А4 аккуратным стройным почерком сообщает: «Ваши стихи для меня – родниковая вода» – вот и всё. Я не думаю, что моя скромная работа в поэзии достойна такой оценки. С другой стороны, любое высказывание, прежде всего, говорит об авторе высказывания, а уж потом об адресате: какая родниковая душа у незнакомого читателя, которому неведомыми путями попали мои стихи! Конечно же, простые искренние слова, сказанные без намерения познакомиться, общаться (обратного адреса не было) воодушевили меня в то время, так как оказались ясной формулой того, что я всегда ценил в поэзии.

Неприятности были – мелочами. Главное, русский свободный стих заявил о себе массивно. С этим способом существования поэзии уже нельзя было не считаться. В результате нынче любой мало-мальски уважающий себя стихотворец стремится доказать, что верлибру он не чужд, что он «запросто умеет». Правда, понятной, всеобъемлющей концепции русского свободного стиха так и не возникло. Договариваются до анекдотического определения: «верлибр – это просто проза в столбик», что, разумеется, ахинея. Возможно, неразбериха происходит, потому что до сих пор не обнаружено действительно крупного поэта свободного стиха, который своим творчеством убедительно показал бы: русский свободный стих – полноценное самостоятельное художественное явление, всеобъемлющее, развивающееся, а не некий «промежуток между прозой и метрическими

стихами». А ведь такие поэты есть. Я их знаю. Просто они нуждаются во внимании хотя бы литературного сообщества. Просто – они нуждаются, у них нет возможности достойно опубликовать свои стихи в сколько-нибудь заметном издании.

Так что, полагаю, за русским верлибром громадное будущее. Этому способствуют замечательные и убедительные публикации, такие, как воспоминания об Арво Метсе, сопровождаемые крупной подборкой его ярких и нежных стихотворений, в которых отразилась его уникальная личность одарённого поэта. К слову сказать, верлибр, как никакая другая форма поэтического творчества, обнаруживает личность автора, ибо слово здесь не украшено традиционной ритмикой, блистательными рифмами – никакой внешней полировкой: либо присутствует личность и поэзия, либо нет ничего, кроме пустопорожних слов.

В заключение предлагаю вниманию читателей небольшую композицию собственных текстов, свободных стихотворений.

ЗЕЛЕНАЯ ТАНЦОРКА

А официантка играла лимоном
зе-ле-ным
в мяча:
Подбросит – и хлопнет в ладоши,
подбросит – подпрыгнет – и хлопнет,
подбросит – и машет подолом
 повыше коленок,
поймает – и снова подбросит –
 и машет подолом,
и детские плечи в зеленом
 горят свитерке,
подбросит – и ловит,
подбросит – и снова
 подбросит и хлопнет в ладоши,
поймает – подбросит – и машет
 подолом – как пляшет
с зеленым лимоном –
зеленая
в свитре девчонка
в зеленом погасшем кафе...

СОТВОРЕНИЕ

В мастерской улиц
и почтовых отделений – у стоек
 испятнанных...
В мастерской скверов
 и электричек...
В мастерской города, сонного

и в работе натужно рокочущего...
В мастерской солнца...
В мастерской неба, щебечущего
и клекочущего...
В мастерской дерева...
В мастерской света...
В мастерской тьмы...
В мастерской весны, лета,
осени и зимы...
В мастерской всей Земли...
И в людской
мастерских мастерской!

ПО ДОРОГЕ СТЕПНОЙ

Вон девочка-славянка
мчится
вдоль пыльного тракта
за автобусом, в котором уехал
ее дружок из аланов...

И волосы ее мерцают
зеленым и белым огнём
на лету.
И вздымаются груди незрелые
курганами круглыми, смутными
нетронутых тайн вековых.
И ноги мелькают
форелькой серебряной.
И сияют глаза золотые
сквозь летучие заросли
молодых ковылей...

Вон, смотрите, смотрите! –
В вихре ветра
и времени,
вся в пыли,
вся в заре,
мчится славянская девочка,
ликуя,
за желтым автобусом
отошедшего детства...

Виктория МАРТЫНОВА
(лито «ЛИСТ»)

СТАНЕШЬ

...И когда ты станешь солнцем,
Я твоим останусь небом,
И когда ты станешь небом,
Я, мой милый, стану солнцем –
Солнцем-сердцем.
Станешь сердцем,
Я твоей останусь болью,
А когда ты станешь болью
Я слезой – твоим лекарством
Стану.
Станешь откровеньем –
Через слезы, через сердце
Я
солеными губами, что терзают откровенья
Стану.
Станешь ты губами
Я твоей молитвой буду.
О тебе молитвой буду,
Для тебя, мой милый мальчик...
А когда ты станешь взрослым,
Я состарюсь. И не хватит
Неба, солнца, слез и боли,
И не будет губ, что шепчут
Откровенья.
Встанет сердце.
И тогда ты станешь мудрым.

Владимир ПОДЛУЗСКИЙ
(член СП России)

ПРИЧУДЫ

Село колодезной России,
Как ни крути, златое дно.
Иван – дурак тут и разини
Ушко проходят и рядом.

Стучи, и отпрутятся двери.

Причуд крестьянского двора;
С особой метой ударений
Непревзойдённого пера.

Поймёт ли кто, что шалопаи –
У нас лишь шапочный прикид.
Недаром жизнь на заднем плане,
Не то что царская, кипит!

Какая может быть хвороба
И неотложные дела.
Ещё глазастая зазноба
Раз семь иль сколь не родила.

Разинь разинутый характер –
Зудит до внуков век, а то
И до пра-пра, пожениться б,
Покуда звякает ведро.

Чего придумывать изюмы,
Когда крыжовник на корню.
Все неразумные разумны,
В свою попавши колею.

Избёнки, избы и хоромы
С такой отчаянной красой –
России всей аэродромы
Со взлётной силою босой.

Налажен быт чего же боле –
Желать себе и стороне;
С её колодезной любовью
И родниками в глубине.

В соку Иваны и разини,
И Марья вовсе не стара.
Пока водицу пьёт Россия
Из сине-красного ведра.

* * *

Я не помню твоего лица.
Ни волос... ни глаз... ни губ.
Я не смогу нарисовать
Твой портрет.
Я чувствую Тебя,
Как свое дыхание.
Вдох – это Ты.
Выдох – это я.

Владимир АЛЕКСАНДРОВ
(лито «ЛИСТ»)

* * *

Небо, прошу, не отпускай меня
За пределы этого чистого края,
Там, где воздух ласкает тебя
И деревьев зелёная стая.
Небо, прошу, мне свобода нужна,
А не цепи, что держат мне руки.
И любовь, как глоток, мне важна
Той давно позабытой подруги.

Ирина ВЕЛИЧКО

М. ЩЕРБИНИНОЙ О «ПАРФЮМЕРЕ»
(эссе)

Прости, Марина, не разделю твоих восторгов о фильме. Смотрела сначала с недоумением, потом с возмущением. Лично мне этого материала хватило бы в виде столбца криминальной хроники. Много лет назад, после процесса над Чикатило, одна романистка написала документальный детектив о его деяниях. Что-то вроде «Убийца приходит в полдень». Какой-то журнал опубликовал в рекламных целях одну главу и сопроводил каким-то немислимым предисловием типа «Автор в увлекательной форме рассказывает о безнаказанности, о 54-х нераскрытых убийствах...» И я силась представить добровольного читателя, узнающего об 11-м преступлении, потом о 34-м, 39-м, 52-м... А какую реакцию читателя предполагал автор? «34-ое убийство совершено более гармонично, более цельно, чем 31-ое? Вот 42-ое абсолютно скучное, без находок, убийце изменил вкус...» А какое-нибудь сопереживание, например, предполагалось?

Когда этот нюхач-выродок экспериментировал с трупами, ах, простите, «любил свою работу», мы должны были на это смотреть и как-то решить для себя, почему мы на это смотрим, ведь не бараны же мы, в конце концов. Подозреваю, что авторы фильма записали героя в «Злые, но ге-

нии», ведь убивал он исключительно под классическую музыку, с солирующим девичьим стоном. В увлекательной форме. И совершенно безнаказанно. Говорят, получил урожай призов.

И еще. В середине фильма жанр из мистического бреда стал почти триллером, и нам дали маленькую надежду. Одной из героинь, кажется, Луизе, уделили внимания побольше, минут сорок. Девушку охраняли, вывезли в другую крепость, выродка ловили, потом видели страшный сон, что девушка убита, просыпались в поту, опять ловили выродка... Даже интересно стало, что же произойдет. А вот ничего и не произошло. Он залез куда надо и девушку убил. И авторы тут же потеряли к ней интерес. Герой «пошел дальше в своих устремлениях». Но простите, меня как зрителя обманули. Держали в напряжении, показали важность момента, обнадежили, наконец.

Я вот вспоминаю классический сюжет. Сальери в сцене с ядом задерживается, мешкает, в нормальном человеке всегда противодействие добра и зла. Хотя бы на секунду. Должны же мы прожить вместе с героем хоть какие-нибудь процессы! Это я повторяюсь про сопереживание. Или нам, как баранам, тупо смотреть, как герой мочит одну героиню за другой (по-моему, человек пятнадцать) и не вибрирует при этом ни единой извилиной? Сомнений ноль. Злой гений? Ну ребята, давайте уж уточним определения. Тогда и Чикатило злой гений. Правда, он убивал не под звуки клавесина, вот ведь досада, солирующего плача нет. А может, мы, правда, бараны?

Анатолий ПОПОВ

НА СМЕРТЬ

Юрию Успенскому

Опрометчиво и безжалостно,
Не взирая на суть вещей,
Ты выдавливал своих жалоб стон
Из друзей и товарищей.

А теперь этих жалоб стынь
Опоясала всех петлём...
Почему ты таким безжалостным
Обнялся на век с землём?

Нет ответов на все вопросы,
От того и ужасна скорбь...
В гости к нам ты уже не отпросишься,
Нас к тебе пригласит Господь.

Александр ЛОБАНОВ
(член СП России)

В НОЧНОМ

Томилась ночь в большом урочище за полем.
Промеж стогов блуждал неоновый туман,
И был по-летнему бездонен и огромен,

Мерца звёздами, небесный океан.

Природа тешилась ниспосланным затишьем,
Цветы ночные источались волшебством,
И, как поэт, июль слагал четверостишья
В любвеобильном вдохновении своём.

В ночном, блаженствуя, стреноженная лошадь
Негромко хрумкала сочащейся травой
И размышляла про себя о жизни прошлой,
Когда была она кобылой молодой,

Такой – в искрящемся саврасовом окрасе,
С холёной шеей, мощным крупом, грудью вширь.
Земля, бывало, под копытами тряслася,
Тревожа эхом каторжанскую Сибирь.

Ах, эта молодость! Широкой иноходью
Пробарабанила подковами сквозь век,
Когда считалась лошадь тварью благородной,
Когда белее даже был зимою снег.

Рассвет с востока подбирался к горизонту.
Залиловело. Потянуло ветерком.
Возникли первые горластые экспромты,
И зашуршало, зашумело всё кругом.

В большом урочище за полем запылали
Верхушек елей золотые острия.
Туман развеялся, и выспавшихся далее
Шагнула в утро вековая толчея!

Алина СРОГОВИЧ
(лито «ЛИСТ»)

КАРТИНА

В круговерти метельной февральской
Ярко-солнечный день просиял...
Так неожиданна была
эта сказка,
Что, волнуясь,
с какой-то опаской

Кисти в руки художник взял.

Обозначил лесную поляну
И знакомых берез хоровод,
Чисто,
празднично,
без изъяна
Он лазурью покрыл небосвод.

Нежно - розово,
светло - сиренево
На снегу пробежали тени.

И стоят белоствольной мечтою
В торжестве золотого дня
Те березы,
что красотою
Завораживают меня.

Звон хрустальных ветвей,
Словно голос
Колокольцев серебряных встарь...
Песней зимнего дня одарил нас
Тонкий мастер-
художник Грабарь.

Алексей ИЕВЛЕВ
(член СП России)

ПОСМЕРТНАЯ КНИГА (рецензия)

В Москве в «Издательском содружестве А.Богатых и Э.Ракитской» вышла в свет книга бывшего сыктывкарца Владимира Гальперина «Поэты фронтового поколения: творчество, время, судьбы». Впрочем, сам автор умер в американском Сан-Диего более пяти лет назад, и книгу подготовили к печати его дети – Наталья и Михаил.

В.Гальперин родился в Смоленске в 1920 году. Его отец Абрам Гальперин, закончивший в свое время Женевский университет, был заместителем наркома финансов Белоруссии и умер в 1931 году в больничной палате при невыясненных обстоятельствах. Сестра отца была замужем за народным поэтом Белоруссии Андреем Александровичем, арестованным в 1938 году по обвинению в шпионаже в пользу Англии. Именно благодаря Александровичу В.Гальперин приобрел к миру литературы и познакомился с людьми, которые ее «делали» – Николаем Асеевым, Михаилом Светловым, Николаем Погодиным...

В 1939 году В.Гальперин блестяще сдал вступительные экзамены в московский Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ) на романо-германское отделение. В одной группе с ним учились будущие поэты Наум Коржавин, Давид Самойлов и Юрий Левитанский, будущий посол СССР в Японии, Китае и председатель представительства СССР в ООН Олег Трояновский, будущая переводчица Лилианна Лунгина, открывшая России неизвестную ранее Астрид Линдгрэн с ее повестью «Пеппи Длинный Чулок», будущий специалист-международник Лев Безыменский и многие другие талантливые люди. Атмосфера того времени и места – это смесь юношеского романтизма и довлеющей советской идеологии. Она хорошо передана в строках двадцатилетнего поэта Павла Когана, тоже учившегося тогда в ИФЛИ:

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя...

Когда началась Великая Отечественная война, В.Гальперин закончил институт экстерном и в июне 1942 года ушел на фронт. Закончил войну в 1945 году в Кенигсберге младшим лейтенантом. Был контужен, получил инвалидность.

После демобилизации он зачисляется в аспирантуру Московского государственного университета, работает над диссертацией «Поэзия Парижской Коммуны» и, между прочим, в 1946 году становится чемпионом МГУ по теннису в паре с Николаем Озеровым – будущим известным спортивным комментатором.

В 1947 году диссертация была успешно защищена. В.Гальперин становится сотрудником «Литературной газеты», а вскоре – заместителем главного редактора. В 1949 году на страницах газеты он публикует свою статью о современной белорусской литературе, где упоминает опального Андрея Александровича. Статья была расценена властью как враждебная и стала объектом травли во время борьбы с «безродными космополитами».

Понимая, что над ним нависла серьезная опасность, В.Гальперин в 1949 году добровольно покидает Москву и уезжает на Север - в Сыктывкар, где не было ни родных, ни друзей, ни жилья, ни работы. Он пришел в редакцию газеты «Красное знамя», где ему заказали несколько статей о национальной литературе Коми. Затем записался на прием к председателю Совмина Зосиме Паневу, по звонку которого был принят в Коми пединститут преподавателем на кафедру зарубежной литературы, где и проработал до 1964 года.

Не смотря на постоянный пригляд со стороны местного КГБ и плохие жилищные условия, жизнь В.Гальперина в нашей республике была по-прежнему бурной и интересной. Помимо широких знакомств и дружб в преподавательской, журналистской и театральной среде, он много ездил по республике с лекциями, выступал перед «зеками» в Княжпогосте, Ухте, Воркуте, Инте, Печоре.

Даже после возвращения в Москву, В.Гальперин не порвал связей с республикой. В 1964 году в издательстве «Российский художник» вышла его книга «В.Поляков» о народном художнике Коми АССР Валентине Полякове, а чуть позже в издательстве «Полярная звезда» - книга «Питомцы северных муз» о писателях Коми.

Его дальнейшая жизнь была связана с работой в Театральном училище имени Б.Щукина, где он был заведующим кафедрой искусствоведения до 1989 года. Одновременно он сотрудничает с журналами «Молодая гвардия», «Новый мир», «Октябрь», «Знамя» и с Литературной консультацией Союза писателей СССР.

В 1989 году вместе с семьей сына В.Гальперин уезжает в США. Там ведет литературную страницу на Русском радио, пишет статьи для газеты «Панорама Лос-Анжелеса», выступает с лекциями перед русскоязычной аудиторией города Сан-Диего...

Основу книги «Поэты фронтового поколения» составили материалы, подготовленные автором еще в 1970-х годах. Их публикацией В.Гальперин хотел отдать дань памяти своим талантливым

товарищам, большая часть которых пала на войне. Читатель найдет много нового и интересного в главах, посвященных Павлу Когану, Семену Гудзенко, Давиду Самойлову, Сергею Наровчатovu, Константину Симонову и многим-многим другим, оставившим след в нашей литературе.

Владимир ОЛОФИНСКИЙ

* * *

А для тебя звучат те же песни.
А для тебя поют те же птицы.
Смотрят на тебя наши звёзды,
И новый день не далёк.
А после бессонной ночи
Ты встанешь воды напиться
И будет тебе обидно,
И будет тебе обидно,
И будет тебе обидно,
Что буду я одинок.
И будут шуметь деревья
Всё той же шальной листвою,
В окне будет яркое солнце.
А значит жарким денёк.
Но буду просить я небо,
И небо дождём прольётся.
Привычно ты ставишь чайник...
Я знаю, тебе невдомёк,
Что выпадут я белым снегом
Чистым, как наши надежды.
Наденем мы веры одежды
И за руки вместе пойдём.
И будут звучать те же песни,
Их пропоют те же птицы.
И будут сиять наши звёзды,
О лампу бить мотылёк.
Но это тебе приснится
И будет тебе обидно,
И будет тебе обидно,
И будет тебе обидно,
Что буду я одинок...

ПОЛЕВАЯ ГРУСТЬ

Не ходи, угрюмая, по полю,
Где уж нива больше не шумит,
Не поможешь ты своею болью
Полю, что заброшенным лежит.

Тех, кто сеял, нет уже на свете –
Безвозвратно время то ушло,
Уж давно их выросшие дети
Выбрали другое ремесло.

Разлетелись по стране огромной,
Жизнь, она ведь – часто не проста.
Мил бывает вид деревни скромной
На куске пейзажного холста.

Каждый ищет нужную дорогу –
Так судьбою, видимо, дано.
Видишь, поле стало недотрогой,
Коль лежит нетронутым давно.

А когда не пашут и не сеют,
Травам наступает благодать,
И бурьян становится смелее
И его без плуга не унять...

Не ходи, угрюмая по полю,
Где уж нива больше не шумит.
Не одно оно – с такою долей –
На просторах горестно лежит.

Зинаида ТРЕТЬЯКОВА
(лито «ЛИСТ»)

* * *

Мне снилось сегодня ночью:
Стою на уступе горы.
И прыгнуть тянуло порочно,
В ужасную пропасть дыры...

Мне было и больно, и стыдно,
И грусть одолела меня.
Мне было тогда так обидно,
Что ты позабыла меня.
Хотел оглянуться и что же:
Услышал я крик: «Подожди!
Я прыгну с тобою тоже,
Ты без меня не уйди!»
И сердце мое застучало,
И слезы текли по щекам,
И то, что с собою кончаю,
Не ведал я даже сам.
А ты подбежала, прижалась,
Слова говорила любви,
Молилась и страшно кричала:
«Любимый мой не уходи!»
Проснулся я ранним утром,
Нет рядом со мной никого...
Не знаешь, как жить мне трудно,
Тебе всё равно, всё равно...
Нет милой на белом свете,
Живёт в голубой вышине.
В заоблачном замке где-то,
А не со мной на Земле.

Екатерина ШИРШОВА

ПАКЕТИК С ПУПЫРЫШКАМИ **(рассказ)**

Джонни выглядел обиженным.

- Ну что ты, дурачок, опять обижаешься? - я почувствовала, как глаза невольно увлажнились, а губы задрожали. В очередной раз моё резкое словцо ударило то ли по самолюбию, то ли по и без того расшатанной нервной весельчака Джонни. Он редко грустил, но вот обидеться, надуться, придать себе гордый и напыщенный вид, пустить слезу - это Джонни любил больше всего на свете.

А ещё он боялся собак. С детства. Особенно дряхлую, немощную, но обладающую поистине жутким характером и острыми зубами Мэри, эдакого Цербера на коротеньких ножках. Если бы у дьявола была собака, это была бы именно Мэри. Но, как известно, дьявола не существует, поэтому его потенциальный питомец разгуливает по нашему двору с видом хозяйки и не даёт Джонни провожать меня до самого подъезда после наших прогулок по городу и вне его.

Джонни по-прежнему был обижен на меня.

- Хватит злиться, я не хотела тебя обидеть, - я не врала. Мне действительно не хотелось делать ему больно. Поэтому я не могла смотреть на его мученья - Я ведь не дам тебе шоколадку, слышишь? Я тащила её с другого конца города, боялась, как бы не растаяла, не утеряла первичной свежести, и всё ради тебя!

Джонни лишь хмыкнул и посмотрел на меня с некоторым снисхождением. "Ты идиот, милый" - в очередной раз подумала я (у меня почти всегда возникала такая мысль, когда это чудо смотрело на меня таким взглядом) и принялась озлобленно нашаривать в сумке шоколадку, дабы с великим удовольствием съесть её на глазах у голодного Джонни. Он был влюблён в шоколад. Молочный. С орешками и карамелью. Я часто покупала ему данный деликатес. Но на этот раз он достанется мне, мне и только мне.

Рука блуждала по дну сумки в поисках шоколадки. Джонни с ревностью следил за моими телодвижениями и ждал, затаив дыхание. Надеюсь, глупец, что я шучу. А я не шутила. У меня текли слюнки при мысли, что сейчас я буду в гордом одиночестве лопать молочный шоколад с орешками и карамелью, а моему незадачливому другу не достанется ни крошки. Но шоколад я найти не могла - он затерялся под кучей книг и, скорее всего, медленно-верно таял. Внезапно в моей руке оказалась вещь, которую я никак не ожидала обнаружить в сумке. Я вытащила руку оттуда. Пальцы сжимали небольшой пустой пакетик, знаете, такой с пупырышками, которые весело лопаются при нажатии на них пальцем. Как он здесь оказался, я понять не могла. Но он явно мне сейчас бы не пригодился. "Ммммммусор!" - злилась я. Действительно, в сумке было много всякого хлама, который давно надо было повыбрасывать, да времени не было. Сжав пакетик (несколько пупырышек лопнуло), я направилась к мусорному контейнеру. Джонни наблюдал за мной, я это чувствовала. На полпути я вдруг остановилась. Неожиданная мысль пришла в мою большую голову, и я была ей довольна.

- Смотри-ка, что наша! - провозгласила я, вернувшись на своё место.

Джонни фыркнул.

- Тоже мне, находка, - в его словах звучало раздражение.

Я с улыбкой лопнула ещё парочку пупырышек и почувствовала прилив сил.

- Как здорово, обожаю такие пакетики! - пальцы ловко забегали по поверхности пакетика, прозая полиэтиленовые пузырьки с характерным хрустом и щёлканьем. Это было так весело и здорово, что у меня захватило дух. От бывшего раздражения не осталось и следа. Лопнув приблизительно треть пупырышек, я решительно протянула "игрушку" моему обиженному другу.

- Твоя очередь, Джонни, - игривая улыбка сияла на моём лице.

Джонни медлил, словно чуя подвох.

- Боишься пакетика?

Он ждал.

- Брось, Джонни, держи и наслаждайся! - я рассмеялась, лопнула ещё пару пузырьков и снова протянула ему пакетик. Он послушно взял - Смелее, все свои.

Он принялся аккуратно, медленно, вдумчиво стучать по пупырышкам. Я следила за ним с некоторым восторгом. Джонни, казалось, не замечал моего взгляда. Он увеличил скорость, его пальцы ловко и быстро выпустили воздух из всех оставшихся пузырьков. Рука нервно жала пакетик. Он посмотрел на меня.

- Спасибо, - Джонни улынулся мне в ответ. Я смущённо достала из сумки заветную плитку шоколада и разломала пополам.

Протянула ему половинку. Он попытался взять свою долю, но я на мгновение отвела руку:

- И чтобы больше не обижался, ясно?

Он кивнул и получил свою половинку плитки. Но мы не спешили есть. Он смотрел на меня, не отрывая взгляда, и улыбался. Я отвечала ему тем же. В какой-то момент мы громко расхохотались на всю улицу так, что прохожие оборачивались на нас, не понимая, в чём причина нашего веселья. А причиной был полиэтиленовый пакетик с пупырышками, крепко сжатый в ладони Джонни.

В тот вечер он впервые довёл меня до самого подъезда, миновав даже (!!!) Мэри.

Елена БЕЗРОДНАЯ
(лито «ЛИСТ»)

* * *

Как научиться слышать в мире музыку
Звонящих капель летнего дождя?
Игру чуть слышного улыбчивого шороха,
Шептание листвы и ветерка?
Журчанье звонких ручейков-проказников,
Прыжки весёлых льдин в большой реке?
Катание чистейших ноток радости
По волнам в грустно-тембровой воде?
Величие восходов и закатов,
Очарование хрустально-нежных звёзд,
Пустынного небесного простора,
Галактики узорных пышных роз.
Как научиться слышать в мире музыку
В любом движении святой своей души?
В сердечной доброй щедрости и радости
Певучих звуков в шуме и в тиши?

Александр СЕЛЯКОВ
(лито СГУ)

ЗАКРЫТО НА ОБЕД (рассказ)

Мы не закончили разговор. А, по сути, никогда и не начинали. Ты не любила, когда мы говорим о наших отношениях. Ты их боялась. Ты хотела пустить все на самотек. Чтобы можно было спать вместе, но утром просыпаться отдельно. Чтобы разговаривать, но не раскрывать душу, не показывать ее изнанку, хотя, по моему мнению, только так можно вытряхнуть накопившуюся пыль, как из пылесборного мешка пылесоса. Ты сама не расстегивала молнию на своей душе, а только чихала от вылетающей из моей души пыли.

Дочихалась.

Послала меня подальше.

И правильно. А как ты еще могла реагировать на мой напор? Как говорится, на любое действие найдется противодействие. На любовь найдется противотанковый еж, колючая проволока и мины.

Кстати, о минах. Я тебе никогда не говорил, но даже если бы сказал, ты не поверила бы. Так вот, ты навсегда самая лучшая девушка в постели! Это аксиома, обсуждению она не подлежит. Ну, а что обсуждать, когда от такого с ума можно сойти! Дело не в физике и механике, тут все лежит не в технических, а гуманитарных плоскостях. Конечно, можно объяснить, почему после секса может кружиться голова: кислород там, все такое... Но я то знаю, что не в кислороде дело. Просто дышать так глубоко можно только с тобой. Задышаться!

Я видел, что твои глаза светились, когда мы встречались. Ты старалась сдерживать улыбку, и это было очаровательно. Ты забывала в это время о том другом человеке, который причинил

тебе столько боли, что ты решила прикрыть лавочку и не строить ни с кем отношения. Если представить меня филателистом, то получалось так, будто каждый вечер я захожу к магазину, где можно купить редкие и необыкновенно красивые марки, а на двери магазина висит большой замок, даже не замок, а он заколочен досками крест на крест. А свет там горит. Кто-то там сидит, и, возможно, был бы рад меня видеть, поговорить.

Твои глаза светились... И это несмотря на то, что ты искала поводы не видеть меня. Чтобы я не прислонился к стеклу магазина, где продают марки, не дышал на него, не складывал руки, образуя окошко, чтобы увидеть того, кто прячется там, за дверью.

Тук-тук-тук. Откройте. Тук-тук-тук. Сердце стучит. Открой, любовь моя!

Закрыто.

А мое сердце нетерпеливо. Любить – так любить, а нет – значит увядать. Недаром на дворе была осень. Время увядать.

Ты все решила – по вечерам в магазине свет не горел. Кто-то спустился в подвал.

Да хрен с ними, с марками, если там есть кто-то! Живой человек! Родная душа. Родная душа в подвале от меня спряталась. Нормально, не?

Если да, значит все же время увядать. Сбрасывать листья, склонять голову, ежиться от падающего снега. Закрывать свой магазин, спускаться в подвал и там засыпать, свернувшись калачиком – признак одиночества. Интересно, а сколько людей спят калачиком, то есть в позе эмбриона? Сколько таких магазинчиков закрывается? Кризис? Финансовый или любовный?

Ничего не поделаешь, магазинчик закрыт. Ты так решила. Это ответ, это вместо слов. Это я не закончил разговор, а ты все сказала. Я просто не мог с этим смириться все это время. Я никогда и не смирюсь с этим. Значит, разговор с моей стороны никогда не будет законченным.

Я переворачиваю табличку с надписью «открыто» оборотной стороной, где написано: «закрыто». Понимаю, что это нечестно.

Закрыто на обед. Но ведь и в антикварных магазинах должен быть обеденный перерыв.

Нина НИКОЛАЕВА
(лито «У камелька»)

* * *

Я жду лишь тебя, милый мой,
А ты заблудился в пути,
Избрал бы ты путь по прямой,
Прямее – быстрее дойти.

Зачем без тебя я живу?
Как правильно жить я не знаю,
Но чувствую, что наяву,
Не в центре всегда, а лишь с краю.

С какой прилетишь стороны?
Лети побыстрее, сокол мой.
Боюсь я тупой тишины,
Когда ты не рядом со мной.

Юрий СУРИН
(лиро «Алый парус»)

* * *

А в Серёгово тишина,
Посмотри ты, какая краса.
В реку смотрит небес вышина...
А леса здесь, какие леса!

Словно в детство вернулась душа.
До чего же тут жизнь хороша.
И стихами запела душа...
А в Серёгово тишина!

В реку смотрятся леса:
Красота здесь, ах, краса.
И вот эту всю красу
Я вам, люди, принесу!

Над Серёгово стоит туман.
Вроде бы, сегодня я не пьян,
А себя понять я не могу,
Так мне хорошо на берегу!

Евгения ЛОГИНОВА
(лиро «ЛИСТ»)

* * *

На камне холодном пепел лежал...
На дереве жалкий листочек дрожал...
Тут дунуло ветром
И сдуло листок...
А пепел остался...
...Он камень прожог!

ПУТАНИЦА (рассказ)

Любят у нас праздники. Чем значительнее праздники, тем длительнее застолье и тем больше дозы принимаемого алкоголя. Я думаю, в новогодние каникулы население принимает количество спиртного, соизмеримое, лишь с потреблением бензина автомобильным транспортом. Видно, есть какой-то ген в организме у русского человека, позволяющий перерабатывать эти многие литры горючей жидкости. Один мой знакомый был в командировке в Соединенных штатах Америки и рассказывал, что на стене одного из баров Нью-Йорка видел объявление следующего содержания: «Один литр виски – смертельно опасная доза алкоголя», с примечанием – «кроме русских».

Но есть предел, даже у самого могучего организма и поэтому в праздники работы у службы скорой помощи несоизмеримо больше, чем в дни трудовых буден. И, конечно устаёт персонал скорой гораздо больше, чем в обычные рабочие дни, потому как работает сутками и, как правило, не менее полутора ставок. Есть такая медицинская загадка: «Почему врачи работают на полторы ставки?» Ответ: «Потому, что на ставку есть нечего, а на две – есть некогда». Так вот, на третий день, точнее ночь, новогодних каникул, в два часа тридцать минут в диспетчерскую скорой помощи поступает вызов: «Боли в сердце у мужчины». Повод к вызову считается внеочередным и в этом случае бригада выезжает без задержки. Прибыв на вызов, бригада скорой помощи наблюдает привычную праздничную ситуацию: «Здрассьть, спсители пръехали! Пршу к столу. Дктр, ща рам буш?» Перевод – доктор, сто граммов будешь? Врачи, конечно, тоже люди и не лишены человеческих слабостей, но на работе нельзя, к тому же многочасовой конвейер больных с примесью алкоголя накладывает отпечаток на настроение врача. «Где больной?» - хмуро спрашивает он. «Васька, у нас больные есть?! – зычно вопрошает встречающий с детской улыбкой на багровом лице, держась за косяк и слегка покачиваясь. «Есть, есть!» - отозвался жизнерадостный голос из табачного тумана, плотно висевшего над праздничным столом, - «Коляма колбасит, даже от водки откачивается».

...Вид у Коляма, лежавшего на кровати в спальне, был далеко не праздничный. В глаза бросалась бледность потного, со страдальческим выражением, лица. «Доктор, что-то сердце приватило, всего то один стопарь и успел...», - тяжело дыша, пожаловался пациент.

Посмотрев ленту отснятой электрокардиограммы, врач сказал: «Инфаркт миокарда, типичный, как в учебнике. Далее обычная рутинная бригада скорой помощи: уколы, капельница, носилки, транспортировка в кардиологическое отделение. В пути, вдруг ожила рация и, сквозь треск эфира пробился раздраженный голос диспетчера: «Шестой, ответьте скорой, где вы? Почему не доехали до вызова? Удивленный врач ответил: Мы транспортируем больного в кардиологическое отделение». «Какого больного!?» - продолжала возмущаться трубка рации, - «С вызова звонят, торопят, больному плохо.

Как оказалось, вместо адреса по Октябрьскому проспекту бригада приехала на улицу Октябрьскую, причем в одноименном доме и квартире случайно оказался больной с инфарктом. Усталый диспетчер, отупев от бессонной ночи и нескончаемого конвейера вызовов, пропустил всего лишь две буквы – «пр» в конце слова Октябрьский на карточке вызова, а такой же усталый врач не обратил внимания, что название улицы заканчивается не на «ая», а на «ий». В результате этой грамматической путаницы был спасен еще один больной. А по адресу, куда не доехала бригада была тут же послана другая машина скорой помощи. Там тоже оказался больной с инфарктом. Кстати, лежали они потом в одной палате и, говорят, подружились.

* * *

Припомню вновь приветливые лица
Веселых одноклассников моих...
Один в психиатрической больнице
Пытается понять свободный стих.

Чтоб не тревожить строгих санитаров,
Бубнит верлибры небу и стене
И верует, что обладает даром
Скрывать созвучья в уходящем дне.

Второй в тюрьме, глядит через решетки
На Божий мир любви, беды и слез,
Где умирает от паленой водки,
Ранимый русский искренний вопрос.

И привыкает к паханам и нарам,
И к снам туберкулезной духоты,
И верует, что обладает даром
Плевать на все с тюремной высоты.

Другой на подоконник встал –
Влюбиться
Хотел в родную спящую страну.
И сделал шаг навстречу вольным птицам
В растерянного неба глубину.

Упал на тротуар, но от удара
Никто не вздрогнул в хмуром городке...
А веровал, что обладает даром
Перекурить печаль на сквозняке.

Четвертый сгинул в кишлаках Афгана,
Восточный муж, имеющий трех жен,
Внимательный читатель сур Корана
Ему отрезал голову ножом.

Росла чинара, бляела отара,
Его «калаш» сгодился на калым...
А веровал, что обладает даром

Домой вернуться к матери живым.

А пятый – дьякон, учит мир молиться
И сильно пьёт за ближних и родных,
Припомнив вновь приветливые лица
Веселых одноклассников моих.

И выпью я, раз не звучит кифара,
И нет в душе спокойного угла,
И, кажется, что все проходит даром –
Напрасны наши думы и дела.

Мы исчезаем... Остается смута,
Что можно словом дружеским унять,
Но, встретившись случайно, почему-то
Стараемся друг друга не узнать.

Александр СУВОРОВ
(член СП России)

ВЕРА В ЭПОХУ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Человек у иконы поклоны кладёт,
Душу грешную чистит от хлама.
Но дорога, которая к храму ведёт,
Увести норовит и от храма.

Мир грешит и беснуется – сходит с ума,
Полыхает огнями реклама.
И сгущается в душах лукавая тьма
И всё дальше уводит от храма.

Неужели мы сбились с прямого пути,
Одурев среди шума и гама?
Но вдали, там, куда предстоит нам дойти,
Блещут маковки вышнего храма.

Переделкино-Сыктывкар

БОЖЕ...

1

Боже,
В зеркала смотреть боюсь,
Ложью,
Как чахоточный плююсь,
Крошек
Правды горсть не наскрести,
Тошно,
Зная, душу не спасти.

Боже,
Словно в пролежнях душа,
Гложет
Червь пороков, не спеша,
Треплет
Исступлённо жизни нить,
Смертью
Грех, поверь, не искупить.

ПРИПЕВ:

Мочи нет терпеть эту боль,
Видно брезгает Бог мольбой
Бессловесной, немой в ночи,
Только сердце не в такт стучит,

И хандра разъедает мозг,
В жилах кровь, как застывший воск,
Паралич заковал в тиски,
Словно молотом бьют в виски, бьют в виски.

2

Боже,
Прежде чувствовал я звук
Кожей
И теплом покорных рук,
Кровью
Расписавшись на ладах,
Помню,
Искромсать мог душу в прах.

Боже,

Кто мне пальцы подменил,
Дрожью
Лихорадочной смутил,
Струны,
Словно черви из-под них,
Трудно,
Не могу поймать мотив.

ПРИПЕВ:

Мочи нет терпеть эту боль,
Не унять ни вином, ни иглой,
Не забыться в кошмаре снов.
Тишину приютил мой кров,

И тоска, как душевный склеп,
Спеленала, стал сердцем слеп,
Затушила огонь в груди,
Мне впотьмах не найти пути к истине, к истине.

3

Мысли
Рвутся в клочья на ветру
Жизни,
Разобраться не могу,
Строки
Скудоумием разят,
Проклят,
Не иначе боги мстят.

Рвётся
Из груди надсадный крик,
Бьётся,
Как в конвульсиях старик,
В связках
Заплутал, и рвёт их боль,
В пляске
Заходил кадык шальной.

ПРИПЕВ:

Мочи нет терпеть эту боль,
Даже мамино: «Бог с тобой,
Не терзайся, остынь, сынок»,
И тепла полный взгляд не впрок.

Я на кладбище не был век,
Крест надгробный дал крен, ведь грех,
Каждый нерв истязает в снах
Память, совесть мою распяв, как Христа.

(лето 1996 г.)

Владимир ГОГОЛЬ
(лито «У камелька»)

* * *

Осень пахнет грибами, брусникою,
Пахнет осень таежной тропой.
А в избе тихо «ходики» тикают,
А в тепле осень пахнет тобой.

Снова утром в промозглую осень
С прелым запахом сосен, осин.
И чего меня по свету носит?
Будто в жизни живу я один.

Мне привольно в лесу и свободно,
На озерах, болотах, борах.
Жить могу я там сколько угодно,
Не скучая на первых порах.

А, затем, кислородом насытившись,
Подуствав от природных красот,
По тебе и комфорту соскучившись,
Я дойду до знакомых ворот.

Я поставлю корзину с грибами
И с брусникою пестерь в сенях.
Плащ, ветровку, грема сапогами,
Я развешу сушиться впотьмах.

Я войду и твой сон потревожу
Поцелуем, но то не беда.
Осень пахнуть по-разному может,
Но тобой она пахнет всегда!

* * *

Эдуарду Яблокову

«Геройски пал» – строка приказа.
А ты расстрелян был в упор.
Себе, не изменив ни разу,
Ты просто не вернулся с гор.
Твой взгляд застыл, упёршись в небо,
Майор прикрыл тебе глаза,
Свой ус жуя, как корку хлеба.
Солёную: текла слеза.
Потом тебя к броне спускали,
Потом майор водяру жрал,
Потом мы твой берет достали,
Чтоб на подушке он лежал.
И писарчук, давя окурок,
Закончил фразу про приказ,
Про долг... А он, штабной придурок,
В горах, в бою бывал хоть раз,
К камням холодным прижимался,
С песком сливался как змея?
...Майор с тобой лететь собрался:
«Я виноват – отвечу я».
...Я на твоей могиле не был.
Но кто-то фотку снял в упор:
Жена и дочка. Мама. Небо...
И наш, совсем седой, майор.

Тамара КУРОЧКИНА

* * *

Полюбила, полюбила,
Так о чём теперь тужить?
Ох, отбила, ох, отбила,
Так кого теперь винить?

У подруженьки любимой
Увела я жениха.
Ох, любовь моя шальная,
Довела ведь до греха!

Чья-то свадьба прокатила,
И не надо сердце рвать.
Я прощаюсь с тобой, милый,
Не хочу чужое брать...

Антонина ПЫЛАЕВА,
Заслуженный работник культуры РК

ХУДОЖНИК (очерк)

*«И не смело б веков теченье
Следа, оставленного мной!»
(И.-В. Гете «Фауст»)¹*

«Художник обязан доносить красоту до народа, обогащать его вкус и украшать жизнь. Но он может сделать это лишь тогда, когда найдет свой стиль и свой метод, свой подход к явлениям действительности...» — эти слова могут служить эпиграфом к творчеству скульптора Пылаева Игоря Валентиновича — неутомимого труженика, с его неустанным творческим поиском и огромной требовательностью к себе — традиционалиста и новатора одновременно.

В лучших работах И.В. Пылаева одухотворенность, тонкость психологического рисунка образа, сочетается с широким идейным звучанием произведения в целом, умением мыслить синтетически, возвести типическое явление нашей действительности до значения символа.

Не смотря на видимую ясность и последовательность развития, отсутствие внутренних противоречий, резких срывов в работе, творческий путь Пылаева не был таким уж прямым и гладким, как может показаться на первый взгляд.

Художник беспрестанно эволюционировал в своем творчестве, никогда не успокаивался на достигнутом, органически приходил к новому, более углубленному пониманию задач в искусстве и старался решить их в каждом новом произведении — будь то монументальная, монументально-декоративная или станковая скульптура, скульптура малых форм, сценография театральных постановок или смелые и нетрадиционные решения эстрадных программ или массовых зрелищ.

Игорь Валентинович Пылаев родился 1935 году в г.Усурийске Приморского края в семье военнослужащего. После войны семья переехала в старинный город Львов. Валентин Павлович и Клавдия Парфентьевна, являясь для детей добрыми советчиками и строгими судьями, привили детям главное качество — трудолюбие. Игорь, Эльвира и Лариса — будущие скульптор, модельер и художник-керамист получили прекрасное образование.

Родители рано заметили способность старшего сына к рисованию. Игорь посещает художественную студию районного Дома пионеров, где скоро его внимание привлекает скульптура и в 1952 году он поступает во Львовское государственное училище прикладного искусства на факультет декоративной скульптуры.

Навсегда остались в памяти уроки мастерства видного украинского скульптора Д.П. Кравича и увлекательные реставрационные работы от руководства В.И. Пика.

¹ Гете Иоганн Вольфганг (1749–1832 гг.) — немецкий поэт.

В 1958 году Пылаев поступил на скульптурный факультет Львовского государственного института прикладного и декоративного искусства.

В те годы в числе преподавателей скульптурного факультета были многие крупные мастера вааяния, почти каждый из которых обладал яркой творческой индивидуальностью. Основной курс обучения Пылаев прошел у академика Ивана Васильевича Северы².

В годы учебы произошло знаковое событие в судьбе Пылаева — первая работа в профессиональном театре — Государственном русском драматическом театре Советской Армии. Успех сценографии первого спектакля «Друзья и годы» А.Зорина окрылил, предложения на постановки поступали постоянно.

В 1960 году три друга стали ядром во вновь открывшемся молодежном Театре-студии им. Ленинского комсомола, где Пылаев увлеченно работает вплоть до окончания института. Искусство сцены, возможность быстрого профессионального роста в прославленном Заполярном театре драмы привели Пылаева на Север в г. Воркуту, где в 1964 году начинается его многогранная творческая деятельность. Художник работает в театре, оформляет концертные программы Ансамбля песни и танца Дворца культуры шахтеров и строителей, как скульптор и театральный художник активно участвует в выставочной деятельности Союза художников Коми, переживающего в эти годы свой расцвет. Но при всем многообразии творческих работ главным для Пылаева остается монументальная скульптура.

Современная действительность всегда выдвигала и выдвигает перед художником сложнейшие задачи, связанные с монументальным искусством. Начиная с 60-х годов, Пылаев неизменно занимается решением этих задач, считая монументальное искусство, вышедшее к людям на улицы и площади, самым действенным в массовом, идейном и эстетическом воспитании. В этой неустанной работе Пылаев находит главную тему своего творчества — Север и северяне, героизм и романтика повседневного труда.

Российский Север обязан своим открытием легендарной династии Черновых, насчитывающей более трехсот лет: Александру Александровичу и Георгию Александровичу — отцу и сыну. Выросшие здесь города Инта, Усинск, Воркута стоят, как памятники этим легендарным геологам с большой буквы, ученым-исследователям, безоглядно посвятившим свою жизнь профессии, эпохе и Родине. Они стали объектом напряженного творческого поиска скульптора.

Через ряд вариантов портрета ученого А.А. Чернова (1969, 1973, 1974, 1976, 1982) автор приходит к созданию Памятной стелы первооткрывателю Печорского угольного бассейна, установленной в 1982 году в г. Воркуте. Главный смысл этого произведения — в почти физически реальном выражении средствами пластики столь сложной психологической и этической категории, как проникновенное чувство уважения к выдающемуся ученому. В этом своеобразном произведении, построенном на парадоксальном сочетании станковых и монументальных элементов, пластически выражена сложная идея взаимоотношения Человека и самого мироздания. Точно разработана моделировка лица и кистей рук. Лицо вполне конкретно, портретно, торс и другие части композиции

² И.В. Севера (1891–1971 гг.), выходец из беднейшей многодетной крестьянской семьи, прошел трудный путь к вершинам мастерства. Львовская школа художественных промыслов (1910–1914 гг.), учился у профессора Яна Нальборчика; Санкт-Петербургская Академия художеств (1915–1917 гг.) — у В.О. Беклемишева и Г.Р. Залемана; Пражская Академия художеств (1919 г.) — профессора Яна Штурса; Римская Академия художеств (1921–1924 гг.) — у профессора Президента Академии Этторе Феррари. В 1926 г., возвратясь на Родину, И.В. Севера совмещает интенсивную творческую деятельность с работой в художественных вузах Киева, Харькова, Львова. Основные произведения: памятники «Италия», «Джордано Бруно», «Коперник», известные станковые работы — «Волна», «Философ», «Автопортрет», «Композитор» и др. Лучшие произведения Северы — портреты, памятники, посвящены великим людям Украины. Это Т.Шевченко, Л.Украинка, И.Гонта, И.Франко, В.Стефаник, Н.Лысенко и многие другие.

обобщены, ассоциируясь с самой земной твердью, куда ученый проник силой научного предвидения. Все это сообщает образу одновременно черты монументальной предостоятельности и мемориальной конкретности.

Очень точно переданы скульптором черты лица Чернова: большой с горбинкой нос, впалые щеки, пылливый прищур во что-то пристально вглядывающихся глаз — перестают быть на этом этапе обобщения только приметам личности, они подтверждают и подытоживают сложившееся у скульптора в процессе работы суждение о данном человеке — выдающемся ученом, патриоте, гражданине.

Возведение памятника, определение его места в городе — одна из важнейших проблем при создании общегородского ансамбля. Его место заранее предусматривается архитектурно-планировочной композицией и органично входит в городской ансамбль, представляющий собой идейно-художественный центр города Воркуты. Место установки памятной стелы — площадь Центральная, где проходит основной поток движения транспорта и пешеходов, что очень расширило сферу его активного восприятия и воздействия.

Тема романтики Севера, труднейшей работы геологов развивается в творчестве Пылаева, и в 1987 году торжественно открыта скульптурная композиция «Первопроходцам Заполярья» в п. Рудник — месте находки и первой промышленной добычи угля в г. Воркуте, событию, которому в 2006 г. исполнилось 75 лет.

Воркутинский посёлок Рудник, с которого начиналась г. Воркута, разделил судьбу многих российских неперспективных населенных пунктов. Но памятник вместе с геологами, поменяв прописку на город Сыктывкар, изменил и название — «Геологам Севера». Ясная, почти плакатная силуэтность фигуры геолога, её стремительное движение мгновенно прочитывается теми, кто идет, едет по Октябрьскому проспекту или ул. Громова. Тот, кто останавливается у памятника и рассматривает его, видит все пластическое богатство художественного языка скульптуры и удачное включение монумента в образный строй столицы Республики Коми.

Фигура пронизана стройным пластическим ритмом. Её крепкие, четкие объемы плавно перетекают друг в друга, выявляя конструктивность формы. Свободная лепка, тонко моделируя поверхность, оттеняет фактуру одежды, под складками которой чувствуется живая упругая плоть. Одежда не скрывает форм тела, напротив, естественное движение складок, создающих игру светотени, оттеняет его пластику, подчеркивает движение идущего навстречу пурге геолога, более плавно и органично связывает его с пьедесталом. Но одежда здесь выполняет еще одну функцию — эмоциональную: её несколько взволнованно ложащиеся складки как бы оттеняют неумный, беспокойный характер геолога, его постоянную устремленность вперед. Нарастающий вверх ритм скульптурных объемов, выявляет богатство светотеневых эффектов, живую подвижность классических форм. Хорошо вылеплена голова. Найден и пластически выразителен её объем, поворот. Скульптор сумел передать живую подвижность лица, остроту и целеустремленность взгляда, в нем воля, энергия, романтическая устремленность в будущее.

Четырехгранный постамент красного гранита отмечен благородной простотой.

Площадь перед ЗАО «Минеральные ресурсы Коми», на которой стоит памятник, способствует его господствующей роли. Архитектура здесь не является эстетически активной и воспринимается, скорее, как фон для памятника. Над площадью господствует большое пространство северного неба, наполняя её светом, делая её шире и просторнее.

Монументы А.А. Чернову в г. Воркуте и «Геологам Севера» в г. Сыктывкаре, столь различные по своему образному строю, имеют общие черты — им присуща светлая гармония и романтическая приподнятость образов, отмеченных нравственной силой и красотой характера русского человека, патриота и гражданина.

Необычайно широкие возможности Пылаева, охватывающие самые различные жанры пластики, ярко и самобытно проявились прежде всего в рельефе монументальном. Творчески пере-

осмысливая классическое наследие, он идет от сюжетно-образной их трактовки, наполняя произведение глубоким идейным содержанием, ярко выражающим мысль художника.

Впервые проблема синтеза скульптуры и архитектуры встала перед скульптором в 1971 году: он начал работать над оформлением здания клубно-спортивного комплекса пограничного отряда в г. Воркуте. Основная идея фриза — единство армии и народа, суровая служба в Заполярье, будни и праздники пограничников Арктики, патриотическая гордость народа своей Армией. В центре композиции щит и меч — эмблема войск пограничников на фоне северного сияния. По обе стороны изображены группы людей: каждая группа, характеризуется своими атрибутами, которые, заполняя интервалы между фигурами, создают четкий композиционный ритм. Все фигуры, при разнообразии их поз, объединены одним общим движением к центру.

На гладком фоне стены фриз воспринимается неотделимо от лаконичного архитектурного объема здания клубно-спортивного комплекса. Расположенный на высоте второго этажа, он производит сильное впечатление тонко проработанными деталями, ясной силуэтностью форм ритмически повторяющихся фигур, компактностью образующих его групп, хорошо соответствующих строгой пластике фасада и всего здания. Содержание, эмоционально-образный строй рельефов (6 ед. 250×20×500), (1 ед. 250×25×500) тесно связаны с действительностью, жизнью отряда пограничников г. Воркуты, в них запечатлены с натуры правдивые, живые образы.

В 1978 г. Пылаевым выполнен монументально-декоративный рельеф «Наука» (1200×350×25) для Дома политического просвещения, раскрывающий понимание идейного замысла сооружения, его назначения. На фоне символического земного шара — фигура Музы науки с книгой и горящим факелом в руке. Скульптором найдена убедительная форма монументальной пластики для органичного включения ее в композицию здания и активное взаимодействие с окружающей средой.

Характерные для творчества Пылаева устойчивость и повторяемость главных тем, проходят через все этапы его работы: о духовном величии человека, его освободительной борьбе, о его созидательной и доброй целеустремленности, о красоте человека, о вечной его неуспокоенности, о мечте и сказке, неотделимых от потока его дней.

Перелистывая летопись Гражданской и Великой Отечественной войны, Пылаев находит драматические ситуации, характеры высокого мужества, многие героические сюжеты и останавливается на тех, которые ему особенно близки.

Станция Ошвор Северной железной дороги, 1921 год — место гибели беженцев и героически защищавшего их отряда из 20 красноармейцев. Впечатляющим кажется ошворский проект Пылаева — памятная установка на станции Ошвор и надгробие на месте трагедии, где были учтены скульптором особенности рельефа, «специфика» этого трагического места, те факторы, которые помогли дать тему в развитии на подобие скорбного реквиема.

«Борцам за Советскую власть на Севере» — памятная установка открыта в 1977 году на станции Ошвор. Монумент рассчитан на обзор с разных точек, общая высота 12000.

Газета «Правда» писала: «Мимо станции ежедневно проходят десятки пассажирских и товарных поездов в шахтерскую Воркуту, на Ямальский Север. И все машинисты сбавляют скорость около Ошвора, чтобы отдать дань уважения тем, кто пожертвовал своей жизнью ради процветания этого сурового края».

Скульптор старается прийти к органическому единству эмоционального звучания монумента и пространственной среды, в которой он существует. Монумент отличается простота и строгость композиционного построения — мощная глыба камня, верхняя часть которой — голова красноармейца в буденовке на фоне динамичной формы огромного каменного знамени, придающего облику монумента большую пространственность и легкость. Он словно овеивается ветрами.

Прошло десять лет и в 1987 году проект, наконец, был завершен — на крутом берегу р. Уса было установлено надгробие.

Обращение к образам-символам, решение в романтически-героическом ключе, придает этому проекту необходимую всеобщность: он воспринимается как памятник всем героям, сложившим голову за свободу и будущее. И, более того — всем борцам за эту свободу независимо от того, чем они сражались — автоматом, мечом или своими бессмертными стихами. Здесь мы имеем уже новое качество в понимании монументального образа.

Скульптор нашел точное выражение идеи надгробия, идущее от жанрового понимания темы и вылившийся в обобщенный монументальный образ взметнувшегося в небо пламени — пламени нашей памяти, образ органичный и неповторимый, определяющее лицо скульптора и в этой области.

«Заполярный круг замыкается,
А судьба грозит быстротечностью...
Сколько же еще душе маяться
Между Воркутою и вечностью?!»
Д.Сиротин³

Города рождаются как бы трижды: первый раз — в планах и чертежах; второй — в камне, бетоне, металле, дереве, стекле; третий раз они создаются мастерами искусства. И только при этом, третьем рождении, город получает законченный образ, дающий возможность узнавать его при первой встрече. В многотрудной работе созидания города Воркуты плечом к плечу стояли «товарищ Жизнь» и «товарищ Искусство».

Когда мы рассматриваем героев Пылаева — шахтеров, геологов, строителей, монтажников, газовиков, литейщиков, горноспасателей, то такое, казалось бы, безликое определение, как «производственная тема» наполняется биением живого пульса современности, на наших глазах становящейся историей.

История Воркуты в именах героев — ими названы улицы: В.И. Дончука, П.Ф. Ерахова, Л.М. Матвеева; история Воркуты в памятных досках: здесь была первая школа, первая ТЭЦ и первая поликлиника; первый Горком партии, первая комсомольская организация; первый кирпичный и первый панельный дом; вот улица А.А. Чернова и стела, ему посвященная — бетон, мрамор, чугун, бронза... Историю Воркуты, созданную скульптором, экспонируют, хранят и её музеи — Воркутинский межрайонный краеведческий музей и Выставочный зал; музей Воркутинского театра драмы, Горного техникума и Государственного профессионально-технического училища № 3; музеи ЗАО «Минеральные ресурсы Коми» и Объединения «Воркутауголь»; музеи Воркутинского механического завода и Военизированной горноспасательной части.

Рельефы «Воркута 1930-х» (1986) и «Воркута 32-го» (1978) переносит нас на 75 лет назад — «первые терриконы, лошадь, вагонетка, деревянные, словно присыпанные угольной пылью постройки, неуют, холод и труд, труд, труд...⁴ (подневольный в том числе). Рельеф «Воркута 1980-х годов» (1986). Здесь новые признаки времени диктуют изменения в художественном отражении одной и той же темы. Индустриальное производство поглощает человека в свою усложненно-пульсирующую систему. Не настало ли время для переоценки духовных ценностей? Их так легко свести на нет, противопоставив могущество науки и техники. Не «сосуществование» человека с силами, им же созданными и готовыми вот-вот вырваться из под контроля, а значительность роли человека в мире, полном гармонии, отражает художник в этом рельефе — поэтическом осмыслении очень трудного для искусства скульптуры жизненного аспекта — технического прогресса нашего века.

³ Д.Сиротин — воркутинский поэт (род. 1977 г.).

⁴ В.Майстренко «Заполярье», 16 января, 1982 г.

Первозданной силой веет от скульптурной композиции «Воркута — фронту» (1987) для бульвара Победы. Образ шахтера — олицетворение «Заполярной кочегарки» решен эпически широко. Скульптор стремится к обобщению, гораздо смелее чем прежде обращается с натурой, выделяя лишь самое существенное, главное. Жест шахтера, поднявшего над головой глыбу угля, соизмеримую вкладу Воркуты в дело Победы, подчеркнута значителен, тяготеет к символическому. Значительный охват пространства, введенного в композицию, начинает играть особую роль — оно также значительно, экспрессивно, как и пластика самой фигуры шахтера, пронизанной строгой ритмичкой движением. Ее объемы отличаются классической ясностью и простотой. Важным пластическим мотивом является шахтерская роба, ее складки, насыщенные богатой игрой света и тени, обобщают силуэт, делают его собранным, цельным. Раздвигая рамки жанра и стараясь поднять эпизод до выражения всеобщего, скульптор достигает торжественно-героического звучания произведения.

Продолжая и обогащая тему, завоеванную европейским и русским искусством в 70-е годы, художники прежде всего отказались от драматических и трагедийных нот и выдвинули глубоко оптимистическую концепцию, полностью соответствующую новому отношению к труду, переключив внимание с процесса труда на содержательно-духовную его сторону. Для скульптуры этого периода был особенно характерен острый интерес к специфике художественного языка. И работы Пылаева, созданные в 70–80-е годы, подчинены единому принципу, единой образной программе, где особое место занимает пространственное решение. Теперь-то уж хорошо известно, какое огромное значение имеет взаимоотношение скульптуры с реальной средой. Поколению же Пылаева, и в частности, самому скульптору, довелось открывать заново эту, тогда забытую истину. Так однофигурные композиции «Горноспасатель» (1972), «Отдых» (1975), «Монтажник» (1982), «Шахтер» (1982) обретают черты монументальной всеобщности не только в силу самих конструкций, но и благодаря определенным их отношениям с пространством. Еще более остро, открыто этот принцип композиции выявлен в таких произведениях, как «Первопроходцы» (1974), «Перед сменой» (1977), «Отдыхающие шахтеры» (1979), «Газовики Вуктыла» (1981) и в некоторых других.

Но образные открытия Пылаева не остались его личными открытиями, они легли в основу общих пространственных поисков скульптуры 70–80-х годов в нашей стране. Упорные поиски чисто скульптурной проблематики не закрывают главного смысла работы скульптора — выражения в пластических формах содержания самой жизни. Поэтому творчество Пылаева подвижно и всегда находится в кругу общих проблем, насущных для искусства и для жизни. В этом плане интересна композиция «Над Воркутой» (1979). Изображение случайной встречи или свидания шахтера и девушки на мосту через реку Воркута — чисто жанровое, по сюжетному мотиву, свидетельствует о том, что наступил период исследования самой жизни в самых будничных, житейских его проявлениях. Но как оказалось, именно эта «просто жизнь» есть наиболее глубокий, сложный и значительный материал, давно заждавшийся своих исследователей-художников. Образную значительность композиции придает плотность лепки, архитектурный расчет в соотношении скульптурных масс и монументальная четкость силуэтного решения. Как всегда у Пылаева, особое значение приобретает решение пространства: рука девушки на перилах мостика замыкает единый силуэт, при этом размер произведения перестает играть первостепенную роль, скорее наоборот: мы сталкиваемся со стремлением насытить образным смыслом произведения, небольшие по размеру.

Труд, все более и более становясь интеллектуальным, зрительно порой теряет свою выразительность. Сложные, а порой неразрешимые задачи художественного освоения пластического динамизма, решает скульптор в многофигурных композициях, которыми владеет свободно и инициативно. Это произведения «Тревога» (1976), «Горноспасатели» (1979), где явно обозначилась характерное явление — проникновение портретной конкретности. Стремление к портретности, а стало быть, к точности изображения повысило точную рисуночную культуру, не в ущерб типичному.

Выражение «шахтерский характер» вошло в нашу жизнь — это душевная широта, настойчивость, целеустремленность и человеческая доброта, то, что мы видим в произведениях «Проходчики. Шахтеры Воркуты» (1980), «Бригада проходчиков» (1976), «Шахтеры Воркуты» (1979). Чувствуется, что скульптор захвачен темой, такова их жизненная достоверность. Прежде всего здесь тонко уловлен типаж молодежи 70–80-х годов с его тягой к романтике, поисков героического приложения своих сил в жизни. Трехфигурная фронтальная композиция «Шахтеры Воркуты» (1979) построена на подчеркнутом ритме четких объемов и линий, она легко вписывается в усеченную трапецию, но внутри этой слаженной группы есть разнообразие, намечается развитие темы, различается индивидуализация характеров, оттенки настроения. Широко расставив ноги, стоит в центре парень, «такому все севера нипочем». Второй проходчик очень независимый, уверенный. Последний участник этого трио — вносит новую ноту в стройную мелодию группы — ноту мечты и светлого лиризма. Одно из качеств композиции — песенность. В ней есть что-то от маршей комсомола 70–80-х годов, то что мы находим в песнях Александры Пахмутовой:

«По душе мне суровая тундра
И глубоких снегов чистота.
Как бы ни было в жизни мне трудно,
Не забуду тебя Воркута!»⁵

«Лепите, скульпторы, портреты —
Уходят люди. Не вернуть.
А теми, кто ушел, согреты
Все те, кто продолжает путь...»

Вен. Смирнов⁶

В портретах Пылаева 1980–1990 гг., характеризующих зрелое творчество скульптора, художественный образ существует как бы в некоей пространственно-временной протяженности. Точно отмеренные временем рамки раздвигаются: характер трактуется в философско-обобщенном плане, сохраняя всю живость воспроизведения своей человеческой индивидуальности. Не случайно, видимо, в эти годы среди портретируемых все чаще у Пылаева встречаются люди преклонного возраста, прожившие долгую жизнь, в самих себе несущие значимость достигнутого итога, прикосновенности к познанию смысла жизни. Еще одна конструктивная черта характеризует работы зрелой поры творчества мастера: их совершенная пластическая законченность, классически цельная замкнутость. Импульсивность «росчерковой» живописной манеры лепки скульптурного объема, характерная для ранних работ скульптора, все более вытесняется динамичной уплотненностью пластической массы, доведенной до абсолютной цельности, что позволяет скульптору добиваться в своих портретах редкой жизненности и правдивости образа.

Портрет — простой и сложный, трудный и благодарный жанр искусства — является одним из излюбленных в творчестве Пылаева. «Точкой отсчета» может служить «Художник Я.Скиба» (1967), который открывает галерею скульптурных изображений деятелей искусства и культуры — людей творческого труда, создателей новых эстетических и духовных ценностей. Потом следуют график А.Бухаров (1967), композиторы Д.Шостакович и Н.Римский-Корсаков (1970), поэт В.Гринер (1972, 1975), актеры Г.Щербаков (1973) и И.Шварцберг (1976), фотокорреспондент Р.Юнитер (1976), писатель В.Савин (1988), певица В.Есева (1998), прелестные по обаянию нежности и ли-

⁵ «Песня о Воркуте» А.Пахмутова — Н.Добронравов.

⁶ Вениамин Смирнов — воркутинский скульптор (1937–1996 гг.).

ризму женские и детские образы. Перед нами художники, творцы, очень живые, осязаемые люди, наделенные яркой индивидуальной характерностью и национальной этнической неповторимостью характеристик.

Как зримое воплощение классических традиций русской сцены прочитывается портрет народной артистки Республики Коми И.В. Шварцберг (1976) — ведущей артистки Воркутинского театра драмы. Живая, поразительная в своей «похожести» внешность актрисы, кажется неотделимой от ее вдохновенных созданий — персонажей А.П. Чехова, А.Н. Островского, А.М. Горького, Юхана Смуула — ее звездных спектаклей. Человек-актер в «предлагаемых обстоятельствах» — такова основная «сверхзадача» пластического образа. Портрет выполнен сочно, почти до иллюзорности конкретно, как «лепила» своих героинь сама актриса — виртуозно и убедительно.

В портрете-маске народного артиста Республики Коми Г.И. Щербакова очевидно и одно неоспоримо — для скульптора крайне ценна нерасторжимость человеческого и актерского «я» в понимании того, что есть современный актер. Поэтому так пронзительно ощутима в портретах, созданных с натуры, эта бьющая в них живая творческая жилка и так естественен элегически-драматический подтекст в маске народного артиста РК, ведущего актера и режиссера ВТД Г.И. Щербакова (1973). Лицо, а вернее лик, обретает двоякий смысл: актер-личность и его роль, вечное перевоплощение, постоянная маска, которую он носит всю жизнь, наполняя ее живым дыханием страсти души.

Сама жизнь раздвигает рамки тематического и жанрового диапазона скульптора. В мастерской Пылаева появляются новые модели — шахтер и ветеран войны, строитель и милиционер, ученый и руководящий работник, врач и рабочий. Преодолевая «цеховую» ограниченность, Пылаев приходит к более широкому и емкому пониманию творческого труда. Эта социальная и эстетическая категория наполняется большим общественным содержанием. Свободный труд, сознательно устремленный к общественному благу, становится трудом творческим, раскрывающим лучшие качества человека, поднимающим его над обыденностью, формирующим не просто характер, а цельную личность. От яркого представителя коми лидера, борца за Советскую власть на Севере А.Лымина (1971, 1972, 1974), «Военного строителя А.Варнека» (1976), «Капитана милиции А.Матте» (1981), «Литейщика ВМЗ С.Крутилкина» (1981) и др. портретов, Пылаев ведет более углубленную разработку образа нашего современника.

Адекватность внешней характеристики модели её внутреннему содержанию, взаимодействие в творческом процессе двух столь разных индивидуальностей, как личность портретируемого, и личность самого автора — немаловажное в творческой практике любого портретиста моменты. Оба момента в творческом методе Пылаева неоспоримы, поэтому его портреты при всей психологической неповторимости каждый раз ярко выявленного индивидуального начала, обладают своим особым пылаевским почерком, определенно окрашенным отношением автора к своей модели.

В известной мере итоговыми произведениями в галерее «Героев труда», созданных скульптором, можно считать портреты героев Социалистического труда: ученого-геолога А.А.Чернова (1969, 1974, 1976, 1982), шахтера И.И.Сорочинского (1983), бригадира проходчиков Г.В.Моисеева (1983) и первооткрывателя Российского Севера Г.А.Чернова (1975, 1982, 1983).

Между портретами А.Чернова 1969 и 1982 не одна разделяющая их временная дистанция. Изменились не только черты внешности, обретшие с возрастом выдающегося ученого-исследователя определенность выражения, сформировалась личность. В скульптуре этой перемене соответствует большая плотность и весомость пластических масс, стремящихся к устойчивости и замкнутой центричности. Неизменным осталось лишь беспокойство ищущей творческой натуры. В первом портрете скульптор закладывает твердые основы его архитектоники, определяя этим для себя исходные позиции образа, определяющие его характерные качества — твердость духа, волевою собранность, строгую самодисциплину, в то время как портрет 1982 года — это последу-

ющая сложная пластическая переработка, уточняющая, углубляющая и типизирующая первоначально полученное представление о человеке.

В облике пожилых, многоопытных тружеников Пылаев уловил и передал состояние внутренней сосредоточенности и собранности, столь знакомые и высоко ценимые людьми творческого труда, интеллектуальность и духовную культуру, крепость и ясность решительных и целеустремленных натур.

«Скульптор должен в своих произведениях выражать состояние души».
Сократ⁷

Используя успешный опыт монументально-декоративного искусства, Пылаев создавал свой монументальный стиль, своеобразно интерпретируя пластические традиции. Ценное качество Пылаева-монументалиста в понимании необходимости теснейшей связи скульптуры с архитектурой, проявилось в период работы скульптора над памятником Питириму Сорокину. В 1999 году скульптор, участвуя в конкурсе на проект памятника выдающемуся ученому-социологу перед Государственным университетом в г. Сыктывкаре, представляет два проекта. Оба предложенных скульптором проекта-варианта заслуживают внимания.

«Задача художника — выявить духовную сущность образа,— говорит скульптор.— Только глубоко изучив особенности внутреннего склада, изучив творчество, я приступаю к решению композиции. В этой работе особенно важно отыскать движение, наиболее характерное для данного человека. И вместе с тем наиболее выразительное в пластическом смысле».

В первом варианте памятника Пылаев успешно решает эту задачу. Здесь главное — характерный эмоционально-содержательный жест правой руки ученого, как бы продолжающего разговор с невидимым оппонентом. Движение фигуры словно нарастает изнутри — правдивое и выразительное решение монументального портрета. По мере восприятия фигуры с разных точек раскрываются новые выразительные аспекты ее силуэта. Особенно удалась скульптору голова, исполненная, благодаря атрибуту учености, высокой монументальности. Памятник, возможно, запечатлел торжественный прием ученого в одну из мировых Академий наук (Бельгийскую, Королевскую Румынскую, Американскую и т.д. ?). Пылаев сумел выразить в лице Сорокина, его мимике то состояние уверенности и радостного волнения, приподнятости и оптимизма, которое передано и в жесте, и в движении фигуры, и во всем эмоциональном и пластическом строе образа.

Само назначение памятника как произведения обобщающего, итогового значения, учитывающего не только сиeminутность, но и развитие во времени и приобщающего к вечности, требовало при работе над вторым вариантом определенной переработки. Фигура Сорокина, облаченная в наглухо застегнутый сюртук, приобрела большую стройность, монолитность, а её силуэт — ясность и четкость.

Пылаев мастерски использует возможности, предоставляемые ему композиционным решением памятника: мотив сидящей фигуры уже сам по себе снижает некоторую торжественность, обычную сопутствующую памятнику как произведению общественного, гражданского звучания.

В этом варианте монумента Сорокину — коми этнографу, просветителю, зазвучал открытый призыв, утвердилось активное действенное начало, чему немало способствовала сама постановка фигуры Сорокина без постамента на низком стилобате, и его исполненная достоинства поза и несколько асимметричный разворот фигуры в пространстве. Памятник легко обозрим, одинаково хорошо воспринимается со всех сторон, в том числе и с тыльной, что далеко не всегда, к сожалению, встречается в произведениях современных монументалистов, заботящихся прежде всего о разработке фасада. Не случайно и то обстоятельство, что скульптор переменял положение головы

⁷ Сократ — (ок. 470–399 до н.э.) древнегреческий философ.

Сорокина. Слегка опущенная в первом варианте, здесь она приподнята, благодаря чему изменилась направленность взгляда: он устремлен теперь чуть вверх смотрящих на памятник людей, как бы в неведомое, и эта неопределенность придает образу романтическую окраску.

Третий вариант памятника П.А. Сорокину установлен на Родине великого земляка в с. Турья Княжпогостского района Республики Коми.

В создании образа художник пошел по пути демократизации, желая показать своего героя не стоящим над людьми, возвышаясь над народом, а вышедшего из народа. Созданная здесь пейзажная среда получилась очень одухотворенной и образно работающей в помощь памятнику.

На невысоком постаменте серого гранита стоит монумент, окруженный лишь небольшими строениями и зеленой деревьей, что придает ему камерный, интимный характер, ориентируя на тесный контакт со зрителями. В пояском портрете Сорокин изобразен у плетня родного дома в глухо застегнутой косоворотке с книгой в руке. Весь мужественно-возвышенный строй монумента, его весомые уплотненные формы, укрупненный ритм, выражают пластически одну мысль — неразрывность собственной судьбы с судьбой своего края и народа. Пылаев только намечает детали одежды, сосредотачивая внимание на лице, акцентируя высокий выпуклый лоб, глаза, плотно сомкнутый рот. Оживляющие черты контрастная светотень — способ проникнуть во внутренний мир портретируемого, спрятанный за внешней сдержанностью манер, спокойствием позы, соприкоснуться к напряженной работой интеллекта. Полемическая страстность Сорокина, горение его творческого духа насыщают яркой эмоциональностью пластическую ткань его портрета, заставляя вибрировать его трепетную взволнованную поверхность. Образ обобщен, доведен до значимости пластического символа духовности.

Свободное пространство вокруг монумента и основанная на безошибочном чувстве масштаба ритмическая соотнесенность его с архитектурно-природным окружением, создают ту экстремальную эстетическую зону комфорта, которая настраивает на определенную эмоциональную волну общения, обеспечивая полноту и законченность художественного переживания. Питирим Сорокин в трактовке Пылаева связан с внешней средой, доступен восприятию. Мысль ученого напряженная, скованная нерасчлененным бронзовым массивом обречена на непрестанное циркулирование. В его изображении, как и в биографии, прочитывается история человека трудной и славной судьбы, человека, неизменно горячо преданного Родине. Памятник, органично вписавшись в облик села Турья, стал его духовной эмблемой.

Большое значение у Пылаева имеет сюжетная основа, которую он раскрывает очень по-своему. Наметив какие-то главные опорные пункты ее развития, тонко очертив характеры и взаимоотношения людей, он дает простор воображению зрителя, позволяя дополнять, развивать сюжетную канву, сделать ее еще более конкретной. Смело и разнообразно строя свои композиции, он подходит к ощущению их внутренней архитектоники отнюдь не однозначно. Каким тонким психологом и режиссером может быть скульптор, показывают произведения «Прощальный вальс» (1973), «Наставник» (1976), «Беседа» (1981). О героях Пылаева хочется рассказывать, узнавать их характеры, догадываться об их судьбе.

Вот композиция «Прощальный вальс» — как бы двойное прочтение темы — бытовое и историческое. Девушка, напряженная как струна, и солдат, робко обнимающий ее, но уже принадлежащий другому миру. Они еще вместе, но между ними точно непроходимый рубеж: для него огонь и ярость сражения, для нее — долгие дни тревожных ожиданий. Скульптор стремится к обобщению, раздвигая рамки жанра и поднимая эпизод до выражения всеобщего.

В композиции «Наставник» все то, что мы воспринимаем, сказано языком пластики. Подкупающая естественность и пластичность поз, как будто непредвзятое расположение фигур. Скульптурная группа не так проста по своему построению, как это кажется на первый взгляд. Фигуры ориентированы в разные стороны, что создает значительный охват пространства, разворачивает всю композицию по полукружности и каждая деталь красноречиво по-своему повествует о человеке.

Тема патриотизма, мужества, высокого гражданского долга совершенно закономерно проявляется в нашем искусстве, а возрождающееся национальное самосознание народа усиливает внимание к историческому прошлому Родины, его национальным героям и выдающимся личностям.

Своеобразие, широта художественного мышления и ярко выраженный национальный характер воплощены в произведениях «Княгиня Ольга» (1984), «Юность Святослава» (1990). Особым внутренним обаянием, человечностью, духовным благородством и мудростью отмечены работы 1996 г. «Стефан Пермский — просветитель зырян» и «Стефан Пермский — основатель письменности зырян». Скульптор нашел оригинальное решение в жанре композиционного портрета в произведении «Екатерина II подписывает Указ о присвоении Усть-Сысольску статуса города» (1999).

Эти работы отличает тонкое пластическое видение и, что очень ценно — стремление и умение передать национальные черты средствами подлинно современной художественной формы. Они настраивают на глубокие размышления, вызывая цепь исторических и поэтических ассоциаций.

С каждым годом в творчестве Пылаева все яснее и многограннее воплощается тема войны и мира. Развиваются эти два раздела большой эпической темы параллельно, усиливаясь новой проблематикой, в основе которой лежат гуманистические идеи борьбы за сохранение мира.

Страстное стремление к новому в искусстве, динамика, аллегория, присущие творчеству Пылаева, проявились в произведении «К безъядерному миру» (алюминий, литье, 1987), где свойства материала стали особенно активными в создании символического образа.

Индивидуальная форма понимания скульптором темы привела его к своеобразию трактовки. Включение подлинных реликтов войны, становящихся уже в силу своей исторической значимости символическими, воздействуют не меньше, чем концентрированный пластический образ, направляя творческую мысль скульптора, диктуя тот или иной ход пространственного решения. Эмоциональный строй произведений о войне и мире особенно усиливают драпировки — здесь это летящее платье и волосы женщины с лавровой ветвью в руках, по своей архитектонике напоминающей вертикаль колонны. В целом все избранные элементы создавали ясный образ и, в то же время, каждый компонент повышал эмоциональный строй всего произведения, придавая ему определенную стройность и выразительность.

К военно-патриотическому циклу относятся проекты памятников воинам-интернационалистам (1988 — I-II; 1996 — I-II), раскрывающие героизм и духовную силу советских воинов. В динамичной экспрессивной композиции «На линии огня» (1988 — II) передан стремительный порыв бойца, идущего на подвиг. Скульптор изобразил героя в момент наивысшего напряжения всех жизненных сил — это и реальный, и в то же время аллегорический образ.

Композиция подобна взрывной волне, пластические массы устремлены от центра к периферии, зритель сразу же воспринимает его напряженную динамику и экспрессию в энергичной лепке фигуры. Композиция вылеплена обобщенно, с пониманием особенностей большой формы. Такие произведения военно-патриотической темы, как «Солдат» (1976), «Комиссар» (1977), «Молитва» (1992) наполнены внутренней духовной энергией, отличаются емкостью содержания и несут в себе черты эпохи.

Но все же произведения Пылаева, идущие от жанрового понимания темы и выливающиеся в обобщенный монументальный образ, более органичны и неповторимы. Именно они определяют лицо скульптора в этой области.

Неистребимо побеждало в сердце скульптора светлое жизнелюбие, горячее преклонение перед проявлением всего прекрасного в жизни, которое он видел в духовном благородстве человека, в гармонии и ритме линий и форм человеческого тела в его целомудренной красоте.

Пылаев говорит, что «культ идеального тела был рожден в Элладе и уже тогда означал борьбу за высокое нравственное совершенство: прекрасные формы человеческого тела воплощали в себе и лучшие черты характера человека».

Характерно, что работа с обнаженной моделью — необходимая для скульптора школа художественного мастерства, никогда не превращается у Пылаева в простую студию природы. В любом отдельном случае она несет свою авторскую интонацию, неповторимый индивидуальный подтекст, будь то открытая чувственно-полнокровная радость бытия вырубленной в дереве «Встречи» (1983), или возвышенная гармония усложненных поворотов и изгибов тела гипсовой «Леды» (1999), или восхищение совершенными пропорциями человеческого тела, как воплощение мечты о прекрасном в действительности в пронизанном светом белом мраморе «Бабьего лета» (2000), или целомудренность «Материнства» (1982, алюминий, литье), или неоднозначность пластически-смысловой концепции гипсового «Нарцисса» (1972).

Можно смело утверждать, что лучшие из созданных Пылаевым торсов и обнаженных женских фигур неизменно отмечены особенностями его индивидуального мастерства, национальными признаками и печатью своего времени.

Старопрежней Руси осколок – Усть-Цильма.

20 лет — с начала 1980-х годов продолжается работа Пылаева над военно-патриотической темой в Усть-Цилемском районе Республики Коми, где наряду с разработкой монументальных идей, станковая скульптура, портрет продолжают оставаться в центре его внимания.

В своей практике монументалиста скульптор неизменно следует главному принципу — воплощать исторически значительные идеи и образы, отражающие мысли и чувства народа о судьбе своей Родины — стимула для подвига, для всех благородных и возвышенных поступков человека. Дума о Родине, люди разных национальностей представляют её в образе женщины своего народа.

Памятник жителям с. Усть-Цильма, павшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., производит большое эмоциональное впечатление. Устьцилемка устало присела в скорбном раздумье у плит с именами погибших односельчан. Сколько в ней величия и силы, гордости и скорби о погибших. Кажется, это сама Ирина Ивановна Бабикова только вышла из дома на берегу Печоры, из дома, на котором мемориальная доска в честь её сына-героя. Она прообраз Родины-матери, она — мать Героя Советского Союза Макара Андреевича Бабикова.

Чувство горя, выраженное в образе старой женщины — устьцилемки, как бы шире, емче — оно относится и к детям этого поколения, и к современникам этих женщин, к их мужьям и братьям. Кроме того, это горе старой женщины всегда с ней, оно не сглаживается и не приобретает того светло-лирического, грустного оттенка, который свойственен траурным памятникам, олицетворяющим печаль в более молодом и привлекательном женском образе (памятник в с. Замезное). Образ старой крестьянки с невидящим, устремленным в себя взором, полон безысходного горя и глубокой трагичности. Забыть это невозможно. Он преследует как тоскливый звук метронома в Салспилсе или колокола в Хатыни.

В Усть-Цилемском памятнике Пылаев нашел поэтический женский образ, олицетворяющий Родину. В дальнейшем скульптор перерабатывает его в композициях памятных знаков для д. Сергеево-Щелья «Скорбящая» (1990) и д. Скитская «Звонница» (1990).

Здесь, как и в других произведениях Пылаева, мы видим большое сходство с оригиналом, видим дар портретиста и меткий глаз художника. Однако особенность метода мастера состоит в том, что пластически осваивая черты модели, Пылаев всегда вносит в трактовку образа героическую ноту. Это наполняет его произведения, при всей остроте индивидуальных характеристик, большим гражданским звучанием.

Вскрывая специфику пластической трактовки монументальных произведений Пылаева, следует обратить внимание на простоту и строгость их композиционного построения, которые в сочетании с глубиной и богатством содержания есть залог их большой эмоциональной выразительности.

Работая в старинном русском селе Усть-Цильма, скульптор проявил особую чуткость и бережное отношение к народным идеалам, сохраняя яркие черты национального своеобразия. Образы русских женщин увековечены им в работах: «Усть-Цильма. 1941 г.» (1983), «Усть-Цильма. 1945 г. Ожидание» (1984), «Память. Усть-Цильма» (1987), «9 мая. Усть-Цильма» (1987). Нельзя не заметить стилистического единства в этих работах, проявившегося как в идейном замысле, так и в пластической трактовке. Тесное взаимодействие не проходит бесследно для каждого из подвидов скульптуры: присущее Пылаеву чувство архитектоники, отточенное постоянное монументальной практикой, настолько кристаллизуется в этих станковых работах скульптора, что порой они воспринимаются, как модели монументальных произведений.

Чуткое ощущение времени дало правильный взгляд на события отгремевшей войны, тяга к бытовому и конкретному помогла воссоздать их в особом аспекте с неповторимой авторской интонацией. «9 мая. Усть-Цильма» — это прямой подход художника к выражению судьбы человека через судьбу народную. Пожилая женщина сидит на завалинке дома, устало опустив натруженные крестьянские руки. Одна. Но весенний ветер Победы ворвался в окно — символ новой жизни. Возникло мысленное движение пространства, которое всколыхнулось, пришло в движение, чтобы создать среду, достойную выражения величественной темы — скорби, величия и гордости.

«Усть-Цильма 1945 год. Ожидание» (1984). Впечатление внушительной статики и почти архаической величавости, производимое в фас композицией, придает ей сходство с древними каменными изваяниями, в то время как при круговом восприятии в скульптуре появляется сложная рельефно-пластическая нюансировка, форма обнаруживает скрытое внутреннее напряжение, силуэт обретает подвижность. Такая композиционно-пространственная полифония не случайна: она вскрывает смысловую многоликость образа. С одной стороны, обобщенность, национальная типажность, а с другой — портретность конкретного персонажа (известно, что для образа Родины-матери памятников в Усть-Цильемском районе и композиции «Ожидание» служила одна модель). Эта работа подтвердила умение скульптора, отталкиваясь от натуры, не подчиняться ей, не копировать, а «возводить в степень», как завещал его учитель академик И.В. Севера.

Завершает устьцилемский цикл не реализованный в силу ряда причин проект памятника «Основателям села Усть-Цильма» (1990). Фигуры Ивана Дмитриева Ластки и его красавицы-жены, самостоятельны по своему характеру, воспринимаются легко и просто, цельно и ритмично, очерчивая общую пространственную границу изображения. Взаимодействие их с окружающей средой и скульптурные объемы каждой создают общее впечатление энергии, силы, подвижности и целеустремленности, выполняя одновременно и функцию садово-парковой скульптуры.

Произведения устьцилемского периода, при всей присущей им смысловой содержательности самодовлеющих станковых произведений, обладают еще несомненными декоративными качествами, что подтвердило неоднократное экспонирование их на художественных выставках. Важнейшим является то, что идейно-эстетическая основа художественного поиска является общей для обоих подвидов скульптуры.

Утверждение могущества, величия национального достоинства русского народа, прославление героического начала, широкие гуманистические обобщения — все эти темы и идеи составляют эстетическую основу произведений устьцилемского цикла.

Memento quia pulvis est.⁸

⁸ Помни, что ты прах (лат.)

Обобщение, углубление психологического образного содержания, характерные для станкового и монументального искусства Пылаева 1980–90-х годов, на которые приходится наиболее значительные его достижения, по-своему отразились ещё в одной области деятельности скульптора.

Речь идет о мемориальной скульптуре, занимающей в искусстве мастера весьма значительное место. Скульптор и здесь остается прежде всего портретистом, его скульптурные надгробия, как правило, конкретны, основаны на глубоком понимании специфики мемориального жанра, на тесном соединении пластической и архитектурной частей, в котором приоритет принадлежит скульптурным формам. Пылаев в достаточной мере привержен традициям, хотя в пределах общей схемы предложенные им решения всегда индивидуальны и новы. Небезынтересно обратиться к раннему опыту скульптора, относящегося к 1980-ым годам.

При разработке надгробий Оганянец Г.Р. (1981 г.), Беликову К.С. и Беликовой А.Ф. (1982 г.), Цомая Б.К. (1984 г.) Пылаев всецело отдает дань традиционному типу портретного надгробья, который сложился на базе всестороннего использования опыта русского мемориального жанра классической поры XVIII – начала XIX века. Портрет Оганянец Г.Р. на высоком постаменте (3 м, бронза) приковывает внимание незаурядностью и значительностью образа. Выполненный в технике горельефа, приближенного к круглой скульптуре, слитый частично с инертной массой камня, портрет в целом развернут во внешнее пространство, обращен к живущим, словно ведя с ними молчаливый диалог. В лучших надгробиях работы Пылаева образная идея, выраженная метафорически, обладает большой силой эстетического и этического воздействия. Эти работы выполнены для городов Воркуты, Москвы, Владимира, Сыктывкара, Александрии и Кременчуга (Украина), ст. Ошвор, с. Чухлом и др.

Особую оценку общественности получил Памятный знак — надгробие матери И.А. Куратова — основоположника коми литературы, к творчеству и личности которого интерес народа неугасим (с. Чухлом, 2000). На месте кладбища у Крестовоздвиженской церкви в с. Чухлом, где предположительно она погребена, простой каменный крест — знак памяти; над ним символический дом. «В его сердце» две фигурки — женщины и ребенка. Матери и сына. Такое близкое и понятное для каждого земляка решение нашел для воплощения идеи скульптор».⁹

В 2001 г. Пылаев исполнил надгробие Заслуженному деятелю искусств России, художественному руководителю ансамбля «Ася кыя» В.П. Морозову.

Несколько минут ходьбы по главной аллее Городского кладбища г. Сыктывкара и видим крыло рояля, на котором, словно из небытия проступает лицо артиста, обращенное вниз, к земле: музыкант будто прислушивается к доносящимся оттуда звукам.

В подобной трактовке памятника нет ничего мистического, индивидуальные черты современника постепенно стираются, исчезают из памяти. Вечным остается лишь непропадающий след его деятельности на земле, нетленное завещание грядущим поколениям, твердый наказ продолжать прерванное. Приближаясь к прямоугольной стеле, образ дирижера словно «материализуется», приобретая все большую конкретность: неизменные атрибуты профессии, жест руки исполнен характерного изящества, черты лица получают неоднозначность выражения, в трактовке волос появляется декоративный акцент. Пылаев новаторским приемом взрывает традиционную в подобных случаях статику изображения в духе самого В.П. Морозова — смелого разрушителя сценических штампов, вдохновенного певца Коми края.

Тема творчества, предельной духовной самоотдачи нашла отражение не только в надгробиях. Проходя через все творчество Пылаева, эта тема сближает порой противоположные по жанру произведения станковой и монументальной скульптуры, интересно проявляясь, например, в такой

Из книги «Бытие» Ветхого Завета.

⁹ «Республика», 4 июля, 2000 г.

своеобразной области мемориального искусства, как памятная доска. В период 1971–2001 гг. Пылаев создает более тридцати памятных и мемориальных досок, установленных в городах Воркуте, Сыктывкаре, в селах Усть-Цильма, Новый Бор, Среднее Бугаево. Не все из них равноценны по художественному уровню, но такие работы как памятная доска коми певице В.В. Есевой, установленной на здании республиканской филармонии в 1998 году, совершенны по своему образному решению.

Пластика ее фигуры мягкая, певучая. Скульптор имел полное право назвать произведение «Коми Ань» — это одна из ее знаменитых песен. Типические черты преобладают в нем над индивидуальной характеристикой. Поиски типического, общего — в национальности, профессии, социальном положении — неизменное свойство портретов Пылаева, но обычно он подчиняет эти черты выражению личности. Образ певицы эпичен и полон задушевности. Как будто видится на этом лице блеск чуть подернутых влагой глаз, ощущается теплота, округлость щек, шелковистость волос, выбившихся их под национального головного убора. Художник говорит, что хотел передать в этом портрете воплощение красоты чудесной народной песни, коми мелодии, возникающей в чутком сердце.

Классическая драпировка открывшегося занавеса сцены, фигура певицы в национальном костюме с платком в руке еще опущена вниз, плавные складки пышных рукавов и юбки, украшенных национальным орнаментом, нитки крупных бус вокруг шеи, вторая рука в женственном, целомудренном движении, коснувшаяся груди. Кажется, она вот-вот протянется к слушателю, и этот символический жест связывает портрет с окружающим пространством и чисто физически, увеличивая ее весомость в нем, одновременно расширяет сферу распространения исходящих от фигуры певицы эмоциональных импульсов. В результате образ включается в более тесный контакт со зрителем, получающим возможность как бы присутствовать при таинстве творчества взыскательной и требовательной к себе народной певицы, напряженно вслушивающейся в мелодию родной коми песни. Лицо певицы вылеплено эпически обобщенно, что свидетельствует об основательности изучения скульптором самобытного, истинно народного характера. Портрет задуман в едином, цельном лирическом образном строе, что придает ему большое очарование.

Мемориальные жанры имеют целью увековечить в памяти потомков облик, деятельность, подвиг незаурядной человеческой личности. В то же время памятные доски, точно фиксирующие конкретное место, с которым связано имя человека или памятного события, и к тому же несущие определенную текстовую информацию, обладают и более действенным активным характером.

Это обстоятельство обыграно скульптором в мемориальных досках Героям Советского Союза: летчику-космонавту Ю.А. Гагарину (1988), В.И. Дончуку (1971, 1976, 1982), В.П. Кислякову (1985), С.М. Черепанову (1985), М.А. Бабикову (1995), И.С. Гаврилову (1995), А.И. Щипачкину (2000) — полному кавалеру ордена Славы; героям-афганцам: И.Н. Красоткину (1989), С.Н. Ногину (1989); П.Ф. Ерахову (1978) — комсомольскому вожаку г. Воркуты, А.М. Матвееву (1975) — старшему лейтенанту милиции г. Воркуты.

Работе по созданию мемориальных досок предшествовала чаще всего работа над портретами, где происходит обобщение, углубление психологического образного содержания, характерных для станкового и монументального искусства Пылаева 1980–1990-х годов.

Скульптором созданы портреты героев Великой Отечественной войны В.И. Дончука (1971, 1976, 1982), В.П. Кислякова (1984), С.М. Черепанова (1984), М.А. Бабикова (1985, 1995), И.С. Гаврилова (1995), А.И. Щипачкина (2000), Зои Космодемьянской (1987), в чьих характерах он видит наиболее концентрированное выражение своих представлений о человеке-патриоте.

Скульптор находит неповторимые находки трактовки в жанре героического портрета, показав, как красив наш воин-победитель, внешне сдержанный, но полный большого внутреннего накала, энергии и высокого достоинства.

Каждому из видов искусства изначально присуще желание выйти за границы, предначертанные собственной его природой. Слово стремится передать богатство его цветовых оттенков, палитра живописца — эмоциональную палитру, мелодия оркестра — поэзию романтической легенды. Так и искусство ваяния жаждет иногда выразить столь чуждый инертному камню или металлу мир музыки. В серии скульптур, посвященных музыке и музыкантам, во многих отношениях уникальной для современной пластики, Пылаев тонко и с большим тактом «играет» средствами выразительности своего искусства и нюансами самой темы, избегая при этом пустой многоречивости и ложной патетики. Он убедительно точен в воссоздании неповторимого образного мира своих героев как в крупнофигурных композициях, так и в малой скульптуре, вещах «камерного» звучания.

Произведения «Песня» (1969), «Чипсан» (1969), «Ноктюрн» (1980) полны национального своеобразия, ощущается всепоглощенность мелодией и, вместе с тем, исходящих во вне потоков музыкальных импульсов. Изображение современников, играющих на древних инструментах, так естественно и органично, как отголоски исконных культур, когда-то питавших древнюю землю Коми. Эти современные музыкально-пластические образы имеют под собой широкую почву для художественных аналогий, возрождаются на новой основе своеобразной перекличкой эпох, вечной и неразрывной связью времен.

В 2000 году, в период обострения прогрессирующего недуга — надвигающейся слепоты, недуга, столь же страшного для художника, как глухота для музыканта, Пылаев создает произведение «Лунная», о драме гениального Бетховена. Все сочинения Бетховена в той или иной степени связаны с обстоятельствами его жизни. Но не одно из них не носит столь автобиографического характера, как соната соч. 27 № 2 «Sonata quasi una fantasia», поразившая современников яркой экспрессией, бурным драматизмом, новизной и необычностью музыкального языка. Как люди, как произведения изобразительного искусства, музыкальные сочинения имеют свои биографии. Скромное фортепьянное сочинение, обязанное своим названием не автору, а его другу, поэту Людвигу Рельштабу, уже третье столетие пробуждает энергию и фантазию не только музыкантов — ее интерпретаторов, но и писателей, поэтов, художников. Завидная судьба!

«Лунная» отлита Пылаевым в сером бликующем металле. В процессе общения со скульптурным образом в этой магической тишине, окружающей произведение, начинает «звучать» каждая видимая подробность, и «смыслом полнится пустое» — оживает эмоционально нейтральное пространство. «Бессмертная возлюбленная», та, что предпочла гению посредственность, смотрит на зрителя-слушателя, что окрашивает образ теплым человеческим чувством, делает его досягаемым; и это впечатление усиливается сочетанием ажурной готической графики беседки, ее дугогато замкнутый абрис оттеняется и притягивается романтической пластикой фигуры. В беседке парка имени своих друзей летом 1801 г., когда страдания любви достигло такой силы, что лишь творчество могло разрядить невыносимое душевное напряжение — родилась Соната соч. 27 № 2. При жизни Бетховена её называли «Сонатой-беседкой».

Выглянувшая из-за тучи луна отразилась в озере и беседку, и прихотливую фигуру — такое сопоставление воспринимается как своего рода нижний «регистр» общей скульптурной темы и одновременно кажется, что скорбная мелодия дробиться, рассыпается и исчезает как блики на меланхолически-бесстрастной поверхности озера. «Лебединой песней любви» назвал её Ромен Роллан.

Вслушайтесь и вы услышите в ее первой части такую скорбь, какой раньше не слышали; во второй части — такую улыбку светлой печали, какую раньше не замечали; в финале — такое буй-

¹⁰ Пейтер Уолтер (1839– 1894) — британский историк искусства.

ное стремление вырваться из оков страдания, о котором сказать можно только словами самого Бетховена: «Я схвачу судьбу за плотку, совсем согнуть меня ей не удастся...».

Способность человека к преодолению горести, негибаемость воли — одна из центральных идей в творчестве Бетховена, находит совершенное воплощение в «Лунной сонате».

В «музыкальном» творчестве Пылаева особое место занимают портреты трех композиторов — Д.Д. Шостаковича и Н.А. Римского-Корсакова (1969) и В.А. Савина (1988).

Разумеется эти портреты не равноценны не только по степени удаче исполнения, но и по значительности исходного замысла. Но особый пылаевский подход к созданию портретных образов, о котором говорилось выше, ощутим почти везде.

Изображая конкретные лица, Пылаев создает не только портреты-биографии, но и портреты-темы, портреты-идеи. Вполне естественно и закономерно появление в его творчестве жанра портрета «по представлению». Между натурными и воображаемыми портретами безусловно существует внутреннее родство. В сущности, разница между ними лишь в том, что образную программу первых скульптор «находит» в живых современниках, а при создании вторых он движется от идеи к человеку, подыскивая в истории такие персонажи, изображение которых могло бы служить подходящим всеобъемлющим сюжетом для воплощения больших идей, обобщенных человеческих качеств. Да, Пылаева тревожат великие тени прошлого. Не для того, чтобы уточнять или варьировать их иконографию. Образы композиторов, обладающие широким полем воздействия, строятся на диалектике глубокой сосредоточенности и интенсивной творческой отдачи; именно произведениям такого типа свойственна обращенность в зрительское пространство.

Вот его Шостакович. Гипсовая плоть скульптуры гладка и обтекаемо лаконична, вся она — олицетворение аскетически мудрого растворения творца в космосе музыки. Портрет Римского-Корсакова эпичен. Он представлен уже на склоне лет. Лицо в глубоких прорезях морщин хранит следы раздумий. Введение обостренной психологической мотивировки, свойственной станковому портрету, существенно расширило идейное и эстетическое истолкование художественного образа патриарха русской музыки, великого создателя русской композиторской школы.

Столь крайне несхожие духовно-эмоциональные и пластические потенциалы этих двух произведений свидетельствуют о том, что Пылаев в избранной им нелегкой теме не боится трудностей, ибо следует своим путем. О своеобразии его художественного мышления говорят, например, подчеркнутая статика его скульптур, отказ от сугубо портретной, острой индивидуализации образа, или развернуто жанровой трактовки, и та атмосфера «переполненного молчания», которая царит в этих произведениях.

Работая над портретом Савина, Пылаев шел не столько от стремления передать какое-либо определенное психологическое состояние модели, сколько от представления о личности знаменитого композитора, писателя, создателя национального театра и его жизненного пути.

Савин в изображении Пылаева спокойно-задумчив. Слегка повернув крепкое, скуластое лицо, он смотрит на собеседника, впрочем, не пристально, а почти рассеянно, захваченный потоком собственных размышлений. Это привычно-напряженная работа человека, обладающего огромной силой интеллекта, составляет основное содержание образа.

Примечательно, что хотя портрет очень прост и сдержан, лишен внешней эффектности и обычной для Пылаева эмоциональной приподнятости, он оставляет поистине возвышенное впечатление. В скульптуре показана сильная, волевая личность, мыслитель, борец. Но тем ощутимее воспринимаешь ранящую горечь его размышлений, тяжкую думу о страшных, нескончаемых людских страданиях, которые он видит, понимает, знает по своему собственному жизненному опыту. Потрясающая в своем спокойствии трагическая безысходность! И ясно, что при всей конкретности портретного изображения это его трагическое содержание значительно шире узколичных особенностей жизни Савина. Яркая, высокая общественная значимость содержания этого образа: писатель — сын своего народа, учитель жизни, чутко слышавший голос времени и композитор, «аран-

жирующий» в своем творчестве воплощение лучших качеств современников — таков Савин — идеальный образ деятеля искусства наших дней. Он достойно венчает серию скульптур, посвященных теме исканий и свершений человеческого творчества.

«Талант – это способность делать то, чему нас никто не учил».
А. Конар.¹¹

Говоря о 1970–80-х годах, как о периоде окончательного формирования принципов художнического мировоззрения Пылаева, нельзя обойти сферу деятельности, с которой в 1956 году начался его путь в искусстве. Это театр. Художник глубоко театральный по своей творческой природе, Пылаев не мог не прийти в театр. Мы знаем немало примеров, когда живописец или график занимаются театрально-декорационной живописью. Среди скульпторов это явление чрезвычайно редкое, если не сказать уникальное. Им оформлено более 100 спектаклей: произведения драматические — трагедии и комедии, бытовые и исторические; музыкальные — оперы и оперетты, программы Ансамбля песни и танца, детские оперы и цирковые программы, массовые театрализованные действия — все привлекало его, все для него важно и полезно.

Творчество Пылаева — художника театра достойно отдельного исследования. Учителя оставили несомненный след в его творческом сознании, но свои эстетические воззрения художник вырабатывал в основном самостоятельно. В первый Львовский период творчества он с интересом и успешно обращается к советской пьесе: «Баня» В.Маяковского (1956), «Город на заре» А.Арбузова (1959, 1960), «Парень из нашего города» К.Симонова (1961), «Увидеть вовремя» Д.Зорина (1960), «Друзья и годы» Д.Зорина (1956).

«Друзья и годы» — вспоминает Пылаев, — дороги мне как первая работа в Государственном русском драматическом театре Советской Армии г.Львова, как спектакль, который окупил меня в существо театра, заставил понять, что проблема жанра — важная и необходимая проблема. А.А. Ротенштейн (главный режиссер театра, народный артист УССР, Лауреат государственной премии УССР) впервые позволил осознать что такое режиссер и художник. Слушать Анатолия Александровича, работать с ним было очень интересно».

Но решающее влияние на формирование Пылаева как театрального живописца оказал его приход в оперу. Работа в оперной студии Львовской государственной консерватории им. Н.Лысенко («Травиата» опера Дж.Верди (1956) и «Алеко» опера С.Рахманинова (1958), изменили его представление о характере и принципах оформления оперного спектакля, о взаимообусловленности изобразительного, режиссерского, музыкального начала. Живопись его стала шире, мощнее, темпераментнее. Именно здесь проявилось свободное понимание существа сценической живописи и редкое симфоническое единство декораций и костюмов. Обычно начинающий художник безоговорочно повинует постановщику. Пылаев оказался довольно строптивым. Он слишком непривычно и глубоко видел материал, слишком активно вторгался в ткань спектакля. Впрочем, искусству такие «слишком» всегда на пользу.

1960 году во Львове открылся молодежный театр-студия им. Ленинского комсомола. Сюда принесли самоотверженную юную любовь к театру три друга: В.Опанасенко, ставший художественным руководителем театра, Б.Яновский — композитор и И.Пылаев — художник. Этот «свой» театр, слив воедино интересы друзей, сыграл решающую роль в направлении развития художника. Здесь его сценические университеты, здесь основы изучения кухни театра, той черновой работы, вне которой не оживает зафиксированный в эскизах облик будущего спектакля.

Романтическая жажда нового, свойственная молодежи 60-х, оказалась не чуждой и Пылаеву. Посмотреть, что есть Крайний север, обернулась 30-ю годами напряженной творческой работы в г.

¹¹ Конар Альфред Александр — польский афорист.

Воркуте (1964–1994 гг.). Тридцать лет. Много это, или мало? Если считать, как в Заполярье — год за два, то и вся жизнь. Но сманила не столько экзотика, сколько новое большое дело под одной крышей — Заполярный театр драмы и вновь создаваемый Ансамбль песни и танца шахтеров и строителей. Ансамбль вырос из замечательного танцевального коллектива легендарного воркутинского балетмейстера М.Г. Вундер, недавно ушедшей из жизни. Одной из сильнейших сторон ее творчества была постановка танцев народов мира, которым рукоплескали в нашей стране и многих странах Европы.

В творчестве Пылаева в это время созревает новое понимание роли художника в хореографическом театре, где изобразительное начало первично. Даже музыка в большой мере должна раствориться в хореографии, стать «зримой». Направленность его творчества в этой сфере определил опыт мирискусников, чьи имена стоят рядом с именами реформаторов хореографии XX века. Сцена у него превращалась как бы в ожившую станковую картину, воздействующую на зрителей прежде всего теми же художественными средствами, что и всякое произведение живописи. Свет, фактуры, самая трехмерность сценического пространства — вот составные части его живописной палитры. Но он не стал лишь живописным комментатором музыкальных образов. Музыкальность художника оказалась гораздо глубиннее. Она исходит прежде всего от всеобъемлющего понимания существа театральной живописи, где изобразительные мотивы развиваются по законам, родственным музыкальной драматургии. Театральная природа дарования художника ярко проявилась и в работе над костюмами. В костюмных эскизах Пылаева всегда чувствуется восхищения художника пластической красотой фигуры балетного артиста. Эти костюмы не для драмы — слишком условны и эффектны. Главное — их живописно-пластическая выразительность раскрывается в танце, и только в танце.

При работе над программами Ансамбля он сознательно оставил и решал проблемы цветового соотношения костюма и декорации, соответствие его формы и фактуры исполняемому танцу и общему замыслу, становясь не просто художником, а соавтором балетмейстера.

Практика доказала широту профессиональных возможностей художника и в 1967 году Пылаев становится главным художником Заполярного театра драмы. Кто из театральных художников не мечтал найти свой театр? Театр, близкий ему по духу, воплощающий его философские и эстетические идеалы, театр, где актеры, режиссер, художник и зрители были бы единомышленниками в искусстве. Такие встречи происходят не часто. Пылаев нашел свой театр. Здесь его «соавторами» становятся А.Островский и А.Чехов, А.Горький и А.Толстой, А.Володин и Р.Разумовская, Л.Леонов и А.Лиханов, П.Ершов и М.Светлов...

В содружестве с режиссерами М.Горшуновым, А.Головиным, народным артистом РК Г.Щербаковым, Заслуженным деятелем искусств РСФСР П.Слюсаревым Пылаев оформил немало интересных и сложных в постановочном отношении спектаклей, в том числе «Нашествие» Л.Леонова, «Каждому свое» А.Алешина, «Возмездие» А.Лиханова, «Прощание в июне» Вампилова, «Странная миссис Сэвидж» Д.Патрика, «Затейник» В.Розова, «Судебная хроника» Я.Волчек.

Очень широка география спектаклей Пылаева. Его Франция, Италия, Испания, Куба, Азербайджан, Украина, Бразилия чужды мишурной экзотики, столь частой на театре. Сквозь текст пьесы он всегда видит и открывает свои миры, соединив подвижную фантазию и разительную достоверность. Правда декораций Пылаева не чуждается подлинности, но правде этой чужд и враждебен бытовизм, документальная описательность. Мотив архитектуры, облик интерьера, кажущая второстепенной деталь убранства — все становится нерасторжимыми составными единого целого — атмосферы создаваемой на сцене. То, что досталось ценой длительных поисков, выглядело найденным мгновенно и счастливо. То, что появилось в результате точного профессионального расчета, освоения специфики жанра, казалось следствием стихийной одаренности. И впредь в творчестве Пылаева будут странно сочетаться видимое отсутствие усилий и глубокая обдуманность, очевидная непосредственность и строгая логика замысла. Но, не полагаясь на стихийное

проявление своего дарования, он не увлекается экспромтами и импровизацией. Пылаев — человек исключительного трудолюбия и трудоспособности. Интереснейший момент его творчества — монтажные и общие сценические репетиции, где происходит уточнение деталей для придания спектаклю последнего блеска. Живописно-декоративный замысел, заключенный в эскизе, создается театральными средствами, которыми художник владеет безупречно. Одно из этих средств — театральная живопись, который становится у Пылаева средством театральной живописи.

На сцене ГРДТ Советской Армии г. Львова, где в 1956 году была его первая премьера «Друзья и годы» Д. Зорина, в 1968 году Пылаев предстает уже зрелым художником в пьесе «Западная Э. Володарского».

В этом спектакле, как отмечали рецензенты, сформировались лучшие достижения Пылаева — художника сцены: «единый стиль всех частей оформления, чисто режиссерское понимание взаимосвязи его с развитием действия, блестящая техническая организация перемен, световых эффектов, очень точно разработанная цвето-световая палитра».¹²

Спектакль завершал период многолетних поисков той меры подлинной театральной условности, которая сочетала бы в себе конструктивную четкость постановочного приема и эмоциональную выразительность живописного решения.

От спектаклей 1960–70-х годов сохранились единичные костюмные листы, отдельные фотографии. Но даже по этим немногим «осколкам» можно судить, как крепко его мастерство.

Даже в небольшой части вступительной статьи, не претендующей на рассказ о творчестве нельзя не сказать о нем, как о мастере театрального плаката — этой визитной карточки, «изобразительной рецензии спектакля». Основные качества театральных плакатов Пылаева — эмоциональность, лаконизм, лапидарность, точность выразительных приемов, определяющих тональность спектакля — не только изобразительную, но и режиссерскую и актерскую.

Пылаев и музыкальный театр кажутся созданными друг для друга. Здесь и беззлобная ирония, лукавая насмешливость и особенный почерк импровизатора — участника праздничного юмористического зрелища. Где, как не здесь — среди бурных страстей, волно изъясляемых эмоций, возвышенных мыслей, воплощенных в Музыке — жить, торжествовать, утверждаться его мощной, страстной, исполненной воображения и чувства Живописи? «Музыкальное творчество» Пылаева продолжается в опере «Запорожец за Дунаем» С. Гулака-Артемовского (1965), в опереттах «Аршин мал Алан» Уз. Гаджибекова (1964), «Цирк зажигает огни» Ю. Милютина (1966), «К звездам» Я. Перепелицы (1967).

А постановка детских опер в условиях детских музыкальных школ (само по себе явление из области фантастики), стало возможным только благодаря обаятельным чертам таланта художника — заразительный юмор, фантазия, чувство ритма, чуда, превращения, эффекты.

Пылаев работал над детскими операми «Маша и медведь» и «Топтыгин и лиса» М. Красева (1967, 1975), «Лесные чудеса» В. Герчик (1976), «Волк и семеро козлят» М. Ковалева (1977). Впрочем, как и над сказками в ЗТД, с точным ощущением детского театрального восприятия, «потолка» детского ассоциативного мышления в каждой возрастной группе.

Здесь зло выступает не в страшном, а в смешном обличье, и расправляются с ним тоже весело, играючи, с шуткой-прибауткой. Декорации и костюмы, сказочно преображаясь в лучах цветных прожекторов, оставляли впечатление чудесного калейдоскопа, неожиданного и красивого при каждом повороте. Выбегала, приплясывая, Избушка на курьих ножках, то тут, то там, словно из-под земли выскакивала Баба-Яга со своим радикулитом, лесные звери, козлята, лесовики, поганки, чего там только не было. Незабываемые сказки.

Часто в работе над детскими операми невозможно было вспомнить, какое решение принадлежит Игорю Валентиновичу, а какое в одном лице режиссеру, дирижеру, хормейстеру, бутафору,

¹² «Молодь України», 20 червня 1968 р.

костюмеру, гримеру — А.П. Пылаевой. Обилие остроумных трюков и эффектных превращений, очаровательное звучание прелестных детских голосов, — и знакомые сказки представляли театрально преображенными, увлекательно новыми, доставляя огромное удовольствие и детям, и взрослым.

Начало 90-х годов в Заполярном театре драмы знаменовалось приходом нового главного режиссера Е.К. Степанцева, Заслуженного деятеля искусств России, Лауреата Государственной премии России, который сформулировал очень четко свои задачи в театре — столь высокоталантливой труппе — столь же высокий репертуар. Это пожалуй самый продуктивный театральный период — в год выпускалось 6-7 спектаклей. И каких!

Еще многое можно было бы рассказать об этом замечательном художнике, о его работах последних лет таких, как «Иванов» А. Чехова, «Любовь — книга золотая» А. Толстого, «Гроза» А. Островского, «Ваша сестра и пленница Мария Стюарт» Л. Разумовской, «Мать Иисуса» А. Володина, о его интереснейших экспериментах в сценической технике.

Но рассказать сразу обо всем значит не рассказать ни о чем. Право, когда смотришь такие спектакли, абсолютно не задумываешься над тем, как, какими технологическими средствами достигнут данный образный результат. Обычная для Пылаева эмоциональность обрела здесь новые качества: изобразительные образы спектаклей воспринимаются как нечто одушевленное, так сложны и неисчислимы нюансы настроений «материальной среды», так чутко и незамедлительно реагирует она на события духовной жизни героев, так решительно изъят отсюда привкус «сценической кухни».

Путем синтеза различных видов пространственных искусств он, заново, творил особый мир, мыслимый только на подмостках сцены.

Не думаешь о высочайшем уровне композиционного мастерства, о сложнейшем ансамбле, образованном костюмами — их цветом, контуром, пластикой — с окружением. Не думаешь потому, что существуешь в стихии пьесы — её правды, её печали, её поэтики. Новый период творчества художника? Да. Последний. Высокая, истинно театральная образность, та, что дается многолетним жизненным опытом, профессиональной умудренностью. И в каждом спектакле — размышления и наблюдения многих лет, которые готовили его к встрече со своей музыкой, своей пьесой, своим режиссером. И в каждом обязательно слышен голос художника, его живая человеческая интонация, придающая спектаклям «то чувство меры», которое одинаково диктует в тексте день вчерашний, а в подтексте день сегодняшний¹³. Это радостное сознание своей власти над сценой, своего призвания, своего высокого творческого долга.

«Творчеству полезны тупики;
Боли и бессилия ожог
Разуму и страху вопреки
Душу вынуждает на прыжок».
И.Губерман.¹⁴

Великий Коненков сказал на I Всероссийском съезде художников: «И в наши дни мы бываем свидетелями печальной картины, когда люди, чуть вознесенные искусством, совершают предательство по отношению к искусству, превращаются в «чиновников особых поручений» при искусстве».¹⁵

¹³ В.Кушманов «...не хотели, а он воскрес». Красное знамя, 17 мая, 1991 г.

¹⁴ И.Губерман — русский поэт (род. 1936 г.).

¹⁵ С.Коненков «Речь на I Всесоюзном съезде художников. «Советская культура», 5 марта, 1957 г.

Сказано 50 лет тому назад, но кажется, что вчера и о нас. Эти «особые чиновники» совершили предательство не только по отношению к слепому скульптору, допустив в начале третьего тысячелетия — в 2002 году разграбление его мастерской, но и к искусству — столичный «Дом художника» превращен в «Дом сапожника».

Между русскими художниками, не знавшими зависти друг к другу, было развито чувство локтя, взаимного уважения, ответственности за состояние родного искусства. Сейчас вместо ответственности — поощрение жажды наживы, потребительства, прикрытое фиговым листком. Автору этой статьи пришлось освоить новую профессию — реставратора: десятки произведений скульптора, прошедшие множество выставок, изломаны, измараны, многие не подлежат восстановлению или были просто украдены самым примитивным образом.

Самую трудную часть реставрационных работ взяли на себя преподаватели и студенты художественно-графического отделения Педагогического колледжа № 1 им. И.А. Куратова. Они написали новую главу биографии станковых произведений скульптора Пылаева, которые теперь экспонируются в музеях и галереях столицы Коми: Литературно-театральном музее им. Н.М. Дьяконова, музее ЗАО «Миреко», музее Министерства внутренних дел, Галерее Сыктывкарского лесного института, литературно-мемориальном музее И.А. Куратова, Национальной галерее РК, в выставочном зале ПК № 1, где проходят занятия по скульптуре и академическому рисунку. Возможность каждодневного общения с произведениями, где высокий художественный уровень соединен с конструктивным и анатомическим началом, по утверждению преподавателей педколледжа, стимулирует живой интерес студенчества и все возрастающий уровень студенческих работ.

Значит, факел искусства пластики не затухает — он передается одним поколением другому.

Пылаев работал в ритме вдохновенного творчества, жизнеутверждения, вечного и непрестанного движения вперед. Острое чувство современности — суть его призвания. Он из тех художников, глядя на произведения которых, воочию представляешь себе великие масштабы нашего времени: галерея героев войны и военных действий (портреты, мемориальные доски, 27 ед.); галерея героев труда (портреты, мемориальные доски, 28 ед.); галерея работников искусства и культуры (портреты, мемориальные доски, 20 ед.); мемориальная скульптура (20 ед.); станковая жанровая скульптура (более 100 ед.); монументальная и декоративно-монументальная скульптура (более 40 ед.); театральные постановки, эстрадные программы, массовые зрелища (более 100 ед.).

«Воздвигать памятники полезно для народа и справедливо по отношению к нации»¹⁶.

Культурными и духовными центрами стали произведения монументальной скульптуры, созданные Пылаевым в Республике Коми — городах Воркуте, Сыктывкаре, Микуни; селах Турья, Сергеево-Щелья, Куратово, Вогваздино, Усть-Цильма, Замежное, Среднее Бугаево; станции Ошвор и Елецкая; деревнях Скитская, Новый Бор и Синегорье.

Оставаясь неизменно человеком, чуждым самодовольства, обуреваемый идеями, замыслами, Пылаев не устает познавать жизнь. Близость к ней уберегла его от многих ошибок, помогла избавиться от тех, которые его коснулись. В ней — основа его творчества — многогранного, сильного, всегда нужного и полезного.

¹⁶ В.Гюго — французский писатель.

Маргарита ПРИЛУЦКАЯ
(лито «У камелька»)

* * *

Над туманными низинами —
Лишь берёз низины сизые.
Будто хрупкие кораблики
Вмёрзли в белоснежный лёд.
Под седым рассветом Севера
Стынут выси бело-синие.
Воздух заполошно криками
Рвёт осипший теплоход.

Осень. Огненная, вольная!
В свет, в простор рванулись голуби.
И растаяли туманные
Невесомые мосты.
И открылось, и увиделось:
В бирюзовой вспышке полудня
Оторочен неба колокол
По подолу — золотым.

Это золото сусальное —
Песня яркая прощальная —
Безоглядной страстью осени
Кажется мне всякий раз.
И плывут в зените лебеди,
И чаруют рощи дальние.
Я стою — заморожённая,
Отвести не в силах глаз.

Валентина ЦОЙ-ХА-РИ
(лито «Алый парус»)

* * *

Осыпался пепел осенних костров,
И день серый встретил дыханье ветров.
А зимняя свежесть уже нас бодрит,
И снежность, как нежность, обиды простит.
Полна ожиданья, на встречу спешу.
Костёр узнаванья опять ворошу.
Но тусклые искры ютятся в костре.
Огонь вспыхнет быстро в моём ноябре.

* * *

Быстро зима настала.
Вот уже снег на улицах,
Только вчера летели
Брызги из-под колёс.
Ветви, пригнув, устало,
Спят деревья, ссутулившись,
Воют вдали метели,
Скоро ударит мороз.

На ветке дрожит пугливо
Съёжившийся от холода,
Забытый, последний листик
Осеннего календаря.
Снова уходит в безвременье
Щедрость осеннего золота.
А в жизни – без изменений,
Значит, год прожит зря.

Анатолий ПОПОВ

ВОРКУТА - ЭТО СВЯТОЕ... (очерк)

В 2006 году получил государственную награду Н.П.Юшкин - орден "За заслуги перед Отечеством".

Вряд ли кто-нибудь, получая орден или медаль за заслуги перед Государством, задумывался о том, как и у любого произведения искусства, у ордена или медали есть свой автор - художник, который разработал проект награды, и этот проект воплощён в государственную награду Указом Президента страны.

У ордена "За заслуги перед Отечеством" тоже есть свой автор - это Евгений Ильич Ухналёв, который 4 сентября 2011 года отметит своё восьмидесятипятилетие.

Евгений Ильич является также автором многих других государственных наградных знаков. Он является автором осуществленного проекта Государственного Герба Российской Федерации, Знака Президентской Власти, ордена Андрея Первозванного... Можно ещё долго перечислять ордена и медали, памятные знаки, которые созданы по проектам Народного художника РФ, члена Геральдического Совета при Президенте России Е.И. Ухналёва, но в его творчестве есть совсем, на первый взгляд, простые наброски карандашом или тушью, которые ему дороги уже тем, что в них его молодость. Это цикл рисунков, на которых изображена лагерная Воркута.

Пожалуй, пора уже по порядку.

Евгений Ильич Ухналёв родился в Ленинграде в 1931 году. Война вошла в его жизнь блокадной зимой 1941 года, затем были голодные годы в эвакуации. С раннего возраста в нём обнаружилось призвание к рисованию. Эти способности развивала учёба в Средней художественной школе при Академии Художеств. Какие перспективы открывала перед молодым дарованием эта учёба!

Но всё было прервано арестом...

Летом 2006 года я находился несколько дней в Санкт-Петербурге. Одним из желаний было встретиться с Е.И. Ухналёвым, который провёл на Воркуте несколько лагерных лет... Но как это осуществить?

Обращаюсь в Эрмитаж, где долгое время работал главным архитектором Евгений Ильич ("Меня сделал Эрмитаж"- и до сего времени говорит художник). Там дают мне номер телефона Геральдического Совета при Президенте РФ: мол, позвоните... Позвонил, оставил им свой номер телефона, мол, художник сам примет решение. Почти сразу был звонок. Я представился: ... Воркута, история Воркуты... Евгений Ильич спросил, как долго я пробуду в Питере, и тяжело вздохнул:

- Я так в эти дни занят, что совершенно нет времени ни на что другое, кроме работы, но Воркута - это святое... Давайте хоть по часику в день встречаться: Воркута, всё-таки...

Эти его слова не требуют комментирования, ибо они от души.

На другой день я у него в гостях. Коль "Воркута - это святое", то и разговор пошёл вокруг этого города. Сначала Евгений Ильич сомневался, что вспомнятся какие-то имена, подробности, но эти сомнения он сам же и развеял.

Его арестовали в 1948 году. Ему 17 лет, но он обвинён в рытье подкопа из Ленинграда в сторону Москвы, под Мавзолеем (этакое подозревающее впечатление у следователя от прочтения "Путешествия из Петербурга в Москву" А.Н.Радищева). Следствие попыталось, в какой из праздников он намеревался осуществить теракт: 1 мая или 7 ноября?

Из архивной справки: Ухналёв Евгений Ильич, 1931, русский, уроженец г. Ленинграда, осуждён Военным Трибуналом войск МВД Ленинградской области 26 января 1949 года по ст. 58-8,9,10 ч. 1 и 2 УК РСФСР на 25 лет лишения свободы. Начало срока с 5 ноября 1948 года...

9 августа 1949 года Ухналёв был доставлен на Воркуту. Как особо опасный государственный преступник, он должен был использоваться только на тяжелых работах в шахте, но лесогоном в шахте №1 "Капитальная" он проработал всего 4 дня.

- Меня в зоне встретил зека Иван Петрович Шпак, лет 35-40. Он был уважаем начальством. Он и вытащил меня из шахты, узнав, что я умею рисовать. Уговорил начальство, чтобы взяла пацанёнка в проектную контору - так я стал сначала копировщиком, затем техником-архитектором...

И далее пошли имена. Лунёв, Райкин, Гоша Данцкевич - этот вольнонаёмный, Мирка Уборевич (воспроизвожу, как произнесено: Владимира Иеронимовна Уборевич живёт ныне в Москве), Галка Рубина...

Михаил Иванович Сироткин, бывший глава советской разведки в Японии, был непосредственным начальником Ухналёва в проектной конторе.

С вольными отношения были хорошие - через них шла переписка, с их помощью выносились из зоны рисунки молодого художника.

Благодаря невнимательности охранников молодой художник узнал, что в "Воркутлаге", но на шахте 40, срок отбывает его отец, Илья Акимович, изобретатель, металлвед, получивший тоже 25 лет лагерей: вызвали сына и дали расписаться в том, что ему выдано авторское свидетельство на изобретение (на руки автору-зеку этот документ мог быть выдан только после освобождения).

Освободился Евгений Ильич в июне 1954 года. Но этому предшествовали хлопоты матери. Сначала срок был снижен до 15 лет, из которых 6 лет были уже позади. Я не задавал вопроса о том, куда писала его мать, добиваясь пересмотра приговора. Дело в том, что ещё с дореволюцион-

ных лет семья Ухналёвых была достаточно хорошо знакома тоже всеильному В.М. Молотову который, будучи тогда Скрябиным, снимал комнату в квартире Ухналёвых...

Итак, в июне 1954 года Евгений Ильич возвращается в Ленинград. Реабилитация придёт в 1959 году...

Работает в проектных институтах чертёжником, архитектором. С 1967 по 1975 - главный архитектор Эрмитажа: руководит реставрацией фасадов и интерьеров музея, дизайном временных и постоянных выставок, разрабатывает музейное оборудование.

С 1975 года сотрудничает в книжных издательствах. Участник более 40 выставок в России и за рубежом. Его работы находятся в музеях, в частных собраниях и в России, и в Америке, и в Европе.

Евгений Ильич дарит мне несколько лагерных рисунков, надписывает их. И я сопоставляю, определяю талант этого человека, которому удалось передать жизнь и в рисунке каторжанина, и в таких работах члена Геральдического Совета, как Государственный Герб РФ, как Знак Президентской Власти.

- Я предложил, - говорит Евгений Иванович, - 11 вариантов этих двуглавых птиц. И утверждённый Советом орёл красуется на кресте президентской цепи, как бы на кулоне. Победоносный, гордый, суровый такой! А неутвержденных орлов я всё-таки тоже посадил на цепь - они мягче и "художественнее"- интереснее. Центральный орёл должен отличаться от остальных не только размерами, но и видом. Он - доминанта.

Знак Президентской Власти - это золотой крест, покрытый рубиновой эмалью с наложенным на него золотым гербом РФ, а также цепи из чередующихся двуглавых орлов и розеток, соединенных между собой специальными звеньями.

Контраст между лагерным рисунком и проектами государственных символов, разумеется, разительный и в цвете, и во времени. Но мне ближе строгие, бесхитростные очертания занесённого снегом барака, порывы метели, зловещее безмолвие лагерной вышки, здание погрузки шахты №1 "Капитальная"... Почему? Ощущение, что символы Власти - это государственные игры, а рисунки - это человеческая жизнь. А последнее, мне, как воркутянину и ближе, и дороже, и понятнее. Вот такой патриотизм.

По жизни Евгений Ильич увлечённый человек. Его любимые режиссёры Феллини и Тарковский. Эта любовь объединила прошлое с настоящим и будущим, что видится мне в триптихе "Вагон". Это я так кратко назвал растерзанность вагона на три части - у художника в заглавии звучат строки А.Галича: "А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам колёса, колёса, колёса..." (2001г).

А воркутянин, остановившийся возле картины "Зона" (по Тарковскому, 1990), сразу заявит, что с картины на него "смотрят" остатки паровоза с "Мёртвой дороги" - сталинской стройки 501 Салехард-Игарка.

...Прощались мы неохотно... За исчезновением времени, отпущенного на нашу встречу, наблюдала супруга художника, Наталья Александровна, напоминая которой Евгений Ильич останавливал одной и той же фразой: "Ничего, успею".

Обнялись... Конечно, будем видеться, ибо есть все координаты дома, в котором живёт в Санкт-Петербурге замечательный воркутянин, Народный художник Российской Федерации Евгений Ильич Ухналёв.

Летом 2010 года состоялась наша вторая встреча. Евгений Ильич бодр, полон планов. В 2008 году петербургское телевидение (режиссёр А. Гутман) снимало в Воркуте документальный фильм об Ухналёве, что позволило художнику вновь побывать в городе его «принудительной» юности. Фильм называется «Последний романтик».

По возвращении из Воркуты Евгений Ильич перенёс свои впечатления на холст: воркутинский пейзаж, где находилась лагерная пересылка, являл собой мрачное зрелище и не мог быть другим. Ибо в светлых тонах лагерное прошлое писать, наверное, невозможно.

В начале 2011 года в Санкт-Петербурге готовится огромная выставка, посвящённая творчеству Народного художника России Евгения Ильича Ухналёва. В память о наших встречах у меня хранятся два прекрасных альбома работ этого замечательного художника.

Вот уж действительно, Воркута - это святое...

**Аркадий КАЛИМОВ,
Заслуженный работник РК**

* * *

Золотом падают под ноги листья,
Мне бы в шуршании их раствориться...
Время летит, будто синяя птица,
Осень наступила, а лето мне снится.
Годы: и счастье, и груз прожитого.
Время уже подводить мне итоги
Хочется в детство своё окунуться,
Но никогда мне в него не вернуться...
Грустная песня – ушедшие годы.
Годы бегут, будто вешние воды.
Всё прожитое на сердце ложится
И снова не спится, и осень мне снится,
Что нудным дождём за окном прослезится...

**Лия КАНЕВА
(лито «ЛИСТ»)**

* * *

Ветерок подгоняет мой парусник.
Я плыву вопреки волнам.
Я не ангел, не дьявол, не праведник,
Я лишь раб своим верным мечтам.
Сколько раз меня волны бросали,
Сколько раз я садилась на мель,
Паруса ветра разрывали,
Шла в шторма десятки недель.
Как же жизнь меня поколечила,
Но мечту свою не предаю.
Я мечтаю, чтоб жизнь мне ответила:
Для чего я плыву по волнам?

Екатерина ФИЛИПЧЕНКО
(лито «У камелька», «Алый парус»)

ЛУЧ СОЛНЦА

Усыпанный цветами луг ласкает,
И гладит побуревшее болото,
По девственному ландышу стекает
И в застоявшейся канаве пьёт охотно.
Но остаётся чистым и нетленным
И свет несёт, ничуть не оскверняясь.
Собой облагораживая время.
Луч солнца бескорыстно всем сияет.

Анастасия МАЛДРИК
(лито СГУ)

* * *

Автобус подъехал. Пора. Прощай...
Меня больше здесь не ждут...
Оставлю тебе недопитый чай
И пять непростых минут.

В окно не посмотришь: опять дела.
Часов не услышишь бой...
Ты даже не понял, что я могла
Остаться сейчас с тобой.

Андрей ВИНОГРАДОВ

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ (очерк)

*"...Инженеры zelo потребны суть при атаке или обороне, какова места и надлежит та-
ких иметь, которы не токмо фортификацию основательно разумели и в том уже служили, но и
чтоб мужественны были, понеже сей чин паче иных опасности подвержен есть".*

Этот Указ Петра I 310 лет назад определил дату создания Инженерных войск.

- Нэ прайдом! – вытацив увязший багор, рядовой Датхужев обернулся к ротному.
- Пройдем! – уверенно ответил старлей, а мозг напирал на волю: «Жить надоело? Авантю-
рист!»

Свинцовая мгла издевательски давила на плечи, на стремительный поток Терека, на сцеп-
ленные понтоны, прижатые к левому берегу, на обгоревший, увязший в иллистом дне ПТС...

- Мы пройдем, солдат!

...Утром 5 октября рота вышла к берегу Терека от станции Червлённая, имея задачу оборудовать наплавной мост для выдвигения на Грозный тяжелой техники 20 мотострелковой дивизии. За рекой на захваченном плацдарме закрепились передовой отряд дивизии и рота 50-й бригады внутренних войск, обеспечивавшие прикрытие. Понтонов рота, доукомплектованная в ходе марша от Моздока в Чечню, имела в избытке – два батальонных комплекта: ведь ширина Терека в этом месте – до 400 метров.

Эх, если бы ширина была единственной сложностью!... Любой курсант инженерного училища без запинки доложит: «Мостовая переправа оборудуется через водную преграду глубиной не менее 0,4 м и скоростью течения до 3 м/с». Но в этой горной реке вода разгоняется до 12 метров в секунду, а дно где торчит островками, где его двухметровым багром не шагушаешь. Катеру не пройти, значит – сцеплять придется вручную... Тому, что предстояло сделать, ни в училищах, ни в академиях не обучают: нет таких нормативов. Но есть приказ, который командир роты Воронов обязан выполнить за 24 часа!

Раз такого никто никогда не делал, значит – кто-то обязан стать первым.

Сапёры, прикрытые с берегов и с того, что осталось от подорванного боевиками моста, перетасив через реку ПТСами, плавающими транспортерами, часть понтонов, начали сцепку. Костюм понтонера не защитит от ледяной воды, и ротный решил сократить время работы в реке, отправляя промерзших бойцов на отдых. Звенья понтонов набирали требуемую длину – по 227 метров с каждого берега. С правого («нашего») сцепка тянулась к левому, встречную же предстояло оттащить от берега, но ПТСы с задачей не справились, не выдержав нагрузки, увязнув, встали, один загорелся... Требовался тягач, который можно было добыть лишь на «нашем» берегу. Убедив себя в том, что пересечь Терек можно, напарником старший лейтенант Воронов выбрал надежного, знающего нрав горных рек аварца Датхужева.

Они пробирались след в след, отыскивая отмели, страхуясь баграми, периодически вытягивая друг друга из вязкого ила, из глубоких промоин, из... «Всё, утонул Воронов!» - мрачно буркнул кто-то из офицеров, опуская бинокль. «Воронов? Вылезет!» - прозвучало в ответ.

На «нашем» берегу облепленную вязкой грязью пару встречал генерал:

- Ваше решение?!

- Нужны два тягача!

- Не вопрос! Берите танковые.

Вес танкового троса лодка едва выдержала, ледяная вода была в сантиметре от борта, и начальник штаба подполковник Черных решил лично протолкать ее к понтонной сцепке и обеспечить крепление. И вот трос закреплен на крюке первого из 17 понтонов. Как бисер на нитку, подгоняемые течением понтоны гулко «чмокали» друг друга, превращаясь в мост.

...«Командирские» показывали ровно 5.00, но тем 5 часам, на которые сапёры Воронова укоротили определенным приказом срок, не суждено было стать личным временем: в 7 утра по мосту пошли танки, за ними САУ «Мста», вес которых серьезно превышал возможности понтонов; реакционная волна подмывала береговой подъезд, и сапёрам было чем заняться...

Так в октябре 99-го для командира взвода 173 понтонно-мостовой бригады началась вторая Чеченская кампания. Потом было наведение переправы у станции Гребенская, где понтоны приходилось сбрасывать с семиметрового крутого берега, строительство на отбитом у боевиков Терском хребте передового командного пункта командующего генерала Казанцева, разминирование, уничтожение отечественных и иностранных взрывных устройств (в личном деле зафиксировано 375 таких «хлопушек», но, сколько их было на самом деле? По каждой mine рапорт писать?). Был и случай, помогший проникнуться смыслом фразы «семь потов».

Случилось это под Ростовом, после первой чеченской командировки. Саперов вызвали в военкомат: милиционеры доставили гранату Ф-1. Войдя в кабинет, капитан Воронов замер: перед бледным, покрытым испариной военкомом из ящика с песком торчала «эфка». Обычная граната.

Только без чеки... «За-би-рай...» - прошептал военком. «Рванет? Не рванет?» - думал Воронов, приказывая всем срочно покинуть здание. Когда нес перед собой ящик с непредсказуемой находкой, объяснял себе: не рванула у милиционеров, помалкивала у военкома, не оживет и у него; но те два десятка метров до машины – они были едва ли не самыми напряженными в жизни.

...Командировки в Чечню, участие в миротворческой миссии в Абхазии, боевые награды, служебный рост, и вдруг – вдруг молодой, перспективный заместитель командира бригады в результате организационно-штатных мероприятий оказался... «на гражданке».

Он, профессиональный военный, не мог принять другого решения: приобретенный в Чечне опыт подсказывал, что специалисты инженерного дела нужны внутренним войскам, выполняющим на Северном Кавказе самые ответственные задачи. По этому пути пошли многие его товарищи по училищу, по службе в армии; так, бывший начштаба Черных сейчас возглавляет инженерную службу Северо-Кавказского регионального командования Внутренних войск. А подполковник Воронов с прошлой весны служит начальником штаба в Сыктывкарском учебном инженерно-саперном полку, единственной учебке, готовящей саперные кадры для всех Внутренних войск России: за 11 с небольшим лет более 17 тысяч специалистов, в том числе самых востребованных в войсках командиров саперных отделений. Большинство офицеров полка имеют боевой опыт, выполняли задачи в Чечне и в самом начале войны, как командир полковник Сергей Браулов, и после завершения контртеррористической операции, как замкомбата майор Вадим Севастьянов. Подполковник Воронов, сапер во втором поколении (его Alma mater, - Тюменское инженерное училище, когда-то окончили отец и дядя, в отставку оба ушли подполковниками), тоже знает, чему и как обучать курсантов, но продолжает учиться и сам.

Молча завидуя офицерам и прапорщикам, уезжающим в кавказские командировки, вслух он говорит иное: «Когда в году 333 дня командировок – это перебор: на отпуск дней не оставалось». Подполковник Александр Александрович Воронов награжден орденом Мужества, медалью «За воинскую доблесть» II степени.

Александр ПОТАШЕВ

БЕРЕГ

Ещё в небесной гавани Печоры
В вечернем ветре плещется заря,
И парусами сонно никнут шторы
У тихого причала ноября.

Сойду со сходней ночи в гулком поле
И припаду к щемящей тишине,
Где от костра необратимой боли
Ты пламя рук протягивала мне...

Уже зима в забывчивости слеpla.
Так почему ж, ослепшему вчера,
Мне даже снегопад казался пеплом,
Хрустальным пеплом твоего костра?

Где без конца – единое начало –

Цепная ночь не сходит со двора.
Я оторвусь со своего причала
За звёздным дымом твоего костра.

И отойдёт с печальным опозданием
От горизонта дымка птичьих стай...
Я вновь шепчу кому-то: «До свиданья!»,
Когда так надо прокричать: «Прощай!».

Людмила ЧЕБЫКИНА
(лиро «У камелька»)

МАМЕ

Тёплое солнце жилья –
Мамины руки и смех.
Братик, сестричка и я –
Ласки хватало на всех.

Скрипнет негромко кровать:
- Мама, со мной посиди!
- Мама, головку погладь!
- Мамочка, не уходи...

Долго теперь не усну –
Нежностью мучает память.
Сердцу тепло моему,
Сладко – о детстве, о маме...

Сын улыбнётся во сне –
Солнечный лучик в дому.
Всё, что подарено мне,
Я возвращаю ему.

Тихого счастья исток –
Дальнего детства края...
Этот поддержит поток
Дочка – невестка моя.

Будем внучат баловать
(их времена впереди)
- Мама, головку погладь!
- Бабушка, не уходи...

Нежная радость звенит
В голосе мамы любой.
Этой любовью храним,
Шарик летит голубой.

Олег РОЧЕВ
(лило «У камелька»)

* * *

*Родителям моим
в день золотой свадьбы...*

Разливистой весной, когда и счёта нет
Стремительным денькам, да и тепла избыток,
Когда влюблён в тебя, казалось бы, весь свет,
И сам исполнен радости и прыти
Не думается много наперёд –
Само собою, хочешь, иль не хочешь,
По речке жизни время нас несёт,
А ты своё хлопочешь.

Но вот и поворот, а дальше – долгий плёс,
И надобно грести, серьёзный сделав выбор –
Бороться ль за себя среди ветров и гроз,
Или в курью свернуть, в покой и к мелкой рыбе,
И не смотреть на стаи облаков,
И ноги в ил, но сетка наготове,
Вдали от взлётов, круч и дураков,
Возможной славы и возможной боли.

Но сколько ни тяни, уходит летний шум,
Всё чаще зябнут ноги, копится усталость,
Стремленье вечно жить уж не идёт ум,
И каждый день довольствуешься малым.
Но если ты при том достойно прожил век
Ценить умеешь радости простые,
То не беда, что выпал белый снег,
Зато в награду свадьбы золотые.

* * *

Душа моя стремится к свету,
и на столе горит свеча.
И вдохновение поэта,
что мотылёк в её лучах!

Анатолий ПЛЯКИН
(лито «Геолог»)

ЭПИЗОДЫ (рассказ)

Геологи обычно работают в малодоступных, удалённых от цивилизации местах. А потому необычные случаи в их жизни случаются довольно часто.

На этот раз задание было рассчитано всего на четыре-пять дней. Отряду предстояло выполнить три маршрута через Вымскую гряду, отобрать коллекцию образцов и проб и вернуться к выполнению основной задачи – поискам бокситов. В составе отряда было три человека: начальник отряда Алексей Матвеевич, геолог Ирина и студент-практикант Петя.

Погода стояла солнечная с редкими облачками и лёгким ветерком.

Вылет, как и планировался, состоялся вовремя на вертолёте МИ-1. Ввиду кратковременности предстоящей работы запаслись минимальным набором продуктов и самыми необходимыми инструментами: компасами, геологическими молотками и радиометром. Для возможных расчисток прихватили штыковую лопату и лёгкую кирку.

Две двухместные палатки установили на крутом правом берегу реки Похью. Для удобства в спуске к реке сделали ступеньки.

В первый маршрут отправились ранним солнечным утром и успели в первый же день пересечь всю восточную часть Вымской гряды по реке Димътемьёл. Когда завершали изучение геологического разреза, обнаружили на берегу погибшего лося. Передними ногами он лежал в воде, одной задней ноги не было, она была оторвана. Следов разложения не заметили. Судя по всему, лось буквально совсем недавно стал добычей медведя, который отгрыз и утащил одну ногу, оставив тело зверя до следующего «рейса». Волки наверняка разорвали бы всего лося. Петя предложил отрезать кусок мяса и «полакомиться», но это предложение было отвергнуто: «мало ли что?».

Возвращались из первого маршрута уже в сумерки. Когда поднялись на вершину гряды, услышали неподалёку вой волков. Оружия в маршрут не взяли, на всякий случай прихватили только ракетницу с ракетами, чтобы отпугнуть зверей. Однако волчьего преследования не последовало – возможно, они обнаружили лежащего в реке лося и довольствовались этой добычей.

Рано утром прогремела гроза и грянул ливень, который продолжался весь день. Вода в реке Похью поднялась не менее двух метров, и из мелководной речушки образовался бурный горный поток. Перейти на левый берег оказалось совершенно невозможно, многие обнажения погрузились в воду, и к ним было не подступиться. В русле образовались многочисленные красивые водопады. Пройдясь по верхней надпойменной террасе, убедились в невозможности проведения работ. Вынужденный простой, но по уважительной причине.

За ночь вода заметно спала, и утром следующего дня они смогли продолжить свои маршруты.

Как и предполагалось, в пять дней отряд полностью уложился, полное пересечение Вымской гряды было выполнено, детальный геологический разрез составлен и собрана хорошая коллекция образцов горных пород.

Вечером устроили плотный финальный ужин. Начальник отряда поймал несколько небольших хариусов, которые тоже попали в меню прощального ужина.

Радиосвязи с базой не было. Утром, по договорённости, за отрядом должен был прилететь МИ-1. Но, несмотря на хорошую погоду, он не прилетел. Ну что ж, такое частенько бывает. Не прилетел сегодня, будет завтра. Но его и назавтра не было. Пришлось задуматься о продовольствии.

Уже на третьи сутки ожидания перешли на распределение сухарей и сахара. В качестве пропитания удалось сначала выловить десяток мелких хариусов, потом перешли на грибы. С грибами быстро закончили имеющуюся в запасе соль. Стали питаться, «не солоно хлебавши».

Когда и на шестые сутки вертолёт не прилетел, Алексей Матвеевич принял решение выбираться с гряды самостоятельно. Предстояло пройти по прямой, по азимуту, более пятидесяти километров. Впереди простиралась тайга с болотами и реками. На обход болот сил уже не оставалось. С собой взяли только документы, ракетницу и ружьё с патронами. Спозаранку двинулись в путь.

К обеду сделали первый привал. Развели костёр и вскипятили две фляжки воды. В качестве заварки использовали листья брусники. К чаю каждый получил по кусочку сахара-рафинада. Часок вздремнули у костра и двинулись дальше.

Через пару часов вышли к большому кочкарному болоту. Кочки высотой до 20-25 сантиметров возвышались над трясиной как пни срубленных деревьев. Идти было невероятно трудно. Уже через полчаса ноги стали дрожать от напряжения и усталости. Отдыхали на кочках. Но расслаживаться было некогда.

На выходе из болота увидели двух огромных глухарей, собиравших в вывалах деревьев камешки. Один глухарь стоял на поваленном дереве и внимательно смотрел на геологов. Они остановились и затаили дыхание, а Алексей Матвеевич осторожно снял с плеча ружьё и, почти не прицеливаясь, выстрелил в этого глухаря...

Выстрел оказался удачным!

И снова костёр! Быстро разделав и слегка опалив птицу, наполнили два котелка мясом, залили водой из небольшого ручейка, и вот уже настоящая полноценная, да к тому же горячая пища готова! Съели по куску вкуснейшего мяса, запивая его крутым глухариным бульоном и уже без «дрёма» двинулись дальше. Чай не потребовалось, тем более без сахара. Жить стало веселее!

Наступили сумерки. Продвигались медленно и вскоре подошли к реке. Здесь умылись свежей прохладной водой, и решили отдохнуть до рассвета. Под высокой разлапистой елью настелили лапника и рядышком развели небольшой костёр. Вечер оказался довольно прохладным. Пришлось утепляться запасными свитерами. Прислонившись спинами к стволу ели и вытянув ноги к костру, подремали около трёх часов.

Как только начало светать, снова разложили костёр погорячее, сварили оставшуюся часть глухаря, подкрепились и продолжили свой маршрут к лагерю.

Близость лагеря и съеденное вкусное и сытное мясо облегчили путь. Оставалось пройти около двадцати километров. Но теперь уже путь пролегал большей частью по сухой тайге. И только местами встречались мелкие заболоченные участки. Несколько раз останавливались передохнуть, но ноги звали в путь, и они продолжали движение к лагерю.

А вот и знакомые места! Подошли к своей реке Нерице, в бассейне которой располагался лагерь партии. «Ещё немного, ещё чуть-чуть»... Осталось перейти на другой берег, но река и широка, и довольно глубока... Пошли вверх по течению в поисках брода. На крутом повороте заметили

перекат и по нему преодолели реку вброд. Бродовые сапоги с собой не взяли, поэтому все понемногу зачерпнули речной воды сапогами. Но это уже было не страшно – там, за поворотом виднеется устье ручья, а в трёхстах метрах от него находится лагерь. Чтобы известить коллег о своём прибытии, выпустили пару ракет.

Через полчаса путешественников встречали буровики. Старший буровой мастер Иван быстро приготовил кашу с тушёной и чай, и пришедшие принялись набивать отощавшие и проголодавшиеся желудки горячей пищей.

«Вы не очень-то налегайте на еду, – сказал Иван, – лучше побольше пейте чая. После голодовки нельзя сильно наедаться, плохо будет». Но они всё-таки насытились этой «лёгкой» пищей, а разговоры и воспоминания о произошедшем оставили на утро.

Да и в самом деле, ведь «утро вечера мудренее!».

Игорь ХУДОЛЕЙ
(лито «У камелька»)

* * *

Ночью улица в небо
Забрела слепо
И заплутала
Среди звёзд.
В тишине вдребезги
Где-то дверь хлопнула –
Ночь эхом брызжет.
Мой взгляд вязнет
В тёмном пятне прохожего:
Сгорблен прохожий,
В шубу овчинную вкутанный.
Цокот его шагов –
По чёрному зеркалу стужи.
Вскользь,
Падая будто бы
Известно в какую бездну, шепчу:
- Здесь я, Господи.
Хочу оставить не только
Топот собственный, неуклюжий...

Фёдор СВЯТОВЕЦ,
председатель Коми республиканского отделения
Союза концертных деятелей Российской Федерации,
Народный артист Республики Коми

* * *

Лишь о тебе одной мечтаю,
Хотя меня не замечаешь,
Иду опять своей тропею,
Чтоб снова встретиться с тобою.
Ты ангел мой, и мой спаситель,
Мой друг и где-то повелитель,
Гордятся все, что ты такая,
И может быть, того не зная,
Как я горжусь тобой, мой друг,
Прости меня за мысли вслух.

* * *

Спасибо, Дедушка Мороз,
Что ты так весел и так прост,
Что на праздник к нам спешил,
И дороги не забыл.
Веселил нас, балом правил,
Всех смеяться нас заставил,
Мы тебя благодарим,
Любим всей душою,
И принёс ты в эту ночь
Всем веселья вволю.
Милый Дедушка Мороз,
Ничего что красный нос!

Алексей ЗУБКОВ
(лито «У камелька»)

Раннее утро.
Дождь завершает обход
Вымерших улиц.
Мне неуютно –
В одном из моих стихов
Мы разминулись.
...Заспанный дворик
Листья толкает метлой
С места на место.

Вроде бы вторник;
Всё как-то очень светло
И бестелесно...
К окнам пустым
Жадно прильнули цветы
С запахом пыли.
Мы ещё спим;
Воском застывшей звезды
Лица заплыли.
С улицы смутно
Звук одиноких шагов
Эхо доносит.
Раннее утро.
Дождь завершает обход.
Ранняя осень.

Александр БОРИСОВ
(лито СГУ)

* * *

Чего мы боимся,
то и происходит.
Надо научиться
бояться счастья.

Елена ДОВЖИКОВА
(лито «Геолог»)

МАША И МЕДВЕДЬ (рассказ)

Историю эту я услышала потом. Сначала мне показали фотографию – на нижних ветках ели висят два здоровых бородатых мужика, а под елкой не менее здоровый медведь с банкой сгущенки.

Медведь пришел в лагерь среди бела дня, вернее, уже вечерело. Кто его знает, зачем он пришел, может, из любопытства, но явно не с плохими намерениями. Но ведь людям этого не докажешь. Геолог и рабочий с воплями взлетели на елку у входа в свою палатку, а перепуганная студентка Маша так и осталась столбом стоять возле костерка. Медведь, приюхиваясь, обошел костер по кругу. Маша сделала то же самое, стараясь, чтобы между ней и медведем был огонь.

– Машка, - поучал сверху рабочий, - ты только не беги и не ори. Стой спокойно. И в глаза ему не смотри, может, уйдет.

Но медведь обнаружил банки из-под сгущенки, сваленные под елкой, и занялся ими, потеряв к людям всякий интерес, что нельзя было сказать о людях, ибо двое из них висели на той самой елке.

– Надо что-то делать, - сказал, наконец, геолог, - может, стрелять?

Медведь вылизывал банки и громко чавкал.

– Кто будет стрелять? – поинтересовалась Маша.

– Ружье где? – спросил рабочий.

– В палатке, в углу.

Медвежий зад располагался в метре от входа в палатку.

– А патроны во вьючнике. Черт, он же заперт, а ключ в штормовке. Маш, моя штормовка там?

– Да прям, там, - печально сказал рабочий, - вон, на ней мишка топчется, ты кинул, когда на дерево лез. Что ж делать-то? Маша?

– Я что-то не пойму, - подала голос девушка, - вы мне предлагаете подвинуть медведя и забрать у него ключ?

– Ничего я не предлагаю. А ракетница где?

– Во вьючнике, - простонал геолог.

Все замолчали. Медведь чавкал.

– Не буду я стрелять, - твердо сказала Маша, словно ей уже протягивали оружие, - я и не умею. Слезайте сами и ищите свое ружье.

– Куда прыгать-то, ему на загривок? Может, головней его?

– Вы соображаете? – потрясенно проговорила Маша. - Я с поленом пойду на медведя?

– Ну поищи там у костра что-нибудь.

Маша поискала, нашла фотоаппарат и немедленно им воспользовалась. Медведь чавкал.

Остальные потеряли дар речи.

– Доиздеваешься, Машка, - злобно зашипел рабочий, - если мы на него свалимся, он же с перепугу нас сожрет. И тебя заодно тоже.

– Нет уж, сидите, - сказала Маша, - по-моему, он уже заканчивает. Я триста раз говорила, чтоб не швыряли банки где попало.

– Займись лучше костром, - мрачно посоветовали с елки, - а то он сейчас тобою и закусит.

Но медведь еще долго обнюхивал уже вылизанные банки. Потом поднял морду, обозрел Машу, дымивший костер, и, наконец, очень медленно и степенно удалился. Маша без сил опустилась прямо на землю. Мужчины спустились с дерева. Растирая занемевшие руки, рабочий возбужденно говорил;

– Как я не сообразил сразу! Надо было кастрюлями постучать, они стука металлического боятся.

– Знатоки, - сказала Маша, - что же вы на елке-то сидели? Медведи тоже по деревьям лазают.

Все заспорили, полез или не полез бы медведь на елку. Тут из палатки, что поодаль показалось заспанное лицо поварахи Люси. Про нее совсем забыли.

– Что шумите-то, случилось что?

Миг тишины и дружный смех был ей ответом.

– Да вот, - отсмеявшись, сказал геолог, - приходил медведь, хотел нас съесть.

– А что не съел-то?

Люся, конечно, решила, что ее разыгрывают.

– Раздумал. Маша его сфотографировала и сгущенкой угостила..

Но Люся все равно не поверила. Убедить ее удалось только уже в городе, предъявив ту самую фотографию.

Евгений СУВОРОВ
(«У камелька»)

Мы связаны с тобой навеки,
Обитель радости и слёз.
Покрылись льдом ручьи и реки,
Играет молодой мороз.

А я иду в свою пустыньку,
Здесь мирно, дышится легко,
С иконы капают слезинки,
И так светло и высоко.

Мороз крепчает, мёрзнут ели,
Синички зябнут на сосне,
И сладко мне под вой метели
Молиться в полной тишине.

Наталья СОСНИНА
(листо «ЛИСТ»)

* * *

Тихий шелест, звёзд мерцанье
Навевает вновь тоску.
Оттого, что созерцать лишь...
Небо звёздное могу.
А хотелось бы подняться,
Среди звёздочек блистать,
В красоту земли влюбляться,
И в себя людей влюблять.
Чтоб смотрели люди в небо
И дыханье затая,
Говорили: «Вот и мне бы
Как та звёздочка сиять!»

Наталья ЗОНОВА
(листо «У камелька»)

* * *

Когда останемся вдвоём
В квартире светлой и просторной,
Каким согреемся огнём.
В какие разойдёмся стороны.

Чем будет тешиться душа,
Простит ли память одиночество?
А дети выпорхнуть спешат –
Им быть взрослее очень хочется.

Как ни крути, а столько лет
Не зачеркнёт пора прозрения.
Грешнее и родней нас нет,
С любой, на выбор, точки зрения.

Светлана СТОЯНОВА
(лито СГУ)

* * *

Ты говоришь мне:
- Мой ангел!
И я привыкаю
к крыльям за спиною

Валентин ОХОПКИН,
заслуженный работник Республики Коми

НЕЧАЯННЫЕ ВСТРЕЧИ (очерк)

6 мая 1996 года в Сыктывкаре отмечали 600-летие со дня преставления святителя Серафима Пермского. Я пришел на площадь у памятника «Вечная слава воинам-сыктывкарцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г.», где торжественно проходила заупокойная лития погибшим воинам, которую проводил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Слушал и видел я Патриарха издали, так как площадь была переполнена народом. Затем все пошли к строящемуся Стефановскому храму. После его освящения Алексий II обходил толпы людей, напутствуя их словом и жестом. Рядом со мной стояла молодая пара, которую Патриарх благословил на брак. И я тоже удостоился внимания Патриарха. Он пожал мне руку и сказал: «Благополучия вам». Ладонь его была теплой, большой и мягкой, а от взгляда Патриарха исходили добродушие и светлая благодать. Казалось, сердца моего коснулся истинный свет, дающий покой душе. Я шел домой окрыленный, зажав свой нательный крестик в руке, которую пожал первосвяитель.

На другой день Патриарх улетел из Сыктывкара. Совершенно неожиданно началось майское снегорждение, и землю покрыл чистый, девственный снег.

В 2009 году в Республике Коми проходил конкурс «11 чудес Коми». Я полагаю: одним из чудес Коми являются книги – а именно рукописные книги, написанные в Усть-Цильме, называемой «печорским полууставом». Писцы при свечах и коптильях переписывали древние рукописи. Выводили заглавия вязью, а текст – полууставом. В чернила добавляли толченую железную ржавчину,

сажу и камедь, крышки книг облекались в дорогую кожу, парчу, оковывались серебром, осыпались драгоценными камнями. Заглавные буквы художники разрисовывали заставками, узорами, так называемым «звериным орнаментом»: с орлами, львами, кентаврами, птицами с человеческими головами.

Особенно ценились книги «досельные», т.е. дониконианские – в переплетах из оленьей кожи. В 1937 году ученый из Ленинграда В.И. Малышев привез из Усть-Цильмы 19 рукописей. А в 1949 году – еще 32 книги. В настоящее время в Санкт-Петербурге находятся более 1000 печорских рукописей. В этих краях была найдена одна из рукописей протопопа Аввакума, автограф Лазаря, сожженного вместе с Аввакумом в Пустозерске «за великие на царский дом хулы».

Книга всегда была ценностью, ее хранили в казне наравне с золотом. Ибо «Великая ведь бывает польза от учения книжного: ведь и книги учат нас и наставляют на путь покаяния, ведь мудрость и воздержание находим в словах книжных. Книги – это реки, напоящие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печале утешаемся; они – узда воздержания» (из летописи 1037г.).

В июле 1972 года на стадионе города Сыктывкара состоялись финальные игры по футболу на приз «Кожаный мяч». Проводили этот турнир Президент Всесоюзного клуба «Кожаный мяч» М.П. Сушков и старейший физкультурный работник Республики Коми А.С. Клочков.

Мне, как спортивному комментатору Сыктывкарского телевидения, довелось взять интервью у М.П. Сушкова.

- Уважаемый Михаил Павлович, расскажите, как вы стали Президентом столь популярного ребячьего клуба?

- Президентом Всесоюзного клуба «Кожаный мяч» я стал благодаря решению ЦК ВЛКСМ, редакции «Пионерская правда» и Федерации футбола СССР в 1963 году. С тех пор и несу эту приятную для меня ношу.

- Михаил Павлович, несмотря на солидный возраст, вы выглядите бодрим. Как вам удалось сохранить такую работоспособность и физическую форму?

- Спасибо спорту, особенно футболу. Спорт позволил мне развить «волевую мускулатуру» и приучил много трудиться. К тому же я много хожу. Занимаюсь творчеством: пишу книги по тактике и технике футбола. И, кроме того - я никогда не унываю – ведь в молодости я был «синеглазником», участником театрализованной «живой газеты».

Михаил Павлович Сушков – заслуженный мастер спорта, футболист и тренер, общественный деятель, а еще – актер, певец, режиссер; кроме того, он прекрасно играл на пианино и – ко всему – сочинил марш членов клуба «Кожаный мяч»:

Вперед, ребята!

Идем в большой футбол!

Вперед, ребята, заьем красивый гол!

В руках у меня медаль, которой награждали победителей этого замечательного события. На одной стороне медали написано: «Кожаный мяч. 1972 год» и выделена фигурка футбольного вратаря; на другой, на фоне трех елей: «Коми АССР. Июль».

В начале 70-х годов ушедшего века как-то меня пригласил пообедать в ресторан «Вычегда» преподаватель рисования Сергей Евлюхин. Как только мы переступили порог ресторана, Евлюхин увидел своего знакомого, одиноко сидевшего за столиком. Тот тоже увидел Сергея и жестом пригласил нас подсесть к нему.

Евлюхин представил меня как молодого тренера по акробатике из Дворца пионеров.

- Владислав Мамченко, скульптор, - подавая руку, сказал молодежавый человек лет сорока с волевым лицом.

Мы были в настроении, и с энтузиазмом придумывали тосты, не помню уже по какому поводу. А потом Мамченко предложил побороться на руках (теперь это называется армрестлингом). Отказаться было неудобно, и я согласился. Моя левая рука была чуть сильнее, чем правая и, естественно, я предложил состязаться левыми руками.

- Давай, - покладисто согласился Мамченко.

Состязание началось. И длилось гораздо дольше, чем я предполагал.

Я был на восемь лет моложе Мамченко и всю жизнь занимался спортом. Но одолеть скульптора не смог.

- Ничья! – провозгласил Евлюхин, и мы подняли бокалы за ничью.

Я теперь убежден, что, состязаясь правой рукой, - проиграл бы ему.

Не знаю, помнил ли В.Н. Мамченко наше состязание. Изредка встречаясь с ним, мы только кивали друг другу без рукопожатий. Мы не подружились, хотя наши мироощущения были схожи. Я, как и он, - упрям, не признаю внешних эффектов и социальных статусов. Как и он, являюсь поклонником творчества В. Высоцкого и Б. Чичибабина.

Теперь, проходя мимо величественных памятников Ивану Куратову и женщинам, встречающим воинов с венком славы, я вспоминаю эту нечаянную встречу с большим художником.

1974 год. Литва. Друскининкай.

В санатории была организована встреча с режиссером фильма «Москва – любовь моя». На сцену вышел 40-летний мужчина среднего роста, сухощавый, короткостриженный и представился:

- Я режиссер Александр Митта. Вы - первые зрители, которые увидят этот фильм.

Говорил он увлеченно, чуть прищепывая, энергично жестикулируя руками. Говорил о Японии, о традициях и обычаях японцев. Из его рассказа мы узнали много любопытного.

Оказалось, что в Японии не принято ходить в гости: обычно гостей приглашают в ресторан; японцы очень пунктуальны и дисциплинированы; выходя первым, японец берет самую тяжелую ношу, независимо от его статуса; дороги в Японии почти все платные; входить в японский дом в обуви – верх неприличия; пьют в Японии в основном зеленый чай, причем, чашку постоянно доливают; в Японии - культ чистоты: урн нет, но есть емкости для окурков; в их школах – единая форма; есть особый спортивный день для сдачи зачетов; на занятиях физкультурой учат умению падать. Но самое главное - японцы удивительно работоспособны.

В новом фильме режиссера играла знаменитая в Японии актриса Комачи Курихара. Ее спросили, как она справляется с такой нагрузкой: ей приходилось сниматься и при этом изучать русский язык, а, кроме того, репетировать элементы балетного танца в Большом театре. Актриса ответила, что в России она, можно сказать, отдыхает. Оказалось, что Комачи собирается замуж, но если она (как в Японии принято) не пройдет положенное количество обучающих курсов для замужних женщин, - ее не зарегистрируют ни в одном брачном агентстве, несмотря на то, что ее имя в Японии достаточно популярно. Курсы эти отнимают массу времени, а пребывание в России как раз освобождает актрису от них.

Александр Митта – сценарист, писатель, рассказчик, режиссер, считавший своим учителем А.Довженко. Снимал кинофильмы: «Москва – любовь моя», «Звонят, откройте дверь», «Экипаж», «Граница. Таежный роман» и другие. Он считает, что искусство – это обмен эмоциями, хотя кино представляет собой условный мир. А еще он часто повторяет: «Идей много – жизнь коротка».

19 мая 1989 года Сыктывкар посетил трижды Герой Социалистического труда академик А.Д. Сахаров, чтобы поддержать своего давнего друга Револьта Пименова – кандидата в народные депутаты.

Судьбы их были схожи. Доктор физико-математических наук Р.И. Пименов работал на пороге в Сыктывкаре, а академик А.Д. Сахаров за колючей проволокой 18 лет в Арзамасе разра-

батывал теорию термоядерного взрыва (изобретал водородную бомбу). Понятно, что в те годы он был нужен советскому правительству. Н.С. Хрущев даже называл его «нравственным кристаллом». Но стоило Сахарову написать письмо Сулову, члену ЦК КПСС, с утверждением того, что термоядерная война несет с собой только ужас, что она выгодна только США, что он лично выступает за мораторий на ядерные взрывы, то в ответ услышал: «Не твоего ума дело».

Вероятно, прав был шутник, переделавший в анекдот известную в советское время песню:

«Я другой такой страны не знаю,

Где так: Вольно!.. Смирно!.. и Кругом!!!»

Звучало это правдиво...

Мне очень захотелось увидеть этих двух творчески неординарных людей, и я пошел на встречу с ними в Дом политпроса. Но попасть туда не удалось из-за огромного скопления народа на площади. В окно здания был выставлен репродуктор, и толпа с улицы слушала выступление академика А.Д. Сахарова. Затем объявили, что вечером Сахаров будет выступать в драмтеатре. Не раздумывая, я направился туда. Драмтеатр был уже почти заполнен. Пришлось слушать речь стоя - у выхода, но довольно близко к сцене.

На сцену вышел худой, чуть сгорбленный, как будто в чем-то виноватый, с прищуренным пытливым и изучающим взглядом немолодой человек. Речь его была не очень яркой. Говорил он высоким голосом, с паузами. Говорил об интеллектуальной свободе и утверждал, что в человеке главное – разум и совесть.

Револют Пименов победил на выборах в Верховный Совет РСФСР, и в этом несомненно была заслуга академика А.Д. Сахарова. Отчасти в этой победе участвовали и сыктывкарские студенты, которые не уставали писать мелом на столичных тротуарах: «Голосуйте за Пименова!»

Во Дворце пионеров кружок акробатики был организован в 1967 году, когда директором его стал легендарно известный педагог Александр Александрович Католиков. И вот с кружковцами мы попали во время летних каникул на пароход «Коми пионер» в первый же его рейс до Архангельска. Наш славный пароход бросил якорь у села Вогваздино на берегу широкого луга. Как только спустили трап, все устремились на берег, где тут же был организован футбольный турнир. И это спортивное сражение длилось почти до заката. В пылу игры никто не обратил внимания на то, что к нам приближается стадо коров. И что возглавляет это стадо огромный бык. Потом оказалось, что его звали Васькой. Последний, конечно, был страшно возмущен, что опекаемому им стаду преградили путь какие-то бегающие по полю фигурки, да еще в красных майках. Взревев, он бросился на нарушителей спокойствия. От неожиданности спортсмены бросились врассыпную. Самые прыткие побежали напрямик к трапу и почти взлетели на борт парохода. Не уверенные в своей быстроте – припустили к изгороди, надеясь, что она выдержит атаку Васьки. Ну, а самые сообразительные просто, что называется, посыпались с крутого обрыва к реке. Не догнав первые две группы, Васька решил вернуться к обрыву. Стоя у обрыва, он заревел, начал рыть рогами землю, но спуститься к реке по обрыву побоялся. А тут еще ребята начали в него песком кидаться. Но, главное, все постепенно сообразили снять красные майки. И, в конце - концов, Васька этим удовлетворился: пошел догонять своих подопечных, для острастки изредка подавая голос.

В Сольвычегодске тогда у нас состоялся первый серьезный футбольный матч с командой сплавщиков. Ввиду того, что у противника в команде были в основном взрослые, в нашу детскую команду включили спортсменов-педагогов.

Болеть за нашу команду вышел весь пароход во главе с самим Александром Александровичем. Игра была трудной. Мы вначале проигрывали 0:1. Но, в конце концов, под крики болельщиков одержали победу со счетом 2:1.

Вечером на линейке Сан Саныч, одаривая всех игроков подарками, говорил:

- А знаете ли вы, что Н.В. Гоголь в своей поэме «Мертвые души» в конце 9-й главы увековечил эпизод, когда после пирушки сольвычегодские купцы подрались с усть-сысольскими? Кто вышел победителем, - в произведении умалчивается. Наверное, потому, что сысольские ребята угорели в бане. Но как бы там ни было, вы сегодня не посрамили своих предков-земляков. Молодцы!

А вечером на педагогическом совете Александр Александрович сказал:

- Ну что, футболисты, погонял вас бык? Это он преподавал вам урок. Знайте, как нужно заботиться о своих воспитанниках, защищать и охранять их.

Когда я пишу эти строки, вспоминаю случай, как А.А. Католиков, рискуя жизнью, спас детей из попавшего в аварию автобуса. Он всегда поступал так, как написано в Библии: «Пасите Божье стадо не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и, не господствуя, но подавая пример».

Людмила ХАНАЕВА
(лито «У камелька»)

* * *

Синий день холодной грусти полон.
Тихий шёпот листьев лесу снится.
Разгулялся ветер лёгким звоном
И летит над полем белой птицей.
Дух морозный в воздухе витает,
Стелется на мягкий снег прохлада.
Ближе к ночи звёзд пугливых стая
Выйдет показать свои наряды.
Спит тепло укрытая равнина,
Сон глубокий успокоил речку,
И луна над голубой долиной
К вечеру найдёт себе местечко.

Олег ЮДИН
(лито «Алый парус»)

ПРОСНУЛСЯ АВГУСТ

Проснулся август, и заплакала погода.
Сухую землю гладят капельки дождя.
А с ними холод Арктики приходит,
Туман, в низины молча приведя.

И талых вод струятся капли с крыши,
Бегут как ручейки с Кавказских гор.
От чистоты земля, вздыхая, дышит,
Дождливой пеленой покрыт простор.

Природа плачет, а душа запела
О грусти, о цветах, и о любви.
С гитарных струн песнь лета полетела
О сердце, что заплакало в груди...

Виктор БУРДИН
(лито «У камелька»)

* * *

Мне на сердце темно
От внезапной разлуки,
От того, что не могут
Никак позабыть
Эти глупые губы
И дерзкие руки
Неслучайную нежность –
Погрешность судьбы.
Мне на сердце тревожно
От предательской мысли,
Что за нас и до нас
Было всё решено.
Моя воля стреножена,
Мой полёт стал бессмыслен.
Образ твой потускнел,
Окружён пеленой.
Что-то стало не так,
Что-то стало иначе,
И вино не пьянит,
И не сладостен мёд.
Ты мне сердце сожгла,
Прогнала ты удачу.
Так смотри же, как я
Завершаю полёт.

Ксения МИХАЙЛОВА
(лито СГУ)

* * *

Разорвала взглядом потолок...
Белое на белом –
Сны и снег.
Прожила весь день в один глоток,

Пригласила вечер на ночлег.
Залатал в сумерках дыру,
Целовалась с ночью до зари...
Заново родившись, поутру
Затушила ветром фонари.

Николай МАЛЬЦЕВ

ЭХО ВОЙНЫ **(повесть)**

*Ещё не всё известно о войне,
Ещё не все написаны страницы,
А время повышается в цене...
Как надо всем, друзья, поторопиться.*

(А. Куликов)

Глава 1 **Настал черёд**

- Вот и тебе пришёл черёд... - как-то нескладно, тоном неотвратимой грусти произнесла мать, подавая повестку Косте.

Обычно говорят, дескать, при этом у матери губы и руки дрожат, голос срывается, слёзы выступают на глазах. Ничего этого не было: все слёзы уже были выплаканы, корявые, затвердевшие кисти рук разучились дрожать. Руки привыкли устало свисать как плети. Кажется, весь облик Матрёны приобрёл ровное спокойствие, и лицо не выражало никаких эмоций. Буйную довоенную её весёлость измололи жернова большой и долгой войны. Непосильный труд, постоянный голод, частые болезни, похоронка с фронта и ещё многое-многое другое... Да разве всё перечислишь, да и кого это интересует? Вся деревня жила не лучше. Печально и жутко, что это самое утешает: всем было плохо. Но замечательно было то, что во время войны все трудились в полную силу, даже, можно сказать, не жалея себя: была великая надежда, что наши победят, разобьют фашистов.

Но с наступившим Днём Победы у людей, потерявших близких, появились разные чувства. Если муж, или сын, пропал без вести, то родственники продолжали ждать: цыганка же нагадала, что муж пока находится в тесноте, в казённом доме, но скоро вернётся. Цыганкам ничего не жалели, лишь бы сбылись надежды и сын или муж вернулись с войны. А были и такие, в ком победные радости отозвались эхом тихой зависти:

- Вот у Августы три сына и все воротились, а мои оба погибли...

У них зависть лучше бы назвать иначе, но в великом и могучем русском языке нет такого слова, потому что не было ещё такой жестокой, тяжёлой, продолжительной войны в русской истории, такой массовой гибели и столько пропавших без вести. Зависть эта была мнимой, здоровой, не содержащей мстительных мыслей. Одним словом, святая зависть.

- Почта Анна принесла повестку, - и мать отвернулась, чтобы не показать сыну своё скорбное лицо.

Костя знал, что скоро получит повестку из военкомата: комиссии пройдены, возраст подходящий. Девятнадцать лет – спрос с него как со взрослого. Двоюродному брату Семёну было почти семнадцать, когда он навсегда покинул родной дом, невесту... Но тогда была война. Она проглоти-

ла тогда не только его, но и других: косарей и охотников, конторщиков и лесорубов, гармонистов и просто разных. Послевоенные призывники сознавали, что быть взятым в армию – быть ещё нужным человеком: а вдруг каким-то негодьям вздумается начать войну. В селе всегда относились к новобранцам почтительно: если кого-то по какой-то причине не брали в армию, его называли бракованным. Но более всего жалели и сочувствовали лишь его зазнобушки, радовались – известно, почему.

Костя, можно сказать, только начинал жить по-настоящему. Получил диплом и начал учительствовать в восьми километрах от своего села в лесной поселковой школе. Стали звать Константином Васильевичем. Вся жизнь пошла на мирный лад: уже не было карточной системы, была зарплатушка и с ней – возможность покупать кое-что из сельпо или из магазинов леспромхоза. Не было пока приличного костюма. Донашивал кое-что отцовское, перешитое по его узким плечам. Но была надежда, что со временем всё будет.

Взял Костя ту бумажку, которую «почта Анна принесла». До срока явки на отправку была ещё целая неделя. Уйма времени, которого, как всегда всё равно не хватит, чтобы успеть по-настоящему помочь матери по хозяйству. В школе напарница, заведующая школой, конечно, сама всё уладит. Константин Васильевич был уверен, что и родители учеников помогут школе: это были репрессированные, спецпереселенцы: немцы Поволжья и Одессы, западные украинцы и даже поляки – несчастная часть поколения военного времени.

Они, оказавшиеся в униженном положении, были твёрдо убеждены, что их благосостояние и место в обществе сильно зависят от образования, поэтому всячески старались помогать школе, а учителей ценили и глубоко уважали. Они даже устроили в столовой довольно богатый ужин в честь проводов Константина Васильевича в армию. Все эти люди, прошедшие войну, знали, что такое воинская дисциплина и долг. В них жила неистребимая тяга к мирному труду. Все в посёлке знали, что они в основном были безвинны перед Родиной, что этот несчастный осколок войны – спецпереселенцы – здесь временщики без паспортов и высланы из родных мест «в целях профилактики»; иначе их место было бы в тюрьме, в лагерях особого назначения. Но такие темы на прощальном вечере никто не затрагивал, были лишь добрые пожелания, обильный ужин, частушки, пляска. Была же причина встряхнуться, расслабиться и отдохнуть после тяжёлой работы на лесоповале: провожают учителя, с которым легко было находить общий язык.

Глава 2

Проводы в армию

На домашний вечер проводов, гораздо более скромный, чем в посёлке, приходили гармонист-сосед, парни и девушки. Поужинали, некоторые даже пригубили самогон, но никто пьяным не был. Попели, но плясать не стали: места мало в избушке. Не успел отец до войны расширить дом.

После того, как гости ушли, остались самые близкие родственники. Родители отца, дедушка Семён и бабушка Татьяна, не скрывали своей печали. Обоих сыновей они лишились в эту проклятую войну, а единственного носителя их фамилии приходится провожать в армию. Обе сестры Кости залезли на полати, присмирели – будто не дышат. Бабушка по матери Марфа и сестра матери Ольга, всю войну прожившие в семье Матрёны, чувствовали себя лишний и подавленно молчали. Такое уж состояние души, наверно, у всех немощных инвалидов...

Дед часто сморкался, пытался что-то сказать внуку, но всякое слово казалось лишним, неуместным. У бабушки Татьяны покрасневшие глаза постоянно слезились, и она, не сдерживаясь, часто вытирала ручейки слёз с дрябло-морщинистого лица тыльной стороной ладони.

- Костянтин, - обратился дедушка к внуку, назвав его не Костей, а полным именем, - возьми этот крестик, и пусть он сохранит тебя...

- В армии ведь, говорят, не разрешают носить крестики, - робко пытался возразить Костя.

- Хотя в гужанике держи, - помогла советом бабушка, - пусть Христос поможет...

И снова внутреннее её рыдание не дало закончить, в чём Христос поможет.

Взял Костя небольшой белый крестик и вложил его в потайной кармашек бумажника.

- Спасибо, дедо...

Дед хотел ещё что-то сказать, но что-то сдержало его, он покраснел, губы его задрожали...

Косте стало жаль его, и он произнёс спокойно, адресуя слова ко всем:

- Не стоит горевать, теперь ведь не война.

- Не война-то, не война, а беспокоимся, до войны ведь сначала тоже была не война, мирно жили.

Бедный, многострадальный наш люд! В его сознание настолько въелась мысль, что без войны жизнь вообще невозможна. Это как запуганный зверёк, которому постоянно мерещится угроза со стороны хищника. Нужны, видимо, десятилетия мирной жизни, чтобы он осознал, что самое страшное позади, что нынешние опасения – только отзвуки большой беды, что жизнь продолжается. Нужно верить и надеяться на лучшее, а из прошлого ничего нельзя вернуть даже выборочно.

Такие мысли кружились в сознании Кости, но он не стал произносить их: старые родители могли сами высказать это и даже больше.

Глава 3

Прощание у военкомата

Время – начало декабря. Снега много не только на полях, на крышах, но и висит он комьями на ветвях деревьев и шапками на кольях изгородей. Метелей после обильного снегопада не было, и дороги по селу и за околицей хорошо наезжены, утопаны. Сысола спокойно спит в подлёдном царстве, угомонилась до весны. Лёгкой рысью бежит Чалко по знакомой дороге к райцентру: многих белый мерин возил туда, то за какими-то справками в какие-то учреждения, то больных лечить-ся, а то и таких, которым больница уже мало помогает, уж лучше дома умереть.

Дорога к военкомату летом не зарастала травой, зимой не успевала заноситься снегом. Поездки всегда были различные: то по призыву в Красную армию, то в ЗАГС, то становиться на учёт, то по повестке... Но эти поездки всегда были связаны с разлукой, часто – навсегда. Поэтому мать и сын – Матрёна и её единственная надежда Костя – молчали. Чалко, будто понимая неуместность менять свой ровный бег, легко преодолевал небольшие подъёмы, спокойно объезжал встречные и поперечные подводы. К десяти часам мать привязала мерина к изгороди недалеко от здания военкомата. Костя поднёс охапку сена к морде давно знакомой лошади, обратился как к человеку:

- Но, Чалко, много мы с тобой копен натаскали когда-то. Попрощаемся... надолго ли? - и погладил бугристую морду мерина.

Тот фыркнул шумно, может быть, от пыли сухого сена, но Косте показалось, что Чалко понял человечески слова:

- Ишь ты, молодец! Жди меня, вернусь и напою из Ягдорского родника.

Матрене стало как-то легко и грустно до слёз. Вспомнила она работу свою и сына на лугах, на полях от зари до зари. Коровы были кормильцами, лошади – верными помощниками в работе. Люди берегли их, как могли, а те безропотно служили человеку. И теперь вон как лошадь «разговаривает» с тогдашним ямщиком. А, может быть, так ему показалось...

Между тем возле военкомата собралась огромная толпа народа: новобранцы, родители и просто провожающие. Много было подвод: розвальни, кошева и простенькие большие сани. Слышались звуки гармони, некоторые пели, даже плясали. Были и плачущие, но они сторонились от разгулявшихся. Двери военкомата не успевали закрываться.

Примерно в полдень прозвучало зычное:

- Внимание!

Это военком пригласил новобранцев в зал, где сидели члены комиссии. Что там делали, говорили, провожающие не знали, но впоследствии было построение будущих солдат уже вне стен помещения в присутствии провожающих.

Матрёна только теперь до конца, с болью в сердце осознала потерю «правой руки», и крупные слёзы сами собой потекли двумя ручьями по морщинистым щекам ещё не старой женщины. Как ножом по сердцу резанула её мысль о том, что Костюк далеко не самый рослый и сильный среди призывников. Но тут же возникло то ли оправдание, то ли горькое утешение: как быть ему рослым, когда сама заставляла работать от восхода солнца дотемна, при том впроголодь, босым и полуодетым? Да она ли, а не военная жизнь заставляла отдавать все силы работе? Слава Богу, хоть годен в армию, так-то он выносил, да и грамотности добился. А так ведь многих забраковали. Конечно, Костин одноклассник Александр Бобков вырос крепким и до потолка: ихний соседний колхоз в войну числился поставщиком семян, зерновых, его не облагали тяжёлыми госпоставками, и колхозники питались хлебом вдоволь.

Говорят, армия воспитает молодого человека.

- Так ли будет? – шептали материнские губы.

Глава 4

Ленинградские руины

Путь от призывного пункта до казармы – это всегда ожидание и преодоление неизвестного, обязательного и трудного. Костя, конечно же, знал в географическом смысле, что за величина Советский Союз. Однако то, что увидел в пути, поразило его сознание. С приближением к Ленинградской области в вагоне постепенно стали прекращаться шутки, анекдоты и песни. Кажется, громче стали слышны стуки и скрежет колёс вагона.

С разных концов вагона слышалось:

- Вон смотри...

- А ты сюда глянь...

Увиденное через неширокие окна вагона неотвратно напомнило, по каким трагическим местам едут новобранцы. По местам боевой славы. В их сознании возникло понимание, зачем они едут служить в армию, как они нужны Родине. А ведь в деревнях и городах так не хватает рабочих рук!

Увидели новобранцы широкие просторы Ленинградской области, болотные низины, сплошь усеянные разбитой боевой техникой. Подбитые танки, наполовину увязшие в болотную топь, некоторые с покорно поникшими к земле стволами орудий, некоторые увязли в болото задним мостом так, что башня и ствол пушки будто не хотят сдаваться – устремлены вверх. «Это – символ непокорности, символ призыва», - подумалось молодым призывникам, ещё не солдатам. Разбитые пушки, лежащие на боку самоходки, остовы сгоревших грузовиков молчали, но эхо здешних боёв сливалось в один аккорд с разнообразием стуков вагонных колёс и рекеивом гудящих рельсов.

Прошли уже более шести лет после войны, а эта страшная картина, сопровождаемая проникающей симфонией проходящих поездов, продолжает напоминать слова Юлиуса Фучика:

- Люди, будьте бдительны!

А руки бдительных людей пока не доходили до уборки мест тяжёлых боёв. По краям косога, на опушках лесов, то здесь, то там ютились землянки: пережившим блокаду надо было где-то выживать, ведь большинство жилых домов в городе было разрушено, лишь немногие приведены в более или менее терпимое состояние. Успели восстановить пока только пекарни, бани, больницы и, конечно, заводы и фабрики, без чего город не может существовать. Армейские части сами восстановили казармы, госпитали и даже полигоны – и это было необходимостью на сегодня и на

века, пока в мире существует жадная зависть, питающая соблазн поставить на колени великую нашу страну.

Глава 5 Курсантские будни

Выехали новобранцы из Княжпогоста в тридцатиградусный мороз, а, приехав в Ленинград, оказались в курьёзном положении. В хмуром, слякотном и шумном городе, в валенках они шлёпали по обочинам улиц уставшие, не выспавшиеся. У некоторых вещмешки. У некоторых – деревянные чемоданы. Ленинградцы с усмешкой показывали пальцем на эту процессию и ухмылялись:

- С полюса привезли...

А в казарме уже ждали новобранцев «с полюса». Двухъярусные койки, чистая постель, тёплое помещение – это было сверх ожиданий. Но до встречи с койками командир взвода старший лейтенант Володичев, который и был «покупателем» новобранцев в Княжпогостском республиканском военкомате, а в казарме солдаты меж собой называли его «старшой», распорядился солдатской поговоркой:

- Не забывая дорогу на пищеблок... Накормить прибывших.

Повёл новобранцев в столовую помощник командира взвода сержант Ливинский. Старшой вдогонку ему приказал:

- Товарищ сержант, после столовой – всем с песней в баню, чтобы Егор Булычёв не замечал «вошей на солдатах» - добавил он, блеснув некими познаниями в Горьковской драматургии.

И началась жизнь в казарме. Точнее – то ли жизнь, то ли служба: ходили строем, жили по режиму, а выполняли хозяйственные работы, но уже 1 января надели новое обмундирование и начали заниматься как курсанты школы подготовки офицеров запаса. Второй полк ВНОС, воздушного наблюдения, оповещения и связи «держал под контролем» зону очень важную – на триста-четырееста километров в радиусе от Ленинграда. Все офицеры полка – бывшие фронтовики. Они сознавали, что должны воспитывать и обучать достойную себе смену, способную противостоять любому противнику. Война была для них жестоким испытанием, и они были очень ответственны, требовательны к курсантам.

Какими ни трудными были занятия – по десять часов в сутки плюс два часа самоподготовки – курсанты считали их очень полезными и необходимыми. По теоретическим занятиям и практическим видам службы каждый курсант осваивал специальности оператора РЛС радиолокационной станции, планшетиста, радиотелеграфиста, а в конце первого года службы сдавал экзамен на должность командира отделения. Курсанты между собой в беседах сравнивали получаемую ими выучку с боевой подготовкой своих отцов:

- Их-то спешно готовили, не то, что нас...

- А то и без элементарной подготовки их бросали в бой против хорошо обученной и вооружённой армии фашистской Германии.

В соседнем полку зенитной артиллерии, где служил земляк Александр Бобков, даже проводились стрельбы по английским истребителям типа «Спитфайер» и «Спайтфул», ведомых с помощью тросов нашими самолётами. Иначе говоря, прошедшая война не забывалась, в армию стала всё больше и больше поступать новая боевая техника. Радиолокационные станции стали более совершенны в точности обнаружения, слежения за целями и наведения самолётов истребительной авиации и зенитной артиллерии на авиацию предполагаемого противника.

Весь народ, переживший разрушительнейшую войну, и спустя шесть лет с её окончания, продолжал находиться в состоянии натянутой тетивы, когда недопустимо расслабляться.

Глава 6

Дедово письмо

Письма из родных мест солдатам приносил сержант Вышинский, с чьей-то лёгкой руки прозванный ШП – «швой парень» или «шагай, почтальон». В письмах родные сообщали больше всего о трудностях в быту, но в них были и вести оптимистические: молодые люди ходят в клуб и готовятся к концертам, женятся, такой-то купил костюм, другой – гармошку. Мать, бабушки и дед Кости здоровьем «не могут похвалиться»; в письмах они не смеют откровенничать: видимо, долго ещё им будет мерещиться штамп военной поры «проверено военной цензурой». Или не хотят расстраивать армейца своими жалобами?

Однажды, уже после принятия присяги, Костя получил письмо от деда. По почерку со старомодной каллиграфией можно было легко угадать и волнение старика, и значительную необходимость: ведь он написал впервые, до этого были только письма от матери и от сокурсников по педучилищу.

«Дорогой наш милой внучок. Желаем тебе во первых здоровья а также благословенья от бабушки Татьяны Егорьевны. У нас событий нету. Живём как здоровье скажет. Во деревне тоже по старому. Только помер Васьтоль Алексан сильно раненный да Педот Домо по старостию. В этом письме пишу адрес где живал до войны наш сын а твой Алексан чож (брат отца) со его женою Татьяною. Адрес Ленинград улица Гоголя 19 патера 36. Когда тебя пустят из казармы ходи да узнай живая ли нет ли хотя бы Татьяна да ешо каковая судьба Александра. Здесь во сельсовете говорят только што пропал без вести. Но как это получается пропал человек был и нету. Он ведь не иголка. Извини нас за беспокойство да сообщи. Коли живые пускай пишут. Мы чаем што они живые да очень больные либо сильно раненные и не могут писать нам письма. Коли увидишь передай поклон што сильно ждём да и сами очень старые уже. Скажи што мать Татьяна всегда плачет ведь и его сын Василей а твой отец тоже без вести пропал. Во сельсовете говорят. Но во вторых на этом кончаю писать. Глаз устал да и пальцы тоже. Дай Бог тебе здоровья да благословенья от нас. Служи справно. Дай Бог штобы война не началася и ты возвратился домой. Твоя мать Матрона Афанасьевна также тебе сказала поклон. До свиданья. Ешо скажу што Педот Зосим Сименович жил со Алексаном близко во Ленинграде другалися и зналися кажный день. Зосим живой сильно раненный кажное лето приезжает сюда во отчий дом но тоже не знает где наш Алексан. Ешо раз до свиданья. Писал Константину дорогому внуку твой дед Симеон Иванович Малышев».

Глава 7

Злая старуха с улицы Гоголя

Для выходца из глухого Севера нет предела восхищению Ленинградом. Ещё много домов в щербинках от вражеских снарядов, ещё не все мостовые выровнены – особенно ближние к окраинам. Но город бурлит людскими потоками, громыхает трамваями, светится огнями магазинов и дворцов, а в знаменательные дни небо над Невой полыхает салютом множества ракет. Открыты музеи, галереи – любимые места для посещений учителя.

После получения письма от деда Костя решил попросить увольнение в город. Обычно это разрешается пятнадцати процентам от всей численности личного состава взвода, при том на определённый срок и с указанием места посещения. Такие ограничения вызывались сведениями о вылазках недобитых врагов, скрывавшихся в большом городе и пытающихся мстить органам власти и отдельным гражданам, а то и просто грабить, воровать чужое имущество.

- Улица Гоголя, - как объяснил командир взвода, - в самом центре города. Если пройти по Измайловскому проспекту и дальше по улице Майорова, то до улицы Гоголя рукой подать.

Костя решил эти улицы пройти пешком: больше увидишь, да и сэкономишь деньги. Улицу Голя было найти нетрудно: у кого ни спросишь, оказывается, все знают. Улица короткая, что-то вроде переулка, как показалось Малышеву. А дом весь грязно-чёрный, мрачный. В этом доме блокаду пережить, наверняка было тяжело: чёрные камни холодного дома, тьма и голод, вой сирен и грохот взрывов... В своей северной деревне были голод и болезни, но блокадные условия – это что-то адское, невообразимое.

Квартиру номер 36 было найти нетрудно. На звонок дверь приоткрылась, и в её проёме Костя увидел пожилую женщину, очень похожую на сказочную бабу-ягу.

- Вам кого? - то ли прохрипела, то ли скрипнула женщина.

- Простите, моя фамилия – Малышев. Я с письмом от деда из Коми АССР.

Женщина, увидев, что перед ней не бандит, а солдат, который, известно, должен быть дисциплинированным и учтивым, полностью открыла дверь и впустила Костю в прихожую – но не дальше.

- И что Ваш дед пишет?

- Что в этой квартире до войны жил мой дядя Малышев Александр Семёнович с женой Татьяной Павловной. Дед мой – а это отец дяди Александра – просит узнать, какова их судьба.

- Что Вы говорите? Мы тоже – Малышевы, но до войны и в блокаду жили именно мы, а не какие-то там Малышевы из Коми АССР. Мы родом из Вологодской области, живём в этой квартире с 1935 года. А до этого здесь жили враги народа, их расстреляли. Вот мы и заняли эту квартиру.

- А как же адрес, письма и фотографии, посылаемые на родину из этой ленинградской квартиры?

- Знать не знаю, - ледяным голосом ответила «Малышева». Уходи, солдат, и забудь сюда дорогу.

Она стала закрывать дверь негостеприимной квартиры. Уже выхода на лестничную площадку, Костя услышал ворчание злой старухи:

- Ходят тут всякие...

Костя в недоумении остановился и услышал визгливый голос за дверью:

- Дура! Тебе было сказано, чтобы ты не общалась ни с какими Малышевыми!

Костя возвращался в казарму также пешком, в подавленном настроении. Как ответить дедушке? И как это возможно: одни и другие – Малышевы, жившие одновременно и вместе? Что дядя Александр был врагом народа – это чужь: от него регулярно из Ленинграда приходили письма и фотографии, а в 1938 году даже сам приезжал в своё село. А письма приходили именно из дома №19, квартиры 36. Значит, он не мог быть расстрелянным в 1935 году. С чего же эта женщина говорит, что по этому адресу Малышевы из Коми АССР не проживали? Недоумевал Костя:

- Ума не приложу...

Глава 8

Ответ из Ждановского райотдела

Ещё до выхода в увольнение Костя со своим другом – земляком Сашей Лушковым разговаривали о цели посещения квартиры дяди. После возвращения Малышева в казарму Лушков поинтересовался:

- Ну что, Костя, встретились со своим дядей?

- О встрече с ним я и не мечтал. За эти годы, если бы он был живой, объявился бы и без меня. Но просьба моего деда совсем иного рода.

Костя рассказал, какова была встреча с вологодской Малышевой. Не забыл и того, какими словами она «угостила на прощание гостя».

- Хорошо, что с тобой ещё так обошлись, - разговорился Лушков. – Помнишь, на днях сержант Краснов в увольнении купил колбасу, а в ней обнаружил кусочки человеческих ногтей?

- Я в это не верю. Допускаю, что в городе всякой шпаны хватает пока. С этим будет покончено. Но и сочинения на такие свободные темы не принимаю. Только вот не знаю, как ответить дедушке.

- А ты не спеши, - рассуждал Лушков. – Если «любовой» приём не удаётся, применяй обходной манёвр, как говорит Старшой.

Два друга сошлись на том, что нужно обратиться к командиру взвода: он лучше, чем любой курсант, знает, где и как искать «пропавшего без вести».

После одного из политзанятий Малышев вкратце рассказал командиру взвода о письме своего деда, а также о посещении квартиры на улице Гоголя. Старший лейтенант не удивился:

- Таких историй в нашем огромном городе немало. Они часто запутанные, и искать ответ на вопрос приходится долго. Иногда бывает так, что при поисках выявляются другие истории – не менее сложные. Но раз взялся, не отступай. Даже Наполеон говорил, что важно связаться в бой, а там видно будет.

Не только этим «стратегическим» афоризмом закончился разговор между курсантом и командиром. Старшой обещал увольнение Малышеву в следующее воскресенье, а сам решил выяснить, сохранились ли архивные или иные документы МВД относительно бойцов ополчения.

- Улица Гоголя... Это, кажется, в ведении Ждановского районного отдела МВД, - рассуждал Володичев. – А пока Вы, Малышев, напишите подробно о сути своей просьбы, сообщите, что знаете о своем дяде, о письме своего деда.

Малышев был тронут вниманием взводного. Ходили разговоры о жестокости и заносчивости некоторых офицеров, но Володичев был внимательным и общительным, поэтому и во взводе всегда царил обстановка дружелюбия, взаимопомощи и, как говорится, сознательной дисциплины.

Уже в следующее воскресенье Малышев отнёс своё заявление в Ждановский райотдел милиции. Указал в нём, естественно, и свои координаты: номер воинской части, казармы.

- Ответ направим по Вашему адресу, - коротко сказал сотрудник в кителе с погонами майора.

А ответ, полученный Малышевым через пять дней, был таким, как он и ожидал: «Проживавший по адресу Ленинград, улица Гоголя, дом 19, кв. 36 Малышев Александр Семёнович был призван в ополчение в августе 1941 года. Пропал без вести в сентябре 1941 года. Проживавшая по тому же адресу Малышева Татьяна Павловна умерла в марте 1943 года».

Вопрос, как говорится, был закрыт. Костя решил пока не спешить с письмом дедушке: зачем лишний раз беречь незаживающие раны старых родителей? После демобилизации в спокойной обстановке обговорить всё – так, наверное, лучше. Будет возможность выяснить обстоятельства с появлением вологодских Малышевых, когда приедет в родное село Зосим Семёнович, с которым дружил дядя Александр.

Конечно, эти выяснения и даже результат будут лишь нравственного свойства. Уже не ожидать ни дядю Александра, ни тётю Татьяну. И на их квартиру, и на имущество предъявить претензии невозможно, да и зачем? И кто бы этим занимался?

Вся заваруха с квартирой на улице Гоголя по существу – зловеще жалобное эхо проклятой войны. Но есть и извечное свойство человека задаваться вопросами: эхо – почему? И от чего оно происходит?

Глава 9

Демобилизация домой

Годы службы пролетели быстро: теоретические занятия, стажировка, экзамены – всё позади. При этом были и значительные события: умер Сталин, расстреляли Берия. Министром Обороны

стал маршал Жуков, он и подписал приказ о присвоении офицерских званий курсантам, обучавшимся по приказу 0195. Примерно ползвода, в том числе и Малышев, написали рапорт о желании демобилизоваться по разным причинам. Остальным предстояли десятимесячные курсы.

Однако начальник школы подполковник Бондарев на прощальном построении объяснил ужю бывшим курсантам:

- Каждый из выпускников должен считать себя в любую минуту быть готовым приступить к выполнению своих обязанностей в соответствии с полученной специальностью.

Слушая эту чёткую, немногословную задачу, Малышев вспомнил свои мысли о натянутой тетиве лука. Вспомнил и слова земляков, что армия воспитывает человека. Это оказалось сущей правдой. Трудная колхозная жизнь военного времени научила преодолевать невзгоды, но армейская дала больше уверенности в своих возможностях и обогатила новыми знаниями, научила ценить дружбу и товарищеское взаимодействие.

Есть русская поговорка: каждый кулик своё болото хвалит. Но если вдуматься, вообще у каждого своя родина неповторима, мила и необъяснимо притягательна. И безнравственно осуждать человека за его любовь к своему глухому селу, улице, зарастающим тропинкам, даже к покосившимся строениям. Это было бы то же, что и осуждение человека за бережное отношение к старой большой матери, за любовь к хворому ребёнку.

Уважение к прошлому можно было бы называть ностальгией. Но и то: золотое детство, какое бы оно ни было трудное, всегда неповторимое и светлое, даже какое-то всёёлое и счастливое. Это осмысливается и оценивается с приходом третьего возраста наиболее верно.

Такие мысли будоражат сознание каждого обычного человека. Что уж говорить, если думы о родных краях не дают покою человеку, прошедшему все круги фронтового ада, контуженному, израненному... Да если он при этом вынужден жить вдали от малой, тихой родины в грохочущем городе, где, как известно, медицинское обслуживание иное, чем в дальнем углу России.

Глава 10

В родном селе

В родном селе Зосимы Семёновича Малышева половина всех жителей – Малышевы, как и его ленинградский друг, Александр Семёнович Малышев. Хотя они были из разных семей, ленинградским знакомым всегда казалось, что они - родные братья. Почему-то никого не смущала разница: Зосим был черноволосяый, чернобровый, а Александр имел льняно-шёлковую мягкую шевелюру – словно у девушки. В родном коми селе звали их по прозвищам – по-разному, даже учились они в разных классах, и никому в голову не приходило называть их родными братьями.

Лето того года, когда Зосиме Семёновичу исполнилось шестьдесят лет, было очень тёплым. Обычно в летнее время он ездил в родную деревню – подальше от грохота и визга, от копоты и смога, от пыли и зноя большого города. Другое дело было до войны: здоровье молодецкое, парки и бульвары радовали глаз, шум городской казался симфонией. Теперь и лёгкие не те, мышцы просят покоя, временами ноют кости, беспокоят раны. Давнишняя деревенская тишина и даже сам вид родного села Зосиме Семёновичу стали лекарством. Каждый год, подходя к берегу Сысолы, он не торопил перевозчика. И каждый раз панорама села туманила его глаза, пока нечаянная пара слезинок не напоминала, что до своей деревни рукой подать, надо взять себя в руки: предупреждённые телеграммой родственники, наверно, уже сегодня ждут юбиляра. Нужно выглядеть бодрым, насколько возможно.

Зосим Семёнович отдыхал в своей деревне чудесно. Даже несколько раз ходил в лес за грибами, по утрам сидел с удочкой на берегу Сысолы. Но больше всего он возился на приусадебном участке – помогал старой матери ухаживать за посадками на грядках. Любил ставить самовар и угощать чаем и ленинградскими гостинцами соседей. Беседам и воспоминаниям не было конца.

Этим же летом во время каникул Костя жил в родном доме – достраивал ту половину дома, которую отец не успел закончить до жилого состояния перед войной. Виделись с Зосимой Семёновичем, здоровались, беседовали о Ленинграде – знакомом городе для Малышевых. Вспоминали об отце Кости – как ни как он и Зосим Семёнович были друзьями детства. Но о квартире на улице Гоголя Костя всё не решался заводить разговора: не знал, как его начинать, как к этому отнесётся Зосим Семёнович.

Глава 11

Исповедь Зосимы Семёновича

Однажды Костя встретил у колодца Зосиму Семёновича. Тот как раз набирал воду для самовара. Поздоровались.

- Ну, Константин Васильевич, вот и подошло время последнего самовара,- обыденно сообщил Зосим Семёнович свою новость.

- Что так? – почти удивился Костя.

- Завтра уезжаю. Жалко, но придётся: телеграмма пришла, сын Геня заболел, мне надо быть там.

- Да ведь, наверно, и надоело жить здесь, в комарином царстве? – задал никчёмный вопрос Костя.

- В своей родной деревне, в такой тишине, чистом воздухе – благодать, рай. Он никогда и никому не надоест.

Оба помолчали.

Костя решил поговорить о ленинградской квартире дяди Александра – теперь или никогда!

- Зосим Семёнович, я хотел спросить Вас об одном, но как-то не находил времени, что ли...

- Пожалуйста, слушаю.

Костя рассказал о посещении квартиры № 36 по улице Гоголя, 19. Высказал и сомнения в правдивости слов вологодской Малышевой, а также о резком подозрительном крике в квартире тех Малышевых. А потом тактично спросил у Зосима Семёновича:

- Как думаете, правильно ли я сомневаюсь, что это были истинные Малышевы? И ещё, что-нибудь знаете о судьбе моего дяди Александра и тёти Татьяны?

Зосим Семёнович, слушая рассказ Кости, то бледнел, то краснел, но не перебивал его, терпеливо молчал. И после вопросов молодого Малышева не спешил с ответом, видимо, подбирал слова для верного, достойного ответа.

- Послушай теперь меня, дорогой Константин. Та война была в тысячу раз страшнее, чем пишут в книгах и газетах, страшная до безумия. Ленинград мёрз, умирал от голода, сходил с ума в темноте и при грохоте взрывов и стрельбы. Твой дядя Александр погиб в первом же бою, мы вместе были в ополчении. Потом меня перевели в другое место. Я справлялся у соседей Александра о Татьяне Павловне. Сказали, что она много чего обменяла на продукты. Что горит – всё пошло на растопку соседской «буржуйки». Они грелись вместе. А мебели было много – одно лучше другого. Тысячи ценнейших книг в домашней библиотеке – всё в огонь. Зимой сорок третьего Татьяна Павловна заболела и умерла. А на счёт квартиры? Если бы ничего не предпринимать, всё равно бы туда поселилась какая-нибудь шушера. Шпаны и после войны в Ленинграде было – не дай Боже. Но всё же милиция работала. Я вернулся контуженным из-под Варшавы – квартира в Ленинграде полуразрушена. Понадобились деньги и на лечение, и на ремонт квартиры, но их не хватало. Пришлось продать квартиру Александра, будто принадлежавшую родному брату, подвернувшимся покупателям. Но им пришлось поменять фамилии – как это они сумели сделать – я не интересовался. Кому-то как-то они сумели доказать, что они те самые довоенные Малышевы перебивались во время блокады в Вологодскую область, а теперь возвращаются в Ленинград. Тогда ведь во

время бомбёжек много документов было потеряно, и порою по липовым документам восстанавливали сомнительное как правду. Были, конечно, и взятки, и подкупы, и угрозы, и убийства. А присвоения какого-либо имущества Александра мною – не было! Да и самого-то имущества уже не было: всё было сожжено или растащено. Конечно, квартира могла быть принадлежностью родителей Александра, но добиться права на неё тогда было невозможно ни по законам, ни по обстоятельствам. Это страшное эхо ужасной войны перевершило всё доброе, что было до неё.

Костя молча слушал трагическую исповедь Зосимы Семёновича и, хотя не мог воспринимать её как полную и чистую правду, сам не понимая, почему, промолвил:

- Но это эхо и требует перевернутое наладить... Да чтобы всё не повторилось.

- Да, Константин, это так. Война нас проучила, но и многому научила...

г. Сыктывкар, 2008 г.

(перевёл с коми А. Канев)

Ирина САМАР

* * *

Двадцать грустное августа.

Все сады облетают.

Двадцать тихое августа.

Дни уносятся стаей.

Двадцать мокрое августа.

Дождь – стеной беспросветной.

Двадцать тёмное августа

Скоро станет бесцветным.

Двадцать стылого августа

Солнце светит с повинной.

Двадцать горькое августа –

Точно гроздь рябины.

Сергей СМАЙЛИЕВ

(выпускник литинститута им. М.Горького)

* * *

Приятно быть

Единственным клиентом

Заброшенного летнего кафе

Когда и парк и лужи и листва

Спешат в последний раз покрасоваться

А первый снег обожествляет землю

И местный кот готов за часть обеда

Учить мурлыкать

Понимать: что шепчут
Столы и стулья в клетке под замком

Линялые лохмотья-купола
Оставлены стонать на ржавых прутьях
Фонарный столб нашёл в себе дыханье
Роднящее его с виолончелью

Не обвиняй в нелепости любовь

Андрей КАНЕВ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В 2010 ГОДУ.

Литературный 2010 год выдался для русских писателей в республике, на мой взгляд, довольно плодотворным на изданные произведения. Так мне хотелось бы рассказать о книгах прозы Дмитрия Стахорского «Ночное солнце», Альберта Бернштейна «Воргашорская – ручей оленьей тропы», Александра Лобанова «Небесные колокольчики», Алексея Ивлева «Трудом и лишениями», Марии Кузьминой «Однажды приходит осень», Григория Спичака «Афоризмы и миниатюры», о сборниках поэзии Надежды Мирошниченко «Родному городу», Алексея Ивлева «Это – моя земля!», Андрея Попова «Хождение по водам», «Смысл дождя и листопада», Андрея Шабанова «Обитаемый остров», Анатолия Вотякова «О друзьях и северах», Александра Суворова «Из одного колодца», Геннадия Трофимова «Остановиться, оглянуться...», двухтомнике драматургии Геня Горчакова «Пьесы», а также литературных альманахах «Сыктывкар», «Литературный Кисловодск», «У камелька», журналах «Чаян» («Скорпион»), «Наш современник» и коллективных сборниках «Добро добром воздастся», «Победа в сердце каждого живёт», «Дорогой добра», «Пусть уцелеет в памяти», «Моя война... Не о прошлом», «От Воркуты до Америки».

Отдельного слова заслуживает факт выхода в свет фолианта «**Город Сыктывкар. Энциклопедия**», в котором значительное место уделено культуре и литературе, биографиям писателей, одна из статей повествует о литературном альманахе «Сыктывкар». Эта универсальная городская энциклопедия посвящена становлению и развитию столицы Республики Коми – Сыктывкару, раскрывает историю, культуру и современное состояние города. Книга содержит около полутора тысяч тематических и биографических статей, её авторы известные в регионе и за его пределами журналисты, писатели, ученые и литературоведы, такие как Бараксанов Г.Г., Бутырева Г.В., Гусятников Н.В., Жеребцов И.Л., Зильберг Ц.И., Канев А.В., Канева Е.М., Копытин В.Н., Попов А.Г., Рожкин Е.Н., Спичак Г.И., Сурков Н.И., Цыпанов Е.А., Шергина А.А., Юшкин Н.П. и многие другие.

Не имею права умолчать о знаменательном событии в истории существования провинциально-столичного литературного альманаха «Сыктывкар», который вот уже на протяжении почти двух десятков лет радует своим ежегодным появлением в свет интеллектуальную общественность нашей республики. Редакционная коллегия этого издания в лице Альберта Бернштейна (посмертно), Алексея Ивлева и Андрея Канева была признана лауреатом Государственной премии Правительства Республики Коми имени И.А. Куратова за сохранение и развитие литературы нашего края в 2010 году.

Две книги, о которых пойдёт речь, «Обитаемый остров» Андрея Шабанова и «Ночное солнце» Дмитрия Стахорского, выпущены в свет на личные средства гражданина России Чхетии Бежана Акакиевича. Искренне отрадно, что подзабытые в лихие девяностые традиции меценатства на Руси – возрождаются.

ПРОЗА.

Книга прозы воркутинца **Дмитрия Стахорского «Ночное солнце»** объединила в себе две повести «Первооткрыватель», «Маленький грек» и около двадцати небольших рассказов («Клубника в сметане», «Потомок гетмана», «Пульс душа», «Начало конца» и другие). Д. Стахорский в 1974 году окончил Литературный институт имени Горького, с 1982 года член Союза писателей. Он автор нескольких книг художественной прозы, театральных и радиопьес, многих публикаций в журналах, альманахах и коллективных сборниках.

Как пишет в своей вступительной статье «Крещённые Воркутой» критик Ольга Хмара «С судьбами города и людей, прошедших непростыми дорогами заполярного края, знакомит автор книги «Ночное солнце» Дмитрий Васильевич Стахорский. Эта книга – о Воркуте ушедшей, о невероятных гримасах бытия, об удивительных людях, сумевших преодолеть всё: боль, страх, отчаяние, неправду; и выстоять, и построить город на вечной мерзлоте, и этот город полюбить. И обрести своих летописцев. И один из них – автор этой книги, тоже крещённый Воркутой».

О повестях Дмитрия Стахорского уже неоднократно писали, тем более что, как мне кажется, повесть «Первооткрыватель» больше сопоставима не с «чистой» литературой, а всё-таки с растянутым во времени и описанном географическом пространстве художественным историческим очерком. Поэтому обращусь к некоторым рассказам, особенно меня тронувшим.

А это, на мой взгляд, в первую очередь рассказы, связанные с темой природы в творчестве Стахорского. Его искренне волнует взаимодействие природы и человека, то, как ведёт себя человек, практически подчинивший окружающую среду. Самым ярким в ряду этих произведений является рассказ «Кабэба». Это повествование о том, как охотник за гусями смог снискать доверие куропата, ждущего на своей кочке, в десяти метрах от «лёжки» охотника свою вторую половинку. Между ними даже образовалась какая-то невидимая связь взаимопонимания. Удивительно было охотнику наблюдать за куропатом, который совершенно его не боялся, будто понимая, что человеку он не нужен, ему нужны жирные пролетавшие над тундрой гуси. И вскоре, о чудо, к отстоявшему свою кочку в нескольких схватках с другими куропатами, присоединилась миловидная куропатка. Охотник только радовался за них.

Конец истории, рассказанной Стахорским, печален. В этом и заключается его авторская позиция: человек в ответе за тех, кого приручил, он не имеет права бездумно вторгаться в жизнь природы, частью которой сам и является. Охота подошла к концу, за людьми прилетел вертолёт. Был среди них один «ненастоящий» охотник, который так ни одного гуся и не подстрелил, а, выйдя в тундру, уже перед самым вылетом, одним подлым выстрелом с близкого расстояния убил и знакомого главному герою куропата с галстуком из двух чёрных пёрышек на грудке, и его подругу, а потом ещё и удивлялся, какие они глупые эти куропатки, так близко охотника к себе подпустили.

С темой природы переплетается тема ГУЛАГа в рассказе Дмитрия Стахорского «Пернатые ээки». В нём рассказывается о том, как работавшие в партии геологоразведки, приданные в качестве рабсилы ээки, вырастили и приручили оставшихся без материнско-

го присмотра целый выводок гусей. Особенно всем нравилась пострадавшая от лошади хромоногая гусыня, которую они назвали Леночкой. Осенью, когда экспедиция закончилась, геологи стали собираться в обратную дорогу. Над геологическим лагерем каждый день пролетали на юг косяки гусей, с одним из них выросший на эзковских харчах выводок и улетел. Лишь Леночка вскоре вернулась к людям. Трогательная сцена встречи была описана автором сильно, до щемящей ломоты в сердце. Но пришёл за эсками конвой, который тут же и убил беззащитную Леночку. Сварили из неё суп конвоиры и съели, не жадничая, а, приглашая, молча в душе плачущих, эзков полакомиться.

«Книга «Ночное солнце» - пишет в своей статье Ольга Хмара, - вмещает в себя и светлые полутона заполярной природы, и феномен целеустремлённости первооткрывателей, и все оттенки любви, и не перестающую саднить память о ГУЛАГе, - если из песни выкинуть слово, песни не получится. Голоса ушедших, но оставивших свой тихий след в истории города, окликают со страниц книги и просят помнить».

«ГУЛАГовской» теме посвящён пронзительный рассказ писателя «Сортир на рыночной». В его рассказах много судеб людей, исковерканных уродливыми поворотами в истории нашей страны. Этот рассказ о великой человеческой любви и подолом предательстве, о том времени, когда жизнь человеческая не стоила ничего, а слово или поступок стоили жизни. В одном из сибирских городков жила-была семья высокопоставленных людей. Он военный комиссар, она секретарь по идеологии горкома. И был в центре городка уродливый мясной рынок, а в центре торговых рядов царской постройки каменный общественный туалет. Придумали местные власти рынок снести, на его месте построить жилой квартал. Снесли, а добротное здание общественного туалета перестроили в жилое помещение с квартирами на восемь семей. Всё бы ничего, но накануне выборов подавались списки избирателей, в которых адрес восьми семей был чёрным по белому обозначен как общественный туалет. Что это, как не идеологическая диверсия?

Секретаря по идеологии в тюрьму. Муж очень любил свою жену, и, несмотря на запрет вышестоящего командования, кинулся в Москву к Ворошилову, просить у него помощи в спасении жены. Тот помог, жену освободили. А непослушного военного комиссара, покинувшего свой пост во время подготовки к выборам, арестовали и осудили на десять лет без права переписки. Жена потом от него отказалась и заочно развелась с ним. Вот такая получилась история о любви и предательстве.

Встретились мне в книге и досадные «проходные» рассказы, совершенно лишние, на мой взгляд, в общей ткани талантливого повествования. Это, например, рассказ «Я не ваш, извините». Сюжет повествования держится на пересказе «бородатого» анекдота о том, как с соседского балкона перебрался к соседям неудачный любовник, чуть не пойманный мужем. И история, рассказанная автором, уже не смешна, и само повествование ведётся таким сухим невыразительным языком, что ровным счётом ничего не даёт ни уму, ни сердцу читательскому. Рассказ можно было бы принять, если бы он живописал стандартную ситуацию какими-то нестандартными литературными средствами, живой не схематичной образностью, интересными диалогами, яркими персонажами. Но этот рассказ – скорее исключение из правил, в целом книга удалась.

Воркутинской теме посвящён документальный роман Альберта Бернштейна «Воргашорская – ручей оленьей тропы». Книга вышла в свет в 2010 году в издательстве ООО «Полиграф-Сервис». Посвящена она Воргашору и людям, живущим в тундре, шахтёрам и истории освоения приполярного севера нашей страны. Из века прошлого в нашу нынешнюю жизнь входит память тех событий, описанная с любовью и знанием дела, живым русским языком.

«Мне кажется, - обратился к читателям в самом начале романа Бернштейн, - что человек и время всегда находятся в постоянном противоборстве. С одной стороны каждый подгоняет время, торопит события: быстрее окончить школу, скорее стать самостоятельным, достигнуть каких-то важных намеченных целей: «...и жить торопимся, и чувствовать спешим». И одновременно с этим каждый сопротивляется быстротечности времени и старается остановить его, зафиксировать каждый день, каждый миг. И для этого человечество придумало дневники, мемуары, книги, фотографию, документальное кино. И эти способы фиксации времени ещё и позволяют создать, если в этом возникает необходимость, и иллюзию возможности возвращения в прошлое. Не потому ли с таким волнением мы рассматриваем старые фотографии, читаем старые письма и мемуары, листаем книги о прошлом. Жизнь – это то, что происходит сейчас, в этот миг. Но жизнь – это ещё и то, что было с каждым из нас ранее и что было до нас...»

Литературно-документальные очерки и рассказы А. Бернштейна печатались в журналах «Север», «Пиналиппу» (на финском языке), «Спутник» (на 9 языках мира), «Арт», литературных альманахах «Сыктывкар», «Полное собрание разлук», «Прекрасная и чёрная работа», коллективном сборнике «Сполохи», в региональной и центральной прессе. По его очерку «Начинаю приём» на коми языке поставлен телевизионный спектакль, по сценарию, написанному в соавторстве с Н.Н. Герасимовым и И.А. Шадханом, снят проблемный, документальный фильм «Баллада о Воркуте». Бернштейн является автором песен «Земля моя Коми», «Спасибо ветеранам», «Песня о Зеленце» и нескольких романсов. Известна и его проза, повести «Земляки мои, северяне», «На рубеже веков», «Аяч-Яга – изобильная река времени», «Сказ о Портупей прапорщике», «Один год жизни»...

Сюжетная линия романа проста: начало великой стройки шахты и посёлка при ней и современная жизнь людей и предприятия, каждую главу его «Трудная стройка», «Свершилось!», «Радченко», «Великая шахтёрская смута», «Курская дуга», «Новые времена» и другие – можно читать, как отдельные очерки. Масштабность описываемых событий, тонкие психологические характеристики персонажей повествования – делают роман интересным событием в литературной жизни нашего северного региона.

Заканчивает своё повествование «Воргашорская – ручей оленьей тропы» Альберт Бернштейн, стихами, гимном шахты «Воргашорская», в которых есть такие строки:

Мерзлоту покоряя упорно,
Из глубин достают на-гора
Камень жизни сверкающе-чёрный
Для людей горных дел мастера.
Часть тепла Заполярного края
Добываем, рискуя собой.
И уходим, родных оставляя,
Как солдаты в поход боевой...

Поэт и замечательный писатель Альберт Ефимович Бернштейн – покорил свою мерзлоту, отдал людям весь огонь своей пламенной души, сказал все слова, что лежали на сердце, подарил потомкам свои книги. «Воргашорская – ручей оленьей тропы» - смертный проект этого талантливого, неординарного автора...

Настоящим прорывом можно назвать выход в свет романа сыктывкарского писателя **Александра Лобанова «Небесные колокольчики»**. Александр Лобанов постоянный автор литературного альманаха «Сыктывкар», он поэт и прозаик. Роман вышел в декабрьском номере московского альманаха «Подвиг» под рубрикой «Солдат за всё в ответе». В этом сборнике всегда по большей части бывают представлены произведения,

которые только и могли появиться в наше время – не раньше и не позже. Проще говоря, роман «Небесные колокольчики» по-настоящему современен. Но это не отменяет главного: его герои не меняются в угоду времени. За ними моральный опыт поколений, неизменный и в саамы непростые для страны времена. Весь юбилейный 2010 год «Подвиг» не оставлял темы войны и Великой Победы, и роман Александра Лобанова возвращает читателей к эпизодам Великой Отечественной. Описывается им и современная жизнь постсоветского пространства, но и там нашему человеку найдётся место для подвига. Хочется от души поздравить нашего автора с этой настоящей творческой победой.

Вот что написал о его романе в своей статье «Четыре жизни» столичный критик Сергей Шулаков: «Роман Александра Лобанова «Небесные колокольчики» имеет не совсем традиционную повествовательную форму – события развиваются, переплетаясь, в трёх эпохах существования нашей страны. Они показаны на примере трёх поколений одной семьи: фронтовика, его сына и внука, боевого офицера, нашего современника. В романе есть и фрагменты в строгой стилистике военной прозы, это эпизоды Великой Отечественной войны и войны в Приднестровье – они связаны одной темой: темой стойкости наших военных в ситуации, представляющейся безвыходной, ролью командира и его боевых духом солдат. Есть и фрагменты, относящие читателя к русской «деревенской» прозе, как, к примеру, рассказ о подростке, поджегшем бригадиров дом в попытке установить справедливость в отношении матери».

Безоговорочный уход в мистику, как хорошо известно, не только мне, чаще всего тупиковый вариант, но в романе Александра Лобанова мистические моменты – не какие-то декоративные элементы, они вполне логично следуют из сугубо реалистических деталей, являясь их естественным поэтическим завершением. Смерть нельзя, в полном смысле слова, познать, но её можно попытаться понять с философской точки зрения.

Приведу в пример небольшой отрывок текста, ярко, на мой взгляд, иллюстрирующий, сказанное выше: «Ряды молний на доли секунды выхватывали из полумрака комнатный интерьер. Это возбуждало воображение. Роману показалось, что истинные чувства вдруг потерялись в нахлынувшей иллюзорности. Тело наполнилось безразличием к звукам. Пульсация в подушечках пальцев переместилась в предплечья, грудь, потом в затылок и вскоре вовсе исчезла. Ни рук, ни ног, ни тела как бы уже не было. Только одно дыхание».

Автор предлагает здесь свою трактовку, и вовсе не отвлечённо-мистическую, но психологически мотивированную. Такова, например, сцена беседы мальчишки с умершим дедом Карпеем и погибшим отцом.

Литературным мастерством отмечена и композиция романа «Небесные колокольчики»: переходя из одного времени в другое, вслед за мироощущением одного героя к мыслям, чувствам и обстоятельствам жизни следующего, нигде не спотыкаяешься о грубые швы, эти переходы ограничены. А яркий, точный, насыщенный свежими, не затёртыми образами, достойный лучших образцов русской прозы язык Александра Лобанова читатель ощущает с первых же страниц, с классического драматического пролога – сцены грозы, даже с тонкого, но в то же время исключительно ясного названия.

«Помимо композиционного и стилистического единства, - пишет далее С. Шулаков, - произведение скрепляет ещё один стержень: судьбы героев. С одной стороны, отец-фронтовик и его сын ушли из жизни преждевременно, но оба – словно бы в сражениях, один с жестоким внешним врагом, другой – с судьбой поколения детей не вернувшихся фронтовиков, горькой, в бытовом смысле, полной моральных травм и непонимания. Внук связан с дедом реальным боевым опытом, как ни пафосно это прозвучит, героизмом, - но связан и с отцом семейными чертами характера. Сражения, переплетения не дают сюже-

ту разорваться на три отдельных текста, хоть эпизоды и судьбы вполне самостоятельны и, будь эти три части о трёх мужских судьбах опубликованы порознь, они, безусловно, были бы интересны и сами по себе – как сильные рассказы. Но они – единое целое, причём финал, в символическом смысле, открыт: Роман (внук фронтовика) встречает девушку, с которой оказывается связан неразрывными узами, а значит, впереди новая жизнь. Колокольчики судьбы вновь раскроются, станут переключаться. На небе и на земле.

На мой взгляд, роман «Небесные колокольчики» на современном творческом этапе для Александра Лобанова произведение программное. Здесь в максимально концентрированном виде заявлено кредо писателя: наша русская, то есть православная литература в своей сути мужественна. Мужественна во славу подвига бойцов, не отступивших перед смертью.

В одной из своих статей «Наш земляк Василий Дворцов» новосибирский литературный критик Николай Александров писал по поводу повести В. Дворцова «Тогда, когда случится»: «Ослабление мужской основы в отечественной культуре, начатое «деревенщиками» 70-х годов прошлого века чрезмерным смещением акцента на женские образы, в веке новом подхватилось совершенно бесполой городской «прозой молодых». И истеричная «брутальность» отдельных литераторов своей декларативной пошлостью лишь подчёркивает картину общего бессилия. Увы, но нас уже совершенно не удивляет то, что героини произведений всё больше и больше «останавливают» и «входят», а герои только рефлектируют или же насилуют. Мы почти забыли, что образ мужчины – это образ отца, брата, супруга и товарища, а не бандита или жиголо, образ того, кто принимает на себя ответственность за этот мир, за достоинство стариков и счастье молодых. Кто способен самоотверженно стоять за свою веру, не торговаться со своим отечеством и не предавать своих убеждений».

Воевать, так воевать, а любить так любить – так понимают свой мужской долг Степан, солдат Великой Отечественной, его сын Шурка и внук Роман, офицер, на долю которого выпала война в Приднестровье. Связь поколений в романе «Небесные колокольчики» не прерывается и не прервётся. И автор его, как мне кажется, должен быть счастлив тем, что ему удалось в своём произведении описать несколько настоящих мужских характеров, засвидетельствовать реальные, далеко не простые, но достойные восхищения судьбы красивых и сильных русских людей.

К 90-летию образования Республики Коми вышла в свет в издательстве «Полиграф-Сервис» книга исторических очерков **Алексея Иевлева «Трудом и лишениями»**. В ней автор в популярной форме художественного очерка повествует об истории изучения и освоения природных богатств Республики Коми. Большая часть очерков была ранее опубликована на страницах республиканских газет «Красное знамя» и «Коми му». Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей Республики Коми.

Как написал в своей вступительной статье член-корреспондент Российской академии наук А.М. Асхабов: «По многим вопросам автор предлагает свою, отличную от существующих, трактовку событий». В литературном плане особенно интересны его художественные очерки, посвящённые конкретным людям, совершавшим открытия. Вызывают несомненный интерес у читателей такие очерки как «Золотой талер Великого князя Ивана III», «Княжеский интерес к Печорскому краю», «Визит Вологодского губернатора», «Зырянский край глазами охотника» и другие.

Алексей Иевлев член Союза писателей, автор нескольких книг стихов, прозы и литературной критики. Лауреат Всероссийских конкурсов на лучшее стихотворение о родном крае и лучшее произведение, популяризирующее профессию геолога. Его произ-

ведения публиковались в журналах «Наш современник», «Московский вестник», «Медный всадник» и других. Книга исторических очерков Алексея Иевлева «Трудом и лишениями», займёт своё достойное место в литературном процессе нашего региона.

В том же издательстве «Полиграф-Сервис» увидела свет и повесть **Марии Кузьминой «Однажды приходит осень»**. Это вторая часть трилогии, задуманной автором. Первая повесть «Моя война» в сокращённом виде была опубликована в одиннадцатом номере московского журнала «Наш современник» в 2007 году, полное её издание отдельной книгой осуществилось годом позже. Можно сказать больше, что к выходу в свет писательница практически уже подготовила третью рукопись, заключительную часть трилогии, повесть «Дела давно минувших дней», в которой речь пойдёт о событиях предвоенного и первых военных лет на Псковщине, откуда она родом. Но не будем забегать вперёд, а поговорим о факте литературного процесса уже случившемся, о книге «Однажды приходит осень».

Мария Кузьмина заслуженный работник Республики Коми, с 1977 года член Союза журналистов. В 1974 году окончила журналистский факультет МГУ имени Ломоносова. Долгое время работала корреспондентом и главным редактором республиканской газеты «Молодёжь Севера», в пресс-службах органов власти региона. Она исколесила республику вдоль и поперёк. Была в её самых далёких уголках и везде знакомилась с интересными людьми, участвовала в интересных событиях, всегда была на «острие эпохи». Обо всём, что становилось знаками этой самой эпохи, журналист Мария Кузьмина писала свои очерки и статьи в «молодёжку». Об этом и повесть «Однажды приходит осень», о тяжком и завораживающем, порой неблагодарном и почти всегда восторженном труде журналиста. О его переживаниях и думах, о людях, которые учили писать и помогали встать на ноги в профессии, о бытовых трудностях в командировках.

Повесть Кузьминой, о чём она сама неоднократно признаётся в тексте, автобиографичная, написана на материале дневниковых записей и газетных публикаций. Многие персонажи в повести узнаваемы, но это ни в коей мере не умаляет художественности произведения, так мастерски в литературном смысле она написана. Народный поэт Республики Коми Надежда Мирошниченко, работавшая в одно время в республиканской прессе с приехавшей по распределению в республику главной героиней Марией Кузьминой, уже автору повести Марии Кузьминой дала высокую оценку её произведению. А такое признание литературного мэтра дорогого стоит и о многом говорит.

Читая повесть, интересно следить за авторской позицией, за отношением автора к происходящим вокруг событиям, оценивать людей через авторские характеристики. А ещё, и от этого текст повести очень выигрывает информационно, писательница Мария Кузьмина лично очень высокообразованный человек. Отсюда и множество мыслей великих людей всех времён и народов приводимые к месту и по поводу, отсюда множество стихотворных вставок различных авторов и собственные. Отсюда и сочность русской речи в произведении, её образность. Приведу в пример небольшой отрывок, в котором писательница живописует невский пейзаж.

«День был хмурым. По низкому небу плыли тяжёлые, набухшие влагой облака. На невском ветру трепетали ленточки бескозырок, распахивались полы чёрных морских шинелей. У стрелки Васильевского острова раскачивались на волнах беспокойной реки корабли Балтийского флота. Музыканты военного оркестра, стоявшего во главе колонны, недалеко от нас, повинувшись решительному взмаху руки дирижёра, вдруг ожили, и над всеми нами зазвучал хорошо знакомый мне по передачам радио революционный марш: «Смело, товарищи, в ногу! Духом окрепнем в борьбе! В царство свободы дорогу грудью проложим себе». Колонна моряков встрепенулась, на мгновение замерла и, качнувшись

вправо, пошла...» Как написано-то, а? Замечательно написано, так, что сразу видишь и начинаешь ощущать происходящее с главной героиней повести. Не в этом ли талант писателя? В этом.

Отсюда красота и чуткость в описании природы, живость насыщенных, казалось бы на первый взгляд преизбыточно информативностью диалогов... Но на второй уже взгляд появляется понимание того, что через диалоги автор как раз и раскрывает ту картину мира начала семидесятых годов прошлого столетия как в нашей стране, так и в мире в целом. Ведь если не мы, представители нашего поколения расскажем правду о той жизни, то кто? Иногда просто смешно становится, когда вдруг сталкиваешься с описанием «периода застоя в нашем обществе» каким-нибудь юным литератором, столько в этом описании неправды и откровенной лжи. Поначалу мне показалось, что повесть «Однажды приходит осень» излишне политизирована. Но, вчитавшись, понял, что иначе автору невозможно было донести до читателя атмосферу той нашей жизни, того нашего отношения к этой самой жизни, духа того времени.

В начале семидесятых годов люди жили намного иначе, чем в современной России. В повести М. Кузьминой через рассказ о кубинской командировке молодых журналистов, через поездку в Восточную Германию, через близкое общение с болгарями, работающими на заготовке леса в нашей республике, показана близость людей разных национальностей, некая духовная взаимосвязь между представителями разных народов, единая идея всеобщего равенства. Зарубежная тема ярко выписана в повести, ярко показано чувство ностальгии молодой журналистки по той феерической жизни, попавшей по распределению на работу в «край, засыпанный снегами». Поначалу главной героине кажется, что она похоронила свой журналистский талант в этом «медвежьем углу». Ведь в период практики её материалы печатались в самых известных центральных изданиях, но постепенно она начинает понимать, что именно тут и творится современная история, экономического и социального развития общества, о чём и необходимо писать. Именно тут живут настоящие люди, о которых писать не только необходимо, но и интересно самой.

Профессионально, с большой любовью и пониманием Марией Кузьминой в повести «Однажды приходит осень» выписана тема армии, в которой младший сержант Кузьмина занимает ответственную должность механика радионавигационного оборудования самолёта-ракетоносца ТУ-16 морской авиации Балтийского флота. С большим знанием человеческих характеров автором выписаны персонажи военных: сверхсрочников и офицеров, даже маршала Савицкого. Гордость берёт за державу, когда читаешь её строки, посвящённые службе на флоте. Тема патриотизма, большая ей за то хвала, дана в повести ненавязчиво, не менторски, а с художественной точностью передачи чувств простых бойцов и матросов.

Не последнее место в повести занимает любовная линия, которая оживляет сюжет, привносит в повествование некую изюминку для современного читателя. И сама главная героиня, и персонажи, выписанные, вырванные рассказчиком из жизни – люди живые, способные на большое чувство, на настоящие поступки ради любимого человека.

В своём повествовании писательница использует приём, так называемого, «франого сюжета». В повести нет как таковой единой нити повествования, единого действия: завязка-кульминация-развязка. Всё произведение состоит из отдельных кусков воспоминаний. Временные отрезки: детства, юности, студенчества, взрослой жизни – перемежаются друг с другом, как кажется на первый взгляд, хаотично. Но это не так, текст, при вторичном прочтении произведения, выстраивается в чёткую схему, которая органично работает на замысел автора повести: донести до читателя атмосферу и дух ушедшего на задворки истории страны такого дорогого нашему поколению времени по-

следней трети века уже, увы, прошлого. Повесть «Однажды приходит осень», в чём я полностью уверен, написана в добрых традициях всеми понимаемого реализма.

Дай, Бог этой книге доброго пути к читателю.

В серии «Народная библиотека» вышел в свет небольшой сборник прозы **Григория Спичака «Афоризмы и миниатюры»**. Книга включила в себя подборку афоризмов и несколько новелл «Выстрелы над старицей», «Поклоны», «Осенний карандаш», «Отражение», «Казак», «Роль», «Два воспоминания», «Однажды в поезде».

Около семидесяти афоризмов, опубликованные в прозаическом сборнике, касающихся практически всех сфер нашей жизни, начиная от православия (Бог оставил нам хлеб и вино. Но только мы сами виноваты в том, что стремились сделать хлеб побелее и вино послаще.) до общечеловеческих (Не возможно забыть то, что хочешь забыть.) венчает, на мой взгляд, фраза, в которой скрыто яркое политическое семя: «Толпа – всегда женщина. Даже если она состоит из тысячи бородатых вооружённых мужиков».

Сыктывкарец Григорий Спичак – писатель и журналист. Его произведения публиковались в ряде журналов: «Наш современник», «Север», «Колокол». Он автор трёх сборников рассказов и книги стихов. В 2009 году в двух разных издательствах одновременно вышел его роман «Цитала. Украденный посох».

Рассказы Спичака – это всегда поучение. Поучение жизни праведной, совестливой. Многие его рассказы связаны с темой православия. Не избежал этого и данный сборник: «Целование», «Постриг», «Поклоны» - вот тот ряд повествований, связанных с именем Бога, с верой в него. Особенно, на мой взгляд, из рассказов этой тематики представленных в книге, выделяется новелла «Казак», которая повествует о жизни в паломническом корпусе в серпуховском Высоцком мужском монастыре. Шумный, критически настроенный ко всему окружающему миру гордец, казак с Кубани, перед иконой преобращался в степенного, спокойного, уставшего от жизни человека.

Родина Г. Спичака – станция Княжпогост, прилагерное поселение, упомянутое Александром Солженицыным в одной из частей «Архипелага ГУЛАГ». Естественно, что этой теме в творчестве писателя тоже уделено значительное место. Рассказ «Выстрелы над старицей» повествует о том, как трое пятнадцатилетних пацанов с отцовскими ружьями пошли в праздничные несколько дней Дня Победы на охоту на летевших с юга на север уток. И им пришлось столкнуться с тем, с какой циничностью другие люди охотились. Только они охотились с собаками и автоматами на человека. Человека, бежавшего из зоны. И им впервые стало по-настоящему страшно.

Прозу Спичака всегда отличали свой взгляд на окружающий мир, точность языка и философичность повествования. Именно так написан рассказ «Однажды в поезде», рассказ – крик, исповедь, призыв и одновременно напоминание о долге нашем перед близкими нам людьми. Книга показала, что писатель не стоит на месте, его творчество развивается и, оставаясь прежним в стилистическом поле реализма, продолжает быть интересным и современному избалованному литературными изысками читателю.

Владимир Павлович Гоголь – это имя пока мало знакомо знатокам и любителям литературы. И Гоголь – это не псевдоним, а настоящая фамилия автора стихов и прозы. И Николай Васильевич Гоголь ему не родственник, даже не дальний, просто однофамильцы. Публиковаться он стал совсем недавно, но пишет «в стол» уже много лет. Стихотворные пародии Владимира Гоголя выходили в свет в литературном альманахе эжвинского лито «У камелька», стихи в альманахе «Сыктывкар» и коллективном сборнике «Нет места на земле дорожке».

2010 год стал для **Владимира Гоголя** знаковым. В этом году в двух разных изданиях были опубликованы замечательные **повести «Красное платье и белые розы»** в

альманахе «Сыктывкар» и «Крестник» в коллективном сборнике «Победа в сердце каждого живёт». Если их объединить в один том отдельного издания, получилась бы, на мой взгляд, неплохая полновесная книга прозы. Но, думается, такое издание у этого «молодого» автора ещё неотвратимо впереди.

Повесть «Крестник» посвящена теме первой чеченской войны середины девяностых годов прошлого века. Бездарной, головотяпной кампании тогдашнего министра обороны страны по кличке Паша-Мерседес. Сюжет строится на реальных событиях: крёстный отец едет на Северный Кавказ за своим крестником молодым солдатом Андреем. Поездка описывается от начала и до конца со всеми приключениями, которые происходили с мужчиной. В. Гоголем без прикрас показана грязь военных дорог, ржавая рухлядь военной техники, вонь давно не стиранного армейского обмундирования, скудность солдатского пайка, командирское скудоумие некоторых чинов в высоких погонах и незапятнанная офицерская честь окопных капитанов и старлеев, на которых всегда держались любые боевые действия.

Преодолев множество различных препятствий, крестному всё-таки удалось найти своего крестника живым и здоровым. Удалось договориться и вывезти его из пекла боевого противостояния с бандформированиями. Живым и невредимым вернулся Андрей домой с войны. Стал работать, а через три года нелепо погиб, разбился на мотоцикле. Вот такая судьба, от которой не убежишь и не скроешься. В конце повести молодой человек много уже повидавший в жизни задаётся скорбным вопросом: «Всё ли справедливо на этом свете? Как знать? Кого спросить...»

Остаётся добавить то, что повесть написана хорошим русским языком, с использованием стремительной сюжетной линии, которая захватывает читателя от начала и до конца повествования, не давая ослабить внимания.

Вторая повесть Владимира Гоголя называется «Красное платье и белые розы» неспроста. Эти два «предмета» являются знаковыми для судьбы обычного человека влюблённого в жизнь и в свою женщину. Семен истово любил свою жену. И она отвечала ему благодарной взаимностью. Да вот только случилась беда. Заболел Семён раком и умер, а может и просто пока впал в кому. В промежуточном состоянии между настоящей жизнью и настоящей смертью застрял. И это не конец повести, а самое её начало.

Перед главным персонажем повести Семёном во всей своей откровенности открывается загробный мир с его законами и тенями. Когда читаешь повесть, кажется, авторской фантазии просто нет предела, настолько разнообразен, многопланов и ярок, выстроенный им в повести загробный мир. Превратившись в бесплотное тело, Семён путешествует по просторам Земли и вне её лона. Встречается с такими же, как он душами неприкаемыми, узнаёт их земные судьбы. Узнаёт кладбищенские порядки встреч с близкими людьми и ещё много, много всяких тонкостей и нюансов потусторонней жизни.

Окончание написанной в фантастической захватывающей манере повести «Красное платье и белые розы» - оптимистично. Оказалось, что Семёну вся его загробная жизнь привиделась. Операция по удалению раковой опухоли прошла успешно, и он выжил. Только вот та потусторонняя жизнь так его и не отпустила, подавая знаки: красное платье, белые розы...

ДРАМАТУРГИЯ

В 2010 году драматургия в русской литературе Республики Коми была представлена двухтомником **Гения Горчакова «Пьесы (К Новому году)» и «Пьесы (книга вторая)»**), который был напечатан в издательстве ООО «Полиграф-Сервис».

Гений Дмитриевич Горчаков – известный в нашем северном крае человек, член Союза писателей России. Он, актёр, режиссёр, драматург и прозаик, родился в селе Вининга в 1927 году. Г. Горчаков пробовать себя в литературной деятельности стал уже в зрелом возрасте. Им написаны несколько повестей и рассказов и около десяти пьес, которые были поставлены на сценах профессиональных и самодеятельных театров. Вот что отмечает об этом авторе в своём словаре-справочнике «Литераторы земли коми» литературовед Валерий Мартынов: «Хотя писать он начал поздно, сделал немало».

Первый том «Пьесы (К Новому году)» составили три пьесы-сказки «Операция «Ёлки в палки»», «О юных смельчаках и вороватых наглецах», «Охота на Деда Мороза». Во всех трёх пьесах для детей сюжет достаточно прост и традиционен: Дед Мороз и Снегурочка хотят встретиться с детьми Новый год у ёлки, преподнести им ожидаемые подарки, а некие «тёмные силы» (Баба Яга, Чёрт, Серый (волк), Леший, Рыжая (лиса), Водяной) мешают положительным героям в этом благом деле. Фантастическая, сказочная реальность переплетается в пьесах Горчакова с той реальной жизнью, которую проживает каждый зритель в зале. Этим они и интересны, этим они и важны, потому что доносят до детей своим действием библейские истины добра и зла, через понятные детям символы, через понятных сказочных персонажей. Традиционно в пьесах-сказках Горчакова добро побеждает зло, праздник приходит к детям.

Так, например, оканчивается «Охота на Деда Мороза»:

«ДЕД: Спасибо тебе, Данила. Помог нам избавиться от этого жулья.

ДАНИЛА: Пожалуйста, пожалуйста. Люди должны помогать друг другу. Будьте всегда добрыми и в трудные моменты жизни всегда помогайте друг другу!

Жизнь, конечно, штука очень сложная.

Трудности бывают всевозможные.

Но всегда их можно одолеть,

Если в сердце дружбы дар иметь.

ДЕД: А теперь нам со Снегурочкой пора идти в назначенное место.

ЗАЙЦЫ: Дедушка, возьмите нас с собой. Уж очень хочется на утреннике побывать.

ДЕД: Таких помощников придётся взять. Но, прежде чем идти, поздравим наших дорогих гостей, наших зрителей с Новым годом и пойдём туда, где нас давно уже ждут. Давайте хором.

ВСЕ: С Новым годом, дорогие друзья!»

Пьесы-сказки Горчакова снабжены яркими стихотворными текстами песенок, которые исполняют действующие лица. Чтобы сформировалось понимание того, о чём идёт речь, приведу в пример одно из них, («О юных смельчаках и вороватых наглецах») Инна поёт:

С неба бездонного чёрного звёзды

Смотрят, мигают, нас в гости зовут.

Только до них бесконечные вёрсты.

И нелегко проложить к ним маршрут.

Звёзды высокие, звёзды далёкие

Манят и манят, зовут нас к себе.

Как к ним добратся, как подобраться?

Может, вы всё же подскажете мне?

Знаем мы к звёздам тем путь очень длинный,
Через учебников горы лежит.
В дружбе с наукой корабль создадим мы,
К звёздным мирам нас который умчит.
Звёзды высокие, звёзды далёкие!
Манят и манят, светясь в небесах.
Скоро уж, братцы, люди помчатся
К звёздам на быстрых стальных кораблях.

Все стихотворные тексты песен у Горчакова – это профессионально написанная поэзия, с поучительным началом.

Во втором томе драматургии Геня Горчакова «Пьесы (книга вторая)» опубликованы пять пьес «Волк тундры» (действующие лица: Галл – молодой пастух, Африк – изгой, «волк тундры», Герасим – оленевод бедняк, Михай – богатый хозяин, Лука – старшина родового суда и другие), «Чтоб мы их не забыли» (действующие лица: Августа, Павел Чередов, Зоя, Михаил – отец Павла (в воспоминаниях), Андрей, Вера и другие), «Как Пера стал Богатырём» (действующие лица: Уля – сказительница, Лада – внучка, Пера – легендарный персонаж, Мусань – мать Перы, Йэрай – отец Перы, Пэтань – тётка Перы, Варсон – деревенский мужик, медведь), «И сердцу отрада, и счастье оплот» (действующие лица: Васса, Елизар, Наташа, Василий, Елисей и другие), «Ох, уж мне эта ревность» (действующие лица: Лисичкин, Кира, Лиза, Фима, Аксинья). Пьесы Геня Горчакова полны народных характеров, традиций коми людей, их сложной жизни, сопряжённой с охотой и земледелием, добыванием нехитрого пропитания.

Драма «Волк тундры» написана автором по мотивам повести П. Потапова и К. Парфёнова «Волк тундры», пьеса «Как Пера стал богатырём» создана по мотивам старинной легенды. «И сердцу отрада, и счастье оплот» – это мелодрама в двух действиях. А «Ох, уж мне эта ревность!» – комедия. С полной уверенностью можно сказать, что пьесы Геня Горчакова – это новое слово в драматургии нашего северного региона. Характеры северных людей, жизнь, связанная с сельским хозяйством, образы старой и новой жизни крестьян, как прежних, так и современных – это та планета, которую дарит читателю и зрителю драматург Гений Горчаков.

Исключительно народным юмором наполнены диалоги персонажей комедии «Ох, уж мне эта ревность!». Приведу один показательный отрывок:

«ФИМА: Спасибо вам, Пётр Серафимович.

ПЁТР: Не за что. (Протягивает ей руку, она подаёт свою, и Лисичкин целует реку, она делает книксен и уходит).

КИРА: (всё время излишне подозрительно следила за мужем) Ну, удовлетворён?

ПЁТР: Чем?

КИРА: Чего уж только руку целовать, нужно было в губы чмокнуть!

ПЁТР: Так, я вижу, и вправду ревнуешь. Сначала всё укоряла, что на работе задерживаюсь, а теперь и к Лизиней подруге стала ревновать.

КИРА: Мои руки ты никогда не целовал! А этой верхивостке с радостью лижешь!

ПЁТР: Кирочка, перестань же ты сердце надирать, и голову мутить. Я люблю только тебя!

КИРА: А почему ты её руки целуешь, а мои нет?

ПЁТР: Поцелую, если тебе так хочется, поцелую... (целует) Я не только твои руки, но и лицо твоё и губы расцелую... (целует) Ну? Довольна?

КИРА: Нет!

ПЁТР: Почему!?

КИРА: Всё надо делать своевременно, а не ждать, когда тебя носом ткнут!»

Но особенно мне бы хотелось остановиться на двух пьесах Гения Горчакова, которые, как мне кажется, более остальных достойны современного сценического воплощения. Это «Чтобы мы их не забыли» и «Как Пера стал богатырём».

В пьесе «Чтобы мы не забыли» современная жизнь переплетается с картинами боёв Великой Отечественной войны. Горчаков анализирует современную жизнь с преломлением приоритетов в общественном сознании людей, с жёсткой, а порой и жестокой, коммерциализацией обычной жизни простых горожан, когда личная нажива застилает взор, и не такая далёкая история героизма уходит не то чтобы на задний план, а как бы вообще растворяется в пространстве. Потёртая гимнастёрка военных лет, принадлежавшая деду, сохраняется в семье. На ней висят военные ордена и медали, это не только гордость и слава всей семьи, - это символ памяти. Любовная линия, по мнению автора, ставит окончательную точку в его понимании жизни. Главная героиня Августа выбирает в мужа не «богатенького» Бронислава, а недавнего военнотружущаго солдата, а ныне перспективного студента, будущего инженера, Андрея.

Главный вывод, к которому всей своей пьесой «Как Пера стал Богатырём» Гений Горчаков подводит зрителей и читателей, заключается в том, что «Богатырём может быть не тот, кто накачал и имеет большую силу, а тот, кто не жалея себя и своей жизни способен и делает добрые дела». Сюжетная ткань пьесы основывается на рассказе Ули своей внучке Ладе о том, как кончились детство и юность Перы-Богатыря. Он из-за своего поведения, из-за того, что унижал и обижал сверстников, кичась удалой силой, из-за того, что оставил мать в трудные минуты без помощи и присмотра, судьбой был лишён силы и роста. И только после того, как, не жалея своей жизни, пошёл против медведя и спас отца, ему были возвращены богатырские сила и рост.

Вообще же, на мой взгляд, все пьесы гения Горчакова, представленные в издании интересны, написаны современным языком, раскрывают характеры северных людей и имеют приключенческие сюжетные линии, которые заставляют как читателя, так и зрителя неотрывно следить за действием.

ПОЭЗИЯ

Народный поэт Республики Коми **Надежда Мирошниченко** в 2010 году порадовала своих многочисленных почитателей стихотворным сборником с простым названием «**Родному городу**». Эта книжка в её творческой судьбе двенадцатая по счёту. В ней собраны мои любимые стихи «Провинция любит потом...», «Наслушалась песен, и сразу на сердце отрада...», «Русская песня», «Певчая птица, куда ты от нас улетела» и многие другие. Открывается сборник стихотворным признанием в любви столице Коми края («Не было поезда. Скажете: странно...»):

И уговаривать нас перестаньте,
Всё не о том говоря.
Ведь в чёрно-белом своём варианте
Не унывала земля.
Выжила, вынесла, переболела,
Чтобы остался в веках
Город с вокзалами, с полночью белой.
С Вычегдою на руках.

Надежда Александровна Лауреат Государственной премии Республики Коми, Литературной премии Союза писателей России и Республики Саха (Якутия) «Северная звезда», литературной премии журнала «Наш современник», Большой литературной премии России, газеты «Литературная Россия» за публицистику по русскому вопросу. Её пронзительная поэзия всегда отличалась высоким патриотизмом и любовью к Родине, её душа, ум и сердце всегда неизменно верны русскому народу («Изба» Герою Отечества, русскому писателю Николаю Иванову):

Я боюсь, что вдруг настанет день,
Ведь в семье у нас не без уroda,
Выстрелит безумная свобода
В сердце православного народа –
Самую последнюю мишень.

В поэзии Мирошниченко слово «Любовь» всегда с большой буквы, будь она к Родине или народу русскому, или самая что ни на есть земная и обычная к мужчине («Защитайтесь, вы пропали...», «Речка Черная Калитва», «Скажи, зачем так сладко пахнут розы?..», «А он спросил: «А ты меня любила?..»). Вот что она пишет в одном из своих новых, впервые опубликованных стихотворений («А до черёмухи осталось пять минут...»):

А до черёмухи осталось пять минут.
И мне покажется, что жизнь не коротка.
И пусть опять меня дороги отберут,
Но так они же и вернут, наверняка.
И эта нежность откровенная земли
С разливом зелени и вешнею водой
Меня окликнет чистой памятью вдали.
И снова радости начнётся водопой.

Заканчивается стихотворная подборка поэтического сборника Надежды Мирошниченко «Родному городу» строчками полными осознанного оптимизма, в которых царит уверенность в будущей полной счастья жизни. Магия поэтических чувств автора действует чарующе на читателя, и он тоже начинает верить в то, что впереди всё будет хорошо, спасибо ей за это («Мне выпала на свете часть земли...»):

У жизни счастья не просила я.
И хоть успех казался невозможен,
Со мной дружили лучшие друзья.
И верный муж мой до сих пор надёжен.
Свою судьбу за срывы не кляня,
Я благодарна ей за всё на свете.
И Родина всех лучше у меня.
И лучше всех мои родные дети.

В 2010 году вышел в свет первый полновесный сборник стихов воркутинца **Андрея Шабанова**, назвал он его «**Обитаемый остров**». А. Шабанов работал шахтёром, фотографом, грузчиком, осветителем и художником в народном театре. С 1991 года в профессиональной журналистике: редактор, директор телестудии, собкор КРТК по Воркуте, ведущий программ «Коми Гор», главный редактор телекомпании «ТВ Гало». Его стихи публиковались в литературных сборниках и альманахах, городской и республиканской прессе, журналах «Север» и «Войвыв кодзув».

Поэт Шабанов настоящий лирик, в этом не устаёшь убеждаться, читая его книгу («Бред»):

Я бреду по росе.
По траве, по Земле, по России.
Обретаю всё то, что ещё не успел приобрести.
Стать хотелось бы мне заводным,
Молодым и красивым!
Стать-то можно, наверно,
Да не про меня эта честь.
Всё очистил в дому –
Даже медной трубы не осталось!
Дую на воду: надо сегодня поменьше огня.
Цвет ещё сохранился –
Он, предположительно, алый.
Можно выяснить точно, но это уже без меня...

Вот что написала о его творчестве критик Ольга Хмара в своей вступительной статье: «Его художественный мир чувственно достоверен и материально насыщен. Истина времени у поэта состоит в том, что не будущее, а вечное является его целью. Композиция многих стихотворений основана на временных сдвигах, то мельчайших, то захватывающих всю жизнь, то выходящих за её пределы». Ещё в далёких восьмидесятых, когда мы были с ним знакомы по литературному объединению «Сыктывкарская мастерская», поэт сделал свой выбор («Выбор» - этим стихотворением Андрей Шабанов открывает сборник):

Предмет поэзии –
Всё то,
Что отворяется поэту
Его взыскующим стыдом
За суд над избранным предметом.
И если произнесены
Слова сомнений и заклятий, -
Пора подумать об закладе
Души: у Славы –
Иль Сумы...

Структурно книгу составляют несколько глав. Названия их символичны. Первая глава «На взлёте» («Сосна стоящим», «На крутом берегу Наровы», «Полоса отчуждения», «Слепой дождь», цикл «Ориентиры» и другие). Вторая глава «На пределе» (цикл «Круги на воде», цикл «Воск», цикл «Троеперстие»). И третья глава «На приколе» («Былое и думы», «Лежачий камень», «Мёртвая зыбь», «Чёрная речка», «Шовинист» и другие).

Несколько стихотворений посвящено близкой мне лично военной тематике, например, «Снайпера»:

Он тоже целился в меня,
Когда я по душманам метил.
Казалось, воевали вместе,
На общей линии огня...
Загранотрядам – пропасть лет,
Как не пропасть на поединке,
Есть только он, один совет:
Стреляй вперёд!
Останься диким!

«Как всякий стоящий поэт, Шабанов, - считает О. Хмара, - не бесспорен. И в этом особая прелесть его творчества. Оно хорошо сдобрено реминисценциями и аллюзиями, и «острые рёбра подтекста» имеют место быть в его стихах. Он многогранен и притягателен». И в этой оценке творчества автора «Обитаемого острова» я полностью согласен. Книга, думаю, будет интересна многим почитателям поэзии.

Книжка стихов **Алексея Ивлева**, вышедшая в свет в издательстве Союза писателей Республики Коми, была им названа «**Это – моя земля!**» по первой строке одного из программных, на мой взгляд, в его творчестве стихотворений:

Это – моя земля!
От облака и до погоста.
Со всем,
Что в ней сложно и просто.
От слёз и до хрустала.
От праха могил расстрельных,
От крови своей и чужой –
И до пасхальных
Пастельных
Небес с голубой водой...

В сборник вошли около тридцати стихотворений. Основной принцип составления: разнообразие тематического ряда. Есть в книге стихи, посвящённые любви («Как много надо женщине...»), «Почему можно счастье в лицо не узнать...»), геологии и природе («Как хорошо разжечь костёр...», «Как снег бывает разговорчив по утрам...»), рассказы-вающие об исторических коллизиях нашей страны, ГУЛАГе («Воркута», «Лесные посёлки») и патриотической тематики («Мы – спасение России...», «Как Родина вещественна...»), военной, в которых у автора переплетаются Первая мировая, Великая Отечественная 1941-1945-го годов и современные боевые действия в Афганистане и Чечне («Сен-Женевьев де Буа», «Старик, ты из тех, кто выжил...», «У парня была медаль...», «Две отметки на теле оставила парню война...»):

На улице – не весна
И не 45-й год...
Медали и ордена
Дед в будни прятал в комод,
А в праздники грудь цвела
От боевых наград.
И белой кожа была,
Где шрам оставил снаряд.
И дед был уверен в том,
Что он защищал страну...
Эх...
Кто бы сказал – за что
В сегодняшнюю войну?

Сборник Ивлева полон замечательными стихами, теми, которое берут за душу, и единожды прочитанные, уже не отпускают твою память никогда.

А под зонтиком моим
от дождя укрылась Муза,
Тихо шепчет мне стихи
на мотив ночного блюза.
Успокоится к утру дождик,

музыка всё тише,
Дворник-ветер оборвёт
утром мокрые афиши.

Это поэтические строки, как нельзя лучше передающие общий лирический настрой всей книги, из сборника стихов и песен **Анатолия Вотякова «О друзьях и Северах»**, который тематически разбит на несколько разделов. Это «О друзьях и Северах» («Приполярный романс», «Снова тянет меня не домой, не на юг...», «Песенка о Печоре и о друге» и другие), «Времена года» («Сотрутся краски лета...», «Голубыми лоскутами небо дыры залатало...», «Свет фонарного столба липнет к мокрому асфальту...» и другие), «Послесловие любви» («Дуэт», «Ключи», «Два посвящения женщине» и другие), «Меланхолизмы» («Быстро зима настала...», «Ночной разговор», «В третий раз промахнулась колючая...» и другие), «Отцу» («Плачет отец...», «Ты прости, что встретились так поздно...»), «Дочурке» («Тишина, в лесу морозно...», «Бежит, бежит наш поезд...», «О некрасивых животных» и другие). А так же раздел «Стихи, которые поются», в котором представлены песни на стихотворные тексты поэтов Евгения Измestьева, Ларисы Чарушиной, Олега Рочева, Андрея Нитченко. Открывает книгу А. Вотяков словами («Писать стихи – занятия проще нет...»):

Как коротки часы ночные и тихи.
За перекрёстьем рам уже встаёт рассвет.
В права вступает проза.
А стихи
До вечера отложит в стол поэт.

Анатолий Вотяков – автор двух сборников стихов и песен, многочисленных поэтических публикаций в прессе, литературных сборниках и альманахах, писать стихи стал уже в зрелом возрасте. Точнее, стал писать песни и исполнять их под гитару друзьям. На протяжении нескольких лет участвует в различных фестивалях авторской песни, как в Республике Коми, так и в других регионах России. Вотяков родился в Батуми, рос в Астрахани, а живёт и работает в Сыктывкаре. По профессии он – детский врач «скорой помощи», а по жизни спортсмен и путешественник. Занимался плаванием, единоборствами, спортивным туризмом, альпинизмом. Его поэтические тексты всегда строятся на контрасте, на «нестыковке» частного и общего, как это происходит, например, в его стихотворении «Чёрно-белая картина...»:

Облака висят устало
У крутых вершин
Приполярного Урала
Много долгих зим.
Много осеней и вёсен
И холодных лет
На заснеженных вершинах
Только белый свет.
Белый снег под белым небом,
Лишь от снежных лыж
Позади два белых следа.
...Северная тишь.

Третья книга Вотякова «О друзьях и Северах», в которой около четырёх десятков стихотворений, оформлена завораживающими графическими работами молодой, талантливой сыктывкарской художницы Полины Гайнерт и снабжена диском с песнями поэта и барда.

Андрей Попов родился в Воркуте. Живёт и работает сейчас в Сыктывкаре. Он автор восьми поэтических сборников, публиковался в журналах «Наш современник», «Север», «Арт», «Арион», «Мир севера», «Крещатик», «Московский вестник», стихи переведены на венгерский язык. А. Попов лауреат премии еженедельника «Литературная Россия» за 2000 год. В 2010 году в свет вышел его очередной сборник стихов «**Хождение по водам**», открыл который поэт стихотворением-признанием в любви к литературе:

Сердце болит от шума,
Знобит от магнитной бури.
Можно о смерти думать,
О милой литературе,
Что годы судьбы и света
Куда-то легко уносит,
О том, что в душе поэта
И в небе – поздняя осень.

В поэзии Андрей Попов – тонко чувствующий людей и окружающий мир лирик. Его поэтические строки почти всегда восходят до философского понимания смысла человеческого пребывания на земле. Во всех его современных стихотворных произведениях сквозит трагическая нота. Это связано с потерей единственного сына:

Снова плачу. И плачет мать.
Поминальный едим обед.
Расскажи, как нам с ней понять,
Что тебя больше с нами нет.
Может, спустишься с высоты,
На минутку зайдёшь домой?..
Я так верю, что слышишь ты.
Я так верю, что ты живой.

В новую книгу поэта вошли около тридцати проникновенных стихотворения («Провинция пылко нелепа...», «Всё сбудется, Марина...», «Сердце верит, не устанет...», «Мне не понять изысканность унылых...», «Родимый город, как мне надоели...», «Помолись обо мне, сынок...» и другие), в которых описана вся многотрудная жизнь лирического героя Андрея Попова. И многотрудна она не жизненными коллизиями, а сложной духовной жизнью, метаниями и поиском истинного себя, частички огромного мира («Свежа осенняя прохлада...»):

Свежа осенняя прохлада.
И краски осени свежи!
Но смысл дождя и листопада
В преображении души.
Приму я узкую дорогу
И поздней осени порыв,
Что надо подниматься к Богу,
Любовь и дождь соединив,
И слышать в невысоком слоге
Иной покой небесных лир,
И видеть, пребывая в Боге,
Себя и весь осенний мир.

Уже вошло в традицию, и литературный альманах «Сыктывкар» об этом писал, что в год у Андрея Попова выходит в свет обычно по две книги стихов. Так произошло и в этот раз. В 2010 году Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуника-

циям был напечатан его поэтический сборник под названием «Смысл дождя и листопада». Который открывается стихотворением «Свежа осенняя прохлада...»:

Свежа осенняя прохлада.
И краски осени свежи!
Но смысл дождя и листопада –
В преображении души.
Приму я узкую дорогу
И поздней осени порыв,
Что надо подниматься к Богу,
Любовь и дождь соединив.

Книга включила в себя около ста сорока стихотворений, как уже неоднократно публиковавшихся, так и совершенно новых. Автор разбил сборник на три главы: «Я люблю возвращаться домой» («Берег любви», «В незваных гостях», «Их нет уже, а мне поверить трудно...», «Сердце болит от шума...», «Прочтут стихи, что ничего не значат...» и другие), «Кто-то помолится обо мне...» («Ищешь чувственную дрожью...», Днём или, может, порою ночью...», «Пророки читают молитвы...», «Луговые цветы завтра выбросят в печь...», «Сердце ничего не понимает...», «Первый снег» и другие), «К кому приходят ангелы?» («Священник терпеливо слушал», «Генералы вокзала», «Морская прогулка», «Вчерашнее вина», «Простимея, друзья, без печали...», «И видели они в гробу...» и другие). В одном из них, закрывая сборник, поэт написал («Вновь наступит весна, возвращая надежды приметам...»):

Терпеливо и бережно перелистает страницы –
Многолетних раздумий и опытов краткий итог.
По счастливой случайности в сборнике том сохранится
Моё лучшее стихотворение – несколько строк.
И она их прочтёт – не поймёт невесёлый мой юмор,
Но она улыбнётся – на улице будет весна.
И подумает: «Бедный, когда, интересно, он умер?
И какая была у него, интересно, жена?»

Новый поэтический сборник Андрея Попова «Смысл дождя и листопада» - это лирический дневник, в светлых тонах которого нашли естественное сочетание гармония мысли и чувств, исповедальность интонаций, многозначность образов, как, например это происходит в стихотворении «Судьба»:

Жил русский поэт – он от Бога обрёл
Сердечное слово, державный глагол,
Молитвенный вздох Валаамской тиши,
Смиренье и меч православной души,
Лицейский бонтон, холмогорский подзол...
В крещенский мороз он ко Спасу ушёл.
Но только и ныне в прозрачных стихах
Ревниво находят имперский размах.
Находят опасный имперский аршин
И веру в имперскую волю равнин.
Давно претерпеть и посмертную месть
Тому, кто не предал российскую честь.

Стихи сыктывкарского поэта Андрея Попова – о главном: о состоянии души человеческой, её чистоте и глубине чувств, о вере как звезде путеводной, о сердце, которому чужда бесстрастная созерцательность. Стихи этого поэта, известного в республике и за её

пределами, искренни и современны, они требуют вдумчивого прочтения, углублённого осмысления.

Александр Суворов – имя в русской литературе Республики Коми более чем известное. Он член Союза писателей России, автор трёх книг стихов «Чёрный ящик», «Память огня», «Вещий ветер», а также книги прозы «Вспышки». В них автор размышляет о современности и истории, о сложностях бытия и человеческих взаимоотношений, о судьбе северной природы и Вселенной («Чем выше человек...»):

Чем выше человек,
Тем ниже потолок.
Чем дольше длится век,
Тем ближе к сердцу Бог.
Шагают, не спеша,
Вселенские века.
Ты не ленись, душа,
Расти до потолка.

Произведения Александра Суворова публиковались во всероссийских журналах «Север», «Наш современник», «Дальний Восток», «Мир Севера», «Медный всадник», «Техника – молодёжи», «Уральский следопыт» и других, в национальных журналах «Войвыв кодзув» и «Карелия» (в переводах), в альманахах и коллективных сборниках, а также в республиканской периодической печати. Его стихи переводились на коми, венгерский и финский языки. Они всегда были близки простому народному восприятию жизни («Дремлет над рекой село...»):

Быстрой луговой тропой
Торопясь к обеду.
Ветерок бежит за мной,
Словно пёс, по следу.
По стеклу кузнечик бьёт
Звонким молоточком.
Луг жару неспешно пьёт –
Будто по глоточкам.

В 2010 году Александр Суворов выпустил в свет в серии «Народная библиотека» свой новый сборник стихов **«Из одного колодца»**, редактором которого выступила Надежда Мирошниченко. В книге под одной обложкой собраны около тридцати стихотворений разных лет («Нектар», «Бедность», «Путь крутой», «Обрывы», «Вьюга», «Нигде», «Властолюбие», «Ворона» «Репка» и другие), которые дают полное представление о поэтическом творчестве автора, потому что, на мой взгляд, данный сборник достаточно профессионально составлен. Ведь, если начинается он строчками, наполненными ёмким философским смыслом: «Блуждаем в дебрях естества, В потёмках бездорожья. Имеют вес лишь те слова, В которых правда Божья...», то завершается программным стихотворением для этого автора «Северянин», в котором чистой нотой звучит любовь к малой родине:

Птицей под утро с прозрачных высот
Тихо спущусь я на берег.
Нечего делать мне среди красот
Даже обеих Америк.
Я северянин и нужен пока
Северным этим пространствам.
Белые ночи плывут сквозь века –

туры Сыктывкарской администрации. Традиционно под обложкой этого номера сошлись вместе, как вода и пламень, проза с поэзией.

Прозаический ряд произведений представлен авторами именитыми и только делающими первые шаги в литературе. Так в жанре повести выступили: Ефим Бернштейн (документальная повесть «Разные дни войны в воспоминаниях солдата»), Владимир Гоголь («Красное платье и белые розы»), Михаил Гадомский «Приполярные судьбы», Евгений Суворов («Счастье»), Альберт Бернштейн («Письма дочери»). Автор этих заметок представил на суд читателей отрывки из своего нового романа, заключительной части трилогии «След Ночного Волка» - «Марш-бросок в горы».

Рассказ в альманахе представлен более обширной, чем повесть, авторской галереей. Это и Тамара Ломбина «Давным-давно в детстве», и Иван Белых «Дыхание осени» (в переводе с коми на русский Г. Марковой, А. Канева), и охотничьи бывальщины Александра Парначёва «Как я свалился с засидки», а также Николая Терентьева «Танцы любви на болоте». Дебютировали со своей малой прозой в книге Екатерина Изюмская «Две спицы и нитка», Дарья Чистоусова «Катя-Катя, Катерина», Сергей Мирошников «Непредвиденный герой», Юлия Соболева «Про жизнь, любовь и собаку» и Александр Селяков «Дед, прадед и я».

В жанре художественного очерка выступили Рафаил (Александр) Клейн «Избавление от нагрузки», описавший сложные житейские взаимоотношения «штатного сценариста» торжественных мероприятий с местной властью, Валентин Охупкин «Чаша терпения», посвятивший свой литературный труд жизнеописанию Александра (Рафаила) Клейна, и Вениамин Полещиков «Декабрист в Коми крае», документально исследовавший пребывание в Усть-Сысольске декабриста Григория Абрамовича Перетца, рекомендованного в тайное общество «высшими флотскими и военными чинами».

Литературная критика и литературоведение представлены в альманахе обзорной статьёй «Книги поэзии и прозы, альманахи русских писателей Республики Коми в 2009 году», рецензией Алексея Иевлева на сборник стихов и прозы членов литературного объединения национально-культурного центра «ЛИСТ» Сыктывкарского гуманитарного колледжа им. И.А. Куратова «Капельки жизни» и эссе Ирины Величко о романе Михаила Герцмана «Тупица» под экстравагантным с точки зрения автора названием «М. Герцману про «Тупиц»».

Отдельного разговора требует раздел поэзии в альманахе «Сыктывкар». Начну с того, что в нём представлены стихи замечательных российских поэтов мирового уровня Надежды Александровны Мирошниченко и Владимира Александровича Силкина, творчество которых широко известно как в России, так и за рубежом. Их стихотворные тексты задают именно ту нужную для современной молодёжной поэзии высокую планку творчества (В. Силкин «Бор»):

Песнь соловьиная в этом бору,
Тишь первозданная здесь поутру.
Я полюбил этот лиственный храм,
Настежь открытый свободным ветрам.
И потому я счастливым живу,
Что понимаю и лес и траву.

Отдельного слова заслуживают несколько написанных с искромётным юмором пародий Алексея Карпова («Бастионная лабуда», «Фальшивый поцелуй», «Дело в шляпе») на «поэтические» вставки в одной из республиканских газет «Красное знамя» некоего В. Томского к публикуемым на полосе фотографиям обнажённых девиц. Жанр поэтической пародии в нашем региональном литературном процессе явление достаточно ред-

кое, но, мне кажется, поэту, одарённому чувством юмора невозможно пройти мимо подобных строк: «В поцелуях пенных струй / Ты идёшь ко мне, ликуя. / Что ж я к этим поцелуям / Свой добавлю поцелуй». А вот и достойный ответ А. Карпова на сии с позволения сказать «стихотворные» В. Томского строки:

Весь в мечтах – к нему идёт
Будто бы она, ликуя.
Он, готовый к поцелуям,
Приготовил пенный рот.
... И уже готов нести
Слово в массы непременно.
И от выпердов нетленных
Мир, конечно, не спасти.

Широко известна в республике и за её пределами поэзия Николая Щукина («Прощу считать меня солдатом...»), Виктора Демидова («Вернусь дыханием весенним...»), Раисы Куклиной («Ах, первый узелок...»), Андрея Попова («Кто-то тайную волно изрёк...»), Анатолия Илларионова («Бегут по тропке муравьи...»), Юрия Ионова («С огорода у озера – мать и сынок...»), Алексея Иевлева («В России талантов – богато!»), Сергея Журавлёва («Скифские бабы»), Валерия Вьюхина («Былое»), Александра Суворова («Невесомая тяжесть судьбы...»). Их стихи тоже представлены читателям в альманахе. Но особенно порадовала небольшая подборка поэзии коми литератора, пишущего и на русском языке, Александра Некрасова («Письмо с ответом», «Сказка-быль», «Соловей»), живительный родник которой питается исконно народным восприятием мира людей и природы, в одном из своих стихотворений народный поэт восклицает:

Попросила ты у Бога счастья и любви.
Привела тебя дорога в небеса мои.
Загорелись звёзды ярко, освещая путь,
Где под радужною аркой днём цветы поют.
Велико небес участие, благодарной будь!
Наша встреча нам на счастье, а не на беду.
Я давно просил у Бога счастья и любви.
Их теперь у нас так много, Боже, сохрани!

Представлено в альманахе «Сыктывкар» и поэтическое творчество городских литературных объединений. Лито Сыктывкарского госуниверситета (А. Чальшева, М. Иголина), лито «У камелька» (Л. Ханаева, Е. Филипченко, Л. Чебыкина, В. Бурдин, А. Вотяков, Т. Барышева, А. Зубков, Н. Николаева, И. Худoley, Н. Зонova, О. Рочев, М. Прилуцкая, Л. Копейкина), лито «ЛИСТ» (Е. Соцков, В. Александров, Д. Чистоусова, В. Бажукова, А. Суворова, С. Мирошников, А. Василенко). В их стихах есть место эксперименту, чем они и интересны.

В своей статье «Вырасти своё дерево» историк и литературовед Игорь Жеребцов написал «Начало XXI века, особенно в нашем северном крае, характеризуется поисками многими людьми своего духовного начала. Видимо, это не случайно. Мы начинаем понимать, что проблемы, которые накопились вокруг нас, в нас самих. Только человек, обогативший себя всеми нравственными качествами, тоньше и глубже понимает всю полноту жизни и находит в большом мире вечности тот заветный островок, к которому он стремится. Большое – оно всегда рядом, только надо внимательно приглядеться. Свой вклад в эту большую и бесценную работу внесёт и книга «Добро добром воздастся»...». Этот **сборник прозы и поэзии** вышел в свет в издательско-полиграфическом отделе ООО «КРТ».

На его страницах опубликовали свои очерки и рассказы А. Торлопова («Хочешь быть счастливым – будь...»), А. Торлопов («Родину продают, но купить родину нельзя...»), А. Ялыгина («Все хотят жить долго, никто не хочет быть старым»), Л. Исакова («Камней много, но не каждый из них памятник»), Т. Селькова («Из камня можно высечь искру, но камень зажечь не возможно»), Л. Ильина («Душевное богатство женщины – капитал семейной жизни»), Т. Попова («Счастье, как здоровье, когда его много, не замечаешь»), И. Торлопова («А я в дороге, я в пути...»), С. Шарапова («Истина не домоседка, она дойдёт до всех»), С. Никитенко («Каждого человека нужно мерить его мерами») и С. Ялыгина («Следуй по дороге своего счастья»).

Высокую оценку данный сборник получил в Союзе писателей Республики Коми, вот что написала о нём его председатель, писательница Елена Козлова: «Люди, населяющие побережье Средней Вычегды, всегда гордились своим происхождением. Книга «Пычим в сердце моём», вышедшая в свет в 2010 году, авторами которой являются известные в республике люди, выходцы из лесного посёлка, уже покорила сердца читателей. И новая книга, одним из авторов которой является Владимир Торлопов, является проявлением уважения не только к малой родине, но и к истокам родословия каждого из нас...» - это, в том числе сказано, и о документальной повести Владимира Торлопова «Добро добром воздастся».

Документальная повесть Владимира Торлопова «Добро добром воздастся» рассказывает о жизненном пути простого российского паренька с периферии огромной России. С самого раннего детства и до тех высот, которые возможно достигнуть в социальном положении работающему человеку. Она написана на добротном материале воспоминаний о поселковом детстве (и очень близка автору данных заметок, тоже выросшему в прилагерном поселке-лесопункте). Маленький человек с помощью деда и отца постигает науку жизни, вернее науку выживания в тайге на охоте, на реке на рыбалке... Пройдя такую школу главному персонажу повести уже не страшно жить и работать в современном обществе людей.

С большой любовью показана автором простая поселковая жизнь деревенских пацанов. Рассказано о рыбалке, об охоте, все премудрости производства кустарных санок. А каков на вкус гимн русской бане, с описанием всего исконного ритуала парения берёзовыми вениками. Текст повести периодически перемежается «поучениями» деда, и каждое «поучение» - это своеобразная притча из его собственной жизни. Все мы помним замечательные повести русских писателей 19-го и 20-го веков, посвящённые «Детству», «Отрочеству» и «Юности» (Аксаков, Толстой, Горький и другие) - корни документальной повести В. Торлопова отсюда. А вот сопоставление жизни «деревенской» и «городской», когда главный герой переезжает с родителями в Сыктывкар, не в пользу последней – это уже мотивы из прозы Шукшинской.

Повесть В. Торлопова «Добро добром воздастся» написана замечательным образным русским языком. Чтобы не быть голословным приведу в пример небольшой отрывок текста, описывающий природу: «Бабе лето с тёплым дыханием ветра принесло и волшебную кисть художника. И эта кисть шла по тайге и оставляла мазки золотистыми красками берёзам. Охрой – листьям осины и рябины, бурой – камышам. На небе появились голубые промоины. Днём на огородах пахло горелой ботвой, вечерами от реки шёл запах печёной картошки. Пацаны кучковались, жгли костры и пекли в золе ароматную картошечку. А потом её, горяченькую, перекидывая с одной ладони на другую, слегка посыпав солью, с наслаждением улетали, будто никогда и ничего вкуснее этой картошечки и не ели. По утрам плотные туманы, застелив пойму реки, долго висели над водой. Берегов реки было не видно, казалось, по земле плывёт пенистое парное молоко...»

Украсила, на мой взгляд, и разнообразила сборник поэтическая подборка Вадима Говорова, составленная из нескольких стихотворений («Мой маленький город...»), «Стоят деревья, качаясь...», «Как делают блага», «Песня про Сыктывкар», «Колыбельная», «В вас можно запросто влюбиться...», «Нет ничего чернее, чем земля...», «Я на волю хочу, на волю...», «Когда наблюдаешь вокруг...», «Любовь, так и осталась для всех тайной...»). Начал он её строчками:

Мой маленький город,
Такой одинокий, среди ледяных одеял.
Мой маленький город
Надолго в сугробах застрял.
Здесь воют метели,
Подчас по неделе,
Кусает за щёки мороз.
И время течёт тут у нас еле-еле,
Курьёз...

В своей статье «Голос свободы меня позвал...» поэт Андрей Попов так написал о подборке стихов Вадима Говорова, опубликованной в сборнике «Добро добром возрадуются»: «Написание настоящих стихов можно сравнить с тем, как река начинает пробивать своё русло – искать свой путь к океану. Сначала она спешит, волнуется на перекрестках, а потом уже входит в равнину и медленно несёт свои воды. Так и поэт: в молодости топчется, волнуется, чтобы в зрелости обрести мудрость и судьбу, а главное право говорить. Вадим Говоров только в начале своего поэтического пути. И дальше будет только от него зависеть, станет ли он профессиональным литератором или всё-таки предпочтёт писать исключительно для своих близких и знакомых. Последнее, к слову, тоже достойно и хорошо. Порадовать родных поэтическим словом – это тоже надо уметь, и это надо хотеть уметь. При этом такие строчки Вадима Говорова как «Дождь обнимает прохожих», «окунуться в небо», «бетонный плен» говорят об образности мышления автора, о том, что в его личности есть поэтическая жилка. В стихах Вадима достаточно формальной небезупречности, технических просчётов, но есть и искренность, есть и настоящие чувства. Повторюсь, главное, что его душа хочет говорить, через жизненные реалии выразить своё воображение».

В подтверждение выше сказанному приведу одно из стихотворений Вадима Говорова («Ах, какое небо голубое...»):

Ах, какое небо голубое!
Как сочна зелёная трава.
Как прекрасно всё вокруг земное,
Даже чуть кружится голова.
Краски яркие, звуки умиляют,
Запах чуден, мир так многолик.
Непрестанно этим восхищает,
Непрестанно, то есть каждый миг.
Каждый миг рождает вдохновенье,
Растворяясь чувствами в груди.
Разве может быть ещё сравненье,
Только счастье этому сродни.

Когда знакомился в этой книге с творчеством Вадима Говорова (Китова – под такой фамилией ранее я читал его стихи на одной из творческих встреч лито «У камелька») вдруг из предварающего подборку авторского текста и личных фотографий автора узнал

в его жене интересную начинающую поэтессу, которая в одночасье почему-то перестала выходить к читателю со своими стихами, одну из лучших своих учениц в литературном объединении Национально-культурного центра Сыктывкарского педагогического колледжа имени И.А. Куратова «ЛИСТ» Алевтину Говорову, которая родила ему сына Ванечку. Очень отраднo то, что две творческие натуры нашли друг друга в этом сложном мире.

В одной из своих статей сын замечательного коми писателя Петра Шахова, журналист Виталий Шахов («Красное знамя», вторник, 9 ноября 2010 г.) назвал Александра Сугорова известным журналистом и писателем, таким образом, дав его творчеству высокую оценку. Грех с ним не согласиться. На сегодняшний день в его писательском арсенале пятнадцать книг художественных очерков и прозы. Он один из самых плодотворных литераторов в республике. В сборнике «Добро добром воздастся» Сугоров выступил с документальной повестью под названием «Благородно то, что бескорыстно», посвящённой жизненному пути участника Великой Отечественной войны Григория Ялыгина.

В этой повести Александр Сугоров рассказывает читателям не только о трудной жизни главного персонажа, но и описывает историю всей нашей страны, даёт оценку событиям, участником в которых был и его герой. Повесть состоит, казалось бы, из незамысловатых историй о простом солдатском житье-бытье на войне, но за этой простотой стоит весь ужас пережитого нашим народом страдания. Произведение читается легко, благодаря интересной сюжетной линии и хорошему повествовательному стилю авторской речи.

Сюжетная линия проста: молодой учитель, попавший работать в сельскую школу, знакомится на летнем сенокосе для леспромхозовских лошадей, с бывшим фронтовиком, который без прикрас советской пропаганды тогдашних кинолент рассказывает ему всю правду о настоящей окопной войне. Сугоров – автор, ворвавшийся в литературу республики, не спросив разрешения у чиновников от литературы и местного минкульта под руководством Юрковского. Так же поступили только его соотечественники композитор Михаил Герцман со своими двумя романами «Тупица» и «Тупица-2» и фотохудожник Вячеслав Шульгин (о которых писал ранее в обзорных статьях) со своими многочисленными романами и повестями, опубликованными за пару-тройку лет.

Приходит время и человек начинает задумываться о том, как и зачем он живёт. И понимает, что во всём есть какое-то начало, а именно взаимодействие с родом. Род – это наши корни. Каждый род – это грань человечества. К сожалению, многие в силу разных обстоятельств утратили своё родовое дерево. Но люди, которые старательно укрепляют это дерево, находят для себя нечто важное, духовное. Иисус сказал: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Родственники и есть самые ближние, которых надо любить, как себя. Любить и знать своих родственников – это означает не повторять их ошибок и развивать лучшие начала. Книга прозы, стихов и очерков «Добро добром воздастся» тому яркое подтверждение.

Явлением, достойным описания, стал выход в свет альманаха, посвящённого 65-летию великой Победы, который спонсировало ОАО «Монди СЛПК», под названием **«Победа в сердце каждого живёт»**. Вышел он в свет в издательско-полиграфическом отделе ООО «Коми республиканская типография». В сборнике были опубликованы произведения литераторов, работающих на этом лесоперерабатывающем комбинате. Начинается он стихами замечательной русской поэтессы Людмилы Чебыкиной («Друг мой, зачем я узнала тебя...», «Я буду некрасивою...», «Танец», «Две Родины. Отчизны две...», «Динь-дон – колокола...», «Снова, в который раз...», «По жесту, по взгляду, по нитке с рубашки...», «В эту ли сторону едет твой поезд, мой милый...»). Особенно лично меня тронуло её стихотворение «Я доверюсь тебе, как солдат своему командиру...»:

Я не стану пытаться
Решать за тебя да итожить
То, что пройдено, прожито,
То, что тобой решено.
Наши души сомнением больше
Не буду тревожить.
Но, пути выбирая,
Прошу тебя, помни одно:
В этом мире большом
Мы друг друга не выбрали сами –
Тут решаем не мы, а Господь,
Что над нами Един.
Так доверься и ты –
Как дитя своей любящей маме,
Как зерно – борозде,
Как солдату в бою – командир.

Вот что написал в своей вступительной статье председатель ПФО «Сыктывкарский ЛПК» Александр Слободчиков: «Мудрецы не раз говорили, что без прошлого нет будущего. Память – наше главное богатство, умение сохранить её – талант. И мне отрадно, что в Эжве живут люди, которым под силу не растерять эти ценности. В этой книге их творческие работы, посвящённые подвигу борьбы за свободу своей Родины, за её право самостоятельно решать её судьбу. Это писатели и поэты, те люди, умеющие чувствовать и испытывающие желание поделиться своими эмоциями с вами. Мы решили не ограничивать тематику работ только историями о Великой Отечественной войне. Празднование юбилея Победы – это ещё и отличный повод вспомнить и отдать дань почтения и уважения всем тем, кто защищал нашу землю на полях сражений в разные годы. Поэтому вы, надеюсь, с удовольствием прочтёте рассказы и стихи и о локальных конфликтах».

Прозу в этом литературном сборнике «Победа в сердце каждого живёт» опубликовали В. Гоголь повесть «Крестник» (о ней сказано выше), автор этих заметок повесть «Пуля заговорённая» (журнальный вариант романа «Жакан заговорённый» второй части трилогии «След Ночного Волка») и журналист газеты ОАО «Монди СЛПК» «Огни Вычегды» Александр Селяков, выступивший с несколькими рассказами «Внимание», «Очередь», «Твои ресницы», «Дед, прадед и я».

Поэтический блок сборника составили стихи Виктора Бурдина («Плачут свечи поминальные...»), «Мои желания легки, как мотыльки...», «Мне на сердце темно...», «Я крадусь тяжёлой ночью...», «Плющ заползает в окно моей комнаты дерзко...», «Мы уже не друзья – нашу дружбу разъяла рутина...», «Я гадаю по листьям опавших берёз...», «Напилась ли ты чаю без лимона...», «Тихий, солнечный октябрь...», «Что-то невесёлая выдалась пора...»), Юрия Габдулсалихова («Дорога», «По ягоду», «Лекарство», «Безответная», «Вор», «То ли поздно, то ли рано...», «Старость», «Эжба», «Одиночество», «Каждую ночь, а точнее вечер...», «Серый карандаш», «Дом соседний, под окном...»), Лилия Харатова («Уходят в армию сыны», «К 65-летию Победы», «Вам поклон до земли, ветераны...»), «Как жаль, что не знала я деда...»), Павел Булатов («Венчание со смертью», «Мама, не молись...», «Леди-ястреб», «Песня о Родине», «Чистое небо», «Волчья песнь» и другие), его лирика берёт за душу читателя, помогает разобраться в себе самом и окружающем мире («Не стучи запорошенной веткой...»):

Не стучи запорошенной веткой

В ледяное с узором окно,
Не шути надо мной, глупый ветер,
Над несчастьем смеяться грешно,
Зря пытаешься вызвать улыбку,
От подобных затей лишь больной,
Было счастье, как осенью зыбко
Золотое убранство ветвей.

Яркой звёздочкой зажглась на небосводе республиканского литературного процесса автор стихов и прозы Юлия Соболева. Её лирика, представлена в сборнике подборкой из четырнадцати стихотворений («Не стреляйте в птиц крылатых», «Подорожник», «Я бы просто убежала» и другие). Поэзия этого автора исключительно женственна и мила, её интересуют самые «приземлённые», обычные человеческие ценности («Разлука»):

Но молитвой прошу у Бога,
Чтоб судьба сохранила тебя...
Сохранила не только тело,
Обдавая его теплом,
Но и душу, чтоб та горела
Бесконечным живым огнём!

Радует то, что крепнут связи республиканских авторов с альманахом «**Литературный Кисловодск**». В его сентябрьском 39-ом номере были опубликованы проза Анатоли Плякина (рассказы «Идёшь на день – запасайся на неделю», «Как кур – в ощиц...») и его стихотворение «Геолог»:

Если ты в душе геолог,
То романтик ты насквозь,
И мечтанья об уюте
Навсегда свои отбрось.
Если ты в душе геолог –
Станет очагом костёр,
Обретёшь в своих маршрутах
Ты свободу и простор.

Этот номер альманаха «Литературный Кисловодск» посвящён 190-летию со дня рождения великого русского лирика Афанасия Фета. Под обложкой этого издания уместились произведения восьмидесяти авторов, проза, поэзия, литературная критика, краеведческие и публицистические статьи. Литераторы из Ставрополя, Кисловодска, Магадана, Питера, Москвы, Новопавловска, Ессентуков, Тольятти, Лермонтова, Пятигорска, Ростова-на-Дону, Минеральных Вод и других городов России давно и плодотворно сотрудничают с этим изданием. Координатором данного проекта является интересный русский писатель и подвижник Станислав Подольский.

Кроме Анатолия Плякина на страницах альманаха представлено творчество ещё одного ухтинца Геннадия Трофимова («Меня жизнь вот таким признала...», «С добрым летом», «Тяжелы облака над лесом...», «Ах ты, мать моя – перифирия!», «Я пёр на рожон на пределе сил...»), его стихи воспевают людей и природу ставшего ему родным Севера («Тишина со звоном комариным...»):

Тишина со звоном комариным
Придавила скудную тайгу.
Третью ночь отлёживаю спину
На речушки Елвы берегу.
Ель. Берёза. Окуни и щуки.

Котелок с застывшею ухой.
Душу осторожноенько ощупал
И осыпал мысли шелухой.

Большая часть полезной площади девятого выпуска эжвинского **литературного альманаха «У камелька»**, вышедшего в 2010 году в издательстве ООО «Полиграф-Сервис» традиционно отдана под произведения участников одноимённого литературного объединения. Вот как отозвалась на появление сборника литературовед Раиса Куклина: «Издание книги, безусловно, отрадный факт в жизни литературного объединения и каждого автора. Сборник «У камелька», на мой взгляд, получился особенным. Позитивным! Утверждение доброго, благодарного отношения к окружающему миру, к близким людям (а именно об этом можно прочесть во многих стихотворениях) создаёт позитивный настрой и способствует сохранению высоких чувств в душе и дружелюбия в сердце». Читая сборник, нельзя не согласиться с выводами учёного.

Дебютировала в нём, и это прекрасно, когда в изданиях подобного плана, публикуется молодёжь, Алёна Скульская («В забытых легче жить...», «Вот мне бы сына...»), в одном из стихотворений она написала в буквальном смысле крик истосковавшейся души:

В забытых легче жить,
Чем в изгнанных.
Израненных проступками
И ложью,
Порою обижаем даже
Избранных,
Бросая драгоценное
К подножью...

Альманах вышел в свет в год празднования 65-летия празднования Победы в Великой Отечественной войне (1941-1945 годов). Некоторые произведения, опубликованные в нём, посвящены этой теме. Так рассказы-воспоминания написаны Алексеем Сумароковым «Война», Валентиной Нестеровой «Один из многих», Еленой Новинской «Жёлудёвый хлеб». Стихи этой тематики опубликовали Людмила Ханаева («Ветеранам») и Маргарита Прилуцкая («Я помню», «Полдетства унесла война...», «Весна 45 года»). Их строки полны трагизма (М. Прилуцкая):

Полдетства унесла война.
Дни бесконечные – полдетства.
Немая стынь бомбоубежищ
Значенья грозного полна.
Так страшен был сирены вой!
С вещами, собранными в узел,
Мы с мамой в подземелья стужу
Спускались осенью сырой...

Прозу в альманахе «У камелька» представили Анатолий Вотяков рассказы, посвящённые трудной работе врача скорой помощи («Путаница», «Кататравма», «Ночные истории»), Екатерина Филипченко рассказ о добрых поступках совершенно незнакомых людей в отношении попавших беду («Подарки»), Людмила Ханаева рассказ о разном женском подходе к любви («Принцесса на горошине»).

Поэтический блок составили стихотворные подборки Маргариты Прилуцкой («Над туманными низинами...», «Дожди. Дожди. Расквасило дорогу...», «Июльский дождь недолго лёт...», «Деревня, как игрушка на холме...», «Было море барашково-белым...», «Кучи облаков, как иней светлый...», «Левого берега сизые кручи...», «Тол-

па», «Рубка леса», «Ищу тебя, мой вешний день...», «Этот лес таинственный и синий...», «Мой сын принёс в ладошке стрекозу...», «Нынче ягодой полны леса», «Не могу я от заводей детства...», «Не было рассветов...», Екатерины Филипченко («Покалеченное время...», «Луч солнца», «Застыло время. Бесконечный день...», «Что сделано, то сделано...»), Людмилы Чебыкиной («Греться зима насыпает снег...», «День начинается угрюмый и больной...», «Утешение», «Середина жизни», «Уговори меня, уговори...», «Нам бить челом осталось тем домам...», «Не надо больше...», «Я всё понимаю...», «Как прозрачна печаль...», «Друзьям», «Элегия», «Танец», «Предчувствие», «Маме», «Пусть будет музыка тиха...»), Алексея Зубкова («Жизнь всё-таки предопределена...», «Полжизни рвёшься к вытопанной сцене...», «Раннее утро...»), Натальи Зоновой («Я перед зеркалом – осенние глаза...», «Вкрутую сварены, под яркой скорлупой...», «Ребятня радость – майский жук в ладошке...», «Во взрослом взгляде дочери – открытость...», «Ещё одна зима вошла в февраль...», «Когда останемся вдвоём...», «Сколько вас, Господи, поводырей...», «Лето, вдохнув отчаянно...», «Инге», «Широкий подоконник...», «Будет тебе предоставлена комната...»), Виктора Бурдина («Мне на сердце темно...», «Я гадаю по листьям опавших берёз...»), Людмилы Ханаевой («Проходят мимо девушки и парни...»), Евгения Суворова («Вешний разлив...», «Иду по опушке заброшенной стёжкой...», «Затих осенний лес...», «Осенняя рыбалка», «Гудит зелёная тайга...», «Мы связаны с тобой навеки...», «Не манят больше миражи...», «В Ульяновском монастыре»), Нины Николаевой («Да, я не сделала открытий...», «Я с рожденья любила приволье...»), Игоря Худолея («Ночью улица в небо...»), Ларисы Чарушиной («Эта боль», «Вот и держится...», «Читать не будем больше Мандельштама...», «Маме», «Под утро из дому...»), Людмилы Втюриной («Март», «Радуга зимой», «Летнее», «Будь со мной»), которая в одном из стихотворений восторженно и одновременно задумчиво написала:

Рябиновых соцветий ароматом,
Дыханием черёмухи, сирени
Насыщена июньская прохлада
И навевает чудо настроенье.
Деревья – в платьях из шуршащих листьев.
Наряден городок родной, любимый.
И, кажется, что счастье очень близко –
Оно так явственно и ощутимо.

Творчество участников литературного клуба «У камелька» рассмотрено в литературоведческих статьях Раисы Куклиной «Терапия стиха – неизвестная сила...» и Алексея Карпова «И от берёз всегда светло». Из этих работ следует, что стихи и проза эжвинских авторов с каждым годом растут в профессионализме исполнения.

Под рубрикой «Наши гости» в альманахе «У камелька» представлены поэтические произведения: автора этих заметок (отрывки из поэмы «Там, где ранят автоматы с гор...»), Раисы Куклиной («Вот ты какой!», и перевод на коми язык стихотворений Евгения Суворова и Людмилы Ханаевой), Сергея Журавлёва («Чаша причастия», «Не отправленное письмо», «Бабе лето», «Кони небесные, кони земные...»), Алексея Карпова (пародия на стихи Надежды Мирошниченко «Складываю душу в чемодан...») и Андрея Попова («Метель, Марина... Небо упадёт...», «Провинция пылко нелепа...», «Родимый город, как мне надоели...»). Его стихи, как всегда полны философского смысла и любви к своей малой родине:

Провинция пылко нелепа,
Но русские снятся ей сны.
И ближе здесь звёзды и небо.

И люди, и чувства вины.
Несёт своё честное время
Не слышная миру строка,
И медленней тянется время,
Поэтому жизнь коротка...

Окончить рассказ о сборнике мне бы хотелось словами Алексея Карпова: «Хочу высказаться и о популярных литературных альманахах «У камелька», пользуясь предоставленной мне возможностью. Кто-то сказал: «И чарующий аромат стиха наполнял уютное пространство». Можно сказать, что выпуски литературного альманаха обладают «ароматом стиха», и читать их истинному любителю поэзии доставляет большое удовольствие. Потому мы, читатели, с нетерпением и ожидаем новых сборников, а в них – встреч, как с известными авторами, так и с новыми, круг которых, благодаря регулярным выпускам, всё больше и больше расширяется».

Ещё одним незабываемым открытием для читателей и любителей литературы может быть встреча со вторым выпуском **сборника стихотворений и прозы**, вышедшего в свет в Сыктывкаре, под названием «**Дорогой добра**». В этом альманахе участники поэтического клуба «Алый парус» общественного движения «Альтруист» представили свои произведения.

Почти все имена авторов ранее для меня и широкого круга читателей не были знакомы. Поэты, писатели, художники слова – люди особенные, они обладают даром сопереживания окружающему миру, природе, человеку, они обладают чуткостью души и чувством ответственности за всё происходящее в их мире. Многие из авторов данного сборника улавливают дух времени и предлагают своё видение мира человеческих взаимоотношений. Для литераторов, опубликованных в «Дорогой добра» душевное богатство – величайшая общечеловеческая ценность, среди них нет людей равнодушных.

Прочёл книгу на одном дыхании, она и завершается хорошо – стихами Константина Бадюкина («Жизнь – это тест...»), «Слова - понятные...»), «Искренность», «Убивают себя самые лучшие...»), «Что такое знать...»), «На шахматной доске...»), «Другая стезя – полоса не ОНО...»), «Поэт – Художник», «Каждый – своё», «Река берёт своё начало», «Приятно делать то...»). Автора, у которого в поэзии инновационный подход к слову, его поэзия философская, многозначная, оригинальная, как, например, в стихотворении «Одежда слов»:

В голосе тон – полутон,
Слова тона – логичны.
Полутона без слов...
Слова – текст, эмоции – подтекст,
Он не пишется, но слышится...
Насколько искренно – истинно?
Или, типа, «правдиво» – объяснимо.

Открывается книга стихами известной нам по публикациям в литературных альманахах «У камелька» эжвинского одноимённого лито Екатерины Филиппенко («По жизненным дорогам, спотыкаясь...»), «Время моё половинчато-разное...»), «Багровело вечернее небо...»), «Глядят с экрана детские глаза...»), «Тема грустная, нежеланная...»), «На выборах», «Вглядываясь в жизнь подслеповато...»), «Наверное, мне в жизни повезло...»), «Разрывая смуту на душе...»), «Постинфарктное», «Деревья детства», «На руках над головами...»), «Снежинок белых кутерьма...»), «Аисть», «В аэропорту»). В одном из них («Зов идущий от звёзд...») поэтесса пишет:

Зов, идущий от звёзд,

Отсвет дальних зарниц.
Вечер красок. И прост
Разговор. Из криниц
Бьёт вода холодна.
Ветер иве шепнул,
Что прекрасна она.
Месяц встал в караул.
Всё идёт чередом.
Ночка спит в ясенях.
Где-то милый мой дом
День и ночь ждёт меня...

Екатерина Филипченко на протяжении ряда лет публиковала свою лирику и в литературном альманахе «Сыктывкар». Неравнодушие, гражданственность, высокая порядочность, активная жизненная позиция свойственны не только ей, как творческому человеку, но и её искренней поэзии («Стынет дом без хозяина»):

Стынет дом без хозяина,
В поле стон ветер носит.
Сиротой на окраине
Шелковистые косы
Под раскаты громовые
Ива тонко причешет.
Все ромашки садовые
Отцвели. Стали реже
Залетать птицы-аисты.
Устиляет муравушка
Все тропинки хозяйские.
Кто ж теперь ходит павушкой
Светлой ноченькой майской?..

Свои прозу и стихи опубликовали в сборнике «Дорогой добра» Л. Петровская («Калейдоскоп», «Посвящение», «Сознание» и другие), О. Никонова («Стихоальбом», «Бедный пёс», «Гроза» и другие), Т. Пашнина («Счастье», «Размышление», «Философия вечности», «Картина» и другие), Л. Кузнецов («Воспоминание», «Женщина в печали», «Полярная ночь» и другие), печатавшая свою прозу в литературном альманахе «Сыктывкар» В. Цой-Ха-Ри («Я не Афина...», «Вот тонкою овяны тоской...», «Пахнет талой водой, свежей сыростью, лесом...» и другие), И. Титова («Я знаю, что у каждого свой крест...», «Самой прекрасной далёкой звезде...», «Я не знаю, где ты обитаешь...» и другие), О. Онищук («Алый парус», «Сердце не устаёт трудиться...», «Берёзы осенью – горящие свечи...» и другие), Р. Сажина («Живой огонь», «Хоть не верю я в чудо...», «Путник» и другие), Н. Калашникова («А за окном бушует ветер...», «Позднее раскаянье», «Может быть, не долюбила...» и другие), З. Гимадиева («Тропинка к родному порогу...», «Дикие утки», «Покосы» и другие), и В. Исакова («Оцовские награды», «Баллада о хлебе» «Тихий спальный район в Сан-Хосе» и другие), которая в одном из своих стихотворений («Печально догорает мой очаг...») трогательно пишет:

Печально догорает мой очаг,
Кладу в него последнее полено.
Остановилась – время ни на шаг –
Как будто я застыла на коленях.
Я чувствую незримо за спиной

Печальных глаз холодное молчанье.
Ещё в плену, окружена стеной –
Стеной из рук твоих, из губ, дыханья...

Раздел прозы в литературном альманахе «Дорогой добра» представлен рассказами Ольги Никоновой «Двое», Валентины Исаковой «Гурина», Валентины Цой-Ха-Ри «Зимний этюд», Олега Юдина «Почему и когда плачет природа», «Письмо с войны», Зинаиды Бородиновой «Берёзка» и отрывками из романа «Простота сложного мира» автора, скрывшего своё имя под псевдонимом Ч.М.Д. (Человечность. Милосердие. Доброта.).

К сожалению, в столь коротком обзоре, не прорецензировать творчество каждого (достаточно интересных и достойных внимания критики литераторов) из участников альманаха «Дорогой добра». Но о современном творчестве двоих авторов книги, на литературную судьбу каждого из них мне однажды (в девяностых годах прошлого века) пришлось чуточку повлиять, представленном в данном сборнике поэзии и прозы, всё-таки расскажу.

Юрий Сурин – поэт, актёр, автор музыкальных встреч «В кругу друзей». В начале девяностых мне выпало быть главным редактором республиканской ведомственной газеты «Асыв» (Утро), издаваемой Министерством культуры республики, тогда-то впервые судьба и столкнула меня с этим жизнелюбивым человеком, с ним и с его поэтическим творчеством. Стихи, в плане филологического исполнения, были несовершенны, но было в них нечто настоящее и большое, в них было истинное чувство любви к жизни. Так на газетной полосе впервые для этого замечательного автора были опубликованы несколько его стихотворений.

Поэзия Сурина на первый взгляд проста, без излишних изысков и метафоричности. Но это только на первый взгляд. Прочтёшь стихотворение во второй раз, и начинаешь понимать весь глубинный смысл, заложенный в незамысловатых строчках («Разорвано звено...»):

Разорвано звено,
Меж Небом и Землёй;
Разорвано звено,
Что единит с тобой;
Разорвано звено,
И ты – ушла;
Разорвано звено...
И ночь пришла!

В сборнике «Дорогой добра» Ю. Сурин опубликовал подборку из одиннадцати стихотворений разных лет («Тёплый вечер мне смотрит в окошко...», «А в Серёгово тишина...», «В реку смотрятся леса...», «Над Серёгово стоит туман...», «Сентябрь, как мальчишка, щедрый...», «Ты не со мною, ты – с другим...», «Я ухожу. На долго? Навсегда...», «Одиночество, одиночество...», «Не хочу задыхаться от боли...»). Особенно мне на душу легли его стихотворные строки («Я хочу укрыть тебя...»):

Я хочу укрыть тебя
От простуды,
От пустых и завистливых глаз,
Пересудов;
И ещё я хочу обнять тебя,
Приголубить;
Нежным, тёплым, слепым дождём
Целовать твои губы;

Светлым, утренним, нежным лучом
Входить в твоё тело;
И ещё я хочу, чтобы боль
Не коснулась тебя,
Не задела!

Второй участник сборника «Дорогой добра» о творчестве которого мне бы хотелось обязательно поведать читателю – **Олег Юдин**. Случилось так, что познакомился с ним, и мне попала на рабочий стол рукопись стихов этого автора, когда служил в Управлении исполнения наказаний республики главным редактором многотиражной республиканской газеты для осуждённых «Лабиринт». Это было в середине девяностых. Чтобы помочь начинающему литератору осознать себя печатающимся автором, на мой взгляд, очень важно для повышения уровня профессионализма и внутреннего редактора, вынес на полосу несколько стихотворений под рубрикой «Гость номера». Это была самая первая публикация творчества Олега Юдина в средствах массовой информации.

Тематика произведений поэта многообразна: здесь воспевание любви, природы, человеческих взаимоотношений... Приведу несколько строк из одного его стихотворения «Проснулся август»:

Проснулся август, и заплакала погода.
Сухую землю гладят капельки дождя.
А с ними холод Арктики приходит,
Туманы за собою приведя...

Стихотворную подборку Олега Юдина в альманахе составили несколько поэтических текстов: «До свидания!», «Мой город», «Осень – это ты», «Деревья от дождя уже не ставят...», «Однажды на рыбалке», «Влюблён», «Ответ», «Бегом по школе», «Взывая к вам!», «Воззвание к классу» и «Мне счастье». Оканчивается она философскими строками о смысле нашей бренной жизни («Корабль в океане»):

Всё чаще ищем для себя покой,
И забываем, в частности, о том,
Что тишину несёт – морской прибой,
А жизнь нам дарит – океанский шторм!

В основной своей массе стихи О. Юдина написаны в форме баллад или притч. Иногда в них откровенно присутствует некая сюжетная линия. Но всегда его творчеству свойственна актуальность тематики, гражданственность поэзии, метафористичность и лиризм. Звучат в его стихах размышления о предназначении художника, поэта. Трогательно звучит тема преданности, верности и милосердия. Вызывает симпатию читателей здоровое чувство юмора, иногда – иронии.

Сейчас поэт и прозаик, бард Олег Юдин лауреат городского и дипломант республиканского музыкальных конкурсов, участник международных конкурсов «Филантроп» (Москва) в номинациях: поэзия, проза, музыка. Он автор публикаций в прессе, литературном альманахе «Полное собрание разлук», сборника стихов и прозы «Я не был в этой жизни на войне...».

Читаю четверостишие **Митрофана Курочкина** «Кенгурятина», опубликованного на страницах выходящего в Казани юмористического журнала «Чаян», и понимаю, что традиция его юмора уходит своими корнями в далёкую античность истинных греческих сатиров:

Пожалуй, россиянам и не счесть,
Заморской сколько слопали тухлятины?
К нам из столицы долетела весть –

От пауза наедемся кенгурятины!

С юмором у нас в стране всегда было не просто хорошо, а просто замечательно. Давно не видел в продаже самый известный ещё в Советском Союзе юмористический журнал «Крокодил». Выжил или нет в рыночных отношениях, затронувших и прессу, честно говоря, не знаю. А вот юмористический журнал «Чаян» - один из лучших провинциальных юмористических журналов России, выжил и продолжает замечательно существовать и веселить не только граждан Татарстана, но и всех россиян. Может быть потому, что его главный редактор, заслуженный работник культуры Российской Федерации Рашид Закиев, не заикливается на публикации только своих доморожденных юмористов, но и приглашает на страницы своего издания гостей. Вот так и появляются на страницах «Чаяна» «смешинки» (М. Курочкин. «Об ипотеке»):

Бедность хлещет через край –
Реформы к ней людей толкают...
Многие попасть хотели б в рай,
Да ипотека не отпускает.

В 19 номере юмористического журнала «Чаян» («Скорпион») за 2010 год, издающемся на русском и татарском языках, нашему земляку поэту, писателю, старейшему журналисту республики Митрофану Курочкину была посвящена целая страница. Вот как представил литератора под рубрикой «Своё лицо» Р. Закиев: «Митрофан Курочкин живёт и творит в стране лесов и озёр – в республике Коми. Его бойкие миниатюры не раз появлялись в «Чаяне». С творчеством чайнистов Митрофан Иванович постоянно знакомит любителей юмора Сыктывкара. К слову, в Сыктывкаре издаётся известный журнал сатиры и юмора «Чушканзи» («Оса»), где в переводах на коми звучит и чаяновское слово с подачи М. Курочкина. Сегодня творческое лицо нашего дальнего и близкого друга представляем своим читателям. Его стихи, юморески и побасенки в нашем периодическом издании выходят в свет с 1995 года». А далее (М. Курочкин «За что?») юмор:

Что за страна у нас, никто не знает!
Не отвечает на вопрос никто...
Ну, хорошо, пикеты разгоняют,
А в небе синем облака за что?!

Благодаря заботам и стараниям народного поэта **Надежды Мирошниченко** литература писателей из Республики Коми вновь дошла до российского читателя. Вышел в свет одиннадцатый номер за 2010 год **журнала писателей России «Наш современник»**, в котором и представлены проза и поэзия нашего северного региона. Номер в целом получился исключительно талантливым и светлым, с позитивным настроем на жизнь. Он и начинается-то светло с солнечной подборки стихов самой Надежды Александровны «Я боюсь тебя потерять»:

Скажи мне, птица, ты зачем летаешь?
По зёрнышку в полёте собираешь?
По пёрышку теряешь? Надорвёшься.
Ты не боишься, что с пути собьёшься?
И правда ли нужны твои нам речи?
Зачем поёшь ты так по-человечьи?

Её поэзия не устаёт меня удивлять, вернее, я не устаю ей удивляться. Как можно такими тёплыми, простыми и нежными словами писать о «глобальных» темах. Это подвластно лишь истинному поэту. Только она, истинный патриот, могла так написать о нашем Коми крае:

Мне выпал в мире самый трудный цвет.

Он свадьбы цвет и праздничного хлеба.
Он цвет последних в нашей жизни лет.
И цвет звезды на чёрной плахе неба.
...А Север знает: плата велика
За белый цвет. И белыми ночами
На белый свет взирает свысока
Своими неподкупными очами.

Всего поэтическую подборку Надежды Мирошниченко в журнале «Наш современник» составили пять стихотворений «Провинция, люби меня сейчас...», «Я тебя не забуду. А ты, если хочешь, забудь...», «Скажи мне, птица, ты зачем летаешь?», «Остались в прошлом тёплые моря...», «Я боюсь тебя потерять: оборвутся ли провода...». Сейчас в мирской жизни поэт проживает не самый лёгкий её период. Она борется за жизнь горячо любимого своего мужа, борется с его неизлечимой, как говорят врачи, болезнью неистово, не жалея ни души, ни сердца, и свято верит в то, что победит. А главное побеждает, чему подтверждение – время. Об этом заключающее подборку стихотворение:

Неприкаянно и светло я живу возле глаз твоих,
То ли девочка, то ли мать. Объясняют – не объяснят.
Я боюсь тебя потерять. Мне отчаянно повезло.
Видишь, как далеко зашло. Ты, пожалуй, и сам не рад.

Традиционно сильно представлена в ноябрьском номере журнала «Наш современник» проза. Свои рассказы опубликовали **Александр Ульянов** («Неприкаянные души» в переводе с коми **Игоря Вавилова**), **Елена Козлова** («Над обрывом плакала гармонь» в переводе с коми **Александра Суворова**), **Григорий Спичак** («Тринадцатый вагон», «Выстрелы над Старицей», «Портрет мужчины»), **Сергей Рулёв** («Подвал») и другие. Талантливую прозу всегда интересно читать, она остаётся в памяти, влияет на твою жизнь, а через твои поступки и на жизнь окружающих тебя людей. В том и заключается сила авторского слова. Характеры и судьбы людей, обстоятельства их жизни и смерти, природа человеческих взаимоотношений – вот предмет исследования представленной в журнале прозы.

Из прозаического блока особенно хотелось бы выделить рассказ-повесть Елены Козловой (Ветошкиной) «Над обрывом плакала гармонь». Сразу хочется отметить труд переводчика Александра Суворова, который сумел сохранить национальный колорит коми прозы. Рассказ повествует о простой и непростой жизни двух благородных коми людей Прасковьи и Егора. Они оба в своей жизни совершили свой маленький подвиг. Она наперекор всем и всему вышла замуж за слепого парня, сумев разглядеть в нём настоящего большого и сильного мужчину, а тот, будучи незрячим, «погиб» от войны. Слепого на фронт не взяли, но у него, гармониста, был своя линия фронта. В любую непогоду он сначала ходил и своей музыкой и песнями провожал односельчан на фронт, в войну трудился на одном уровне со здоровыми людьми, а потом после победы ежедневно ходил до глубокой осени до конца навигации на крутой берег реки и встречал музыкой и коми песнями земляков с фронта. Простудился Егор и «погиб» от войны...

Почему рассказ «Над обрывом плакала гармонь» мне хочется назвать – повестью. Ответ прост: эта проза эпична, сложна композиционно, богата фабульными перипетиями, поднимает самые болезненные проблемы в нашем обществе и выводит целую галерею узнаваемых типов характеров, в ней присутствует психологизм рассказчика и лиризм поэта.

Радостным и неожиданным открытием стала для меня поэтическая подборка в журнале «Нитка следов до самого поворота...» ухтинской поэтессы **Инги Карабинской**. Ранее её произведения публиковались в литературных альманахах «С веком наравне», «Современники», «Белый бор», коллективном сборнике «Простые вопросы», журнале «Арт». Работает она главным редактором журнала «Концепт». Её поэзия, на мой взгляд, - это лирика «сильной» современной женщины, знающей, чего она в этой жизни хочет («Мне больно, слышишь? От всего и вся...»):

Мне больно, слышишь? От всего и вся,
Что в этой жизни называлось нами.
От наших лиц, которые висят
Над книжным шкафом в деревянной раме;
От нас (от них), смеющихся со стен,
Всё то, что было, забывать обидно,
Как не кляни эпоху перемен –
Мне стыдно перед ними. Слышишь, стыдно.
Мне страшно, знаешь, от ночных звонков
(От тишины ещё страшнее, что там),
От дробного фанданго каблуков,
Гремящего по лестничным пролётам –
Когда внезапных преданных друзей
Приносит законное ненастье
В наш дочиста разграбленный музей
На медяки разменянного счастья...

Для меня её поэзия открылась как сплав янтара с антрацитом, сочетание довольно необычное, но такова уж современная жизнь. Именно этот «сплав» и раскрывает нам черты характера современной лирической героини Инги Карабинской. Подтверждением моим словам строки из стихотворения «Янтарь с антрацитом»:

Так, застывая в жёлтой, живой смоле,
Смотришь на мир из хрупкой прозрачной корки.
Что остаётся от нас на своей земле
Этим, живущим по плечи в твоей золе?..
...Тёплый янтарь пополам с антрацитом горьким.

Подборку стихов Инги Карабинской в «Нашем современнике» составили несколько замечательных стихотворений «Мне больно, слышишь? От всего и вся...», «Ветряная мельница», «Голубятня», «Золотое солнце в чёрном зените глаз...», «Что тебе снится», «А ещё можно встретиться с ним через год-другой...», «Янтарь с антрацитом». В них океан чувственной любви и здравый рассудок, безграничная преданность однажды выбранному мужчине и осознание своей личной человеческой силы. Это стихи талантливо-го мастера слова, находящегося в начале, но на верном творческом пути («Ветряная мельница»):

Мир, что огонь – отцвёл золотыми искрами.
Как же всё так нелепо оборвалось?
Ты ведь хотел, чтоб было тепло да искренне –
На, получи напалм и дыру насквозь.
Ты же хотел мечты и весенней нежности,
Солнечных бликов на лобовом стекле,
А у неё в груди – ветряная мельница
С тонким алмазным лезвием на крыле.

В «Поэтической мозаике» журнала «Наш современник» обратили на себя моё внимание стихи **Ольги Хмары** («На станции диги-дон!»), «Натешусь по привычке власть...»), **Дмитрия Безгодова** («Пришёл хороший») и **Марии Игониной** («Не хватает двух сцепленных рук»), которая написала в своём стихотворении:

Не хватает двух сцепленных рук.
Этот замкнутый круг разорви.
Мы как звёзды, упавшие вдруг
На ладони ослепшей любви.
Не поднять непрозрачных завес.
Может, сказка, а может, и былъ.
Только звёзды, сорвавшись с небес,
Без любви рассыпаются в пыль.

Свои поэтические подборки в журнале представили известные поэты в Республике Коми и за её пределами, члены Союза писателей России **Андрей Попов** («Ах, Родина! Грядущее в тумане...») («Помолись обо мне, сынок...»), «Ах, Родина! Грядущее в тумане...»), «Мне не понять изысканность унылах...»), «Капище ломали – не сломали...»), «На Севере жил я – не ведая горя...»), **Александр Суворов** («Выхожу в открытое пространство...») («Ночной дождь», «Выхожу в открытое пространство...»), «Мы – временные люди...»), «Чудо», «О, вспомни о душе, святая Русь!»), Владимир Подлuzский («Прощай, натруженная песня») («Москва», «Русская поэзия», «Прощание с домом»), который в одном из своих стихотворений написал:

Дервишная розовая Персия,
Бардовская синяя Британия.
Что у них известно как поэзия,
То у русских место обитания.

В продолжение мысли, высказанной поэтом, хочу отметить какой-то небывалый ранее всплеск литературной деятельности, как во всей республике, так и в её столице – Сыктывкаре. Появление в печати нетленных образчиков поэзии и прозы в региональном литературном процессе явление, говорящее о многом. Вывод напрашивается сам собой: в нашей северной провинции год от года улучшаются условия для творчества, что, как мы и наблюдаем в последнее время, и даёт свои плоды.

В литературной жизни республики произошло, на мой взгляд, заметное событие. Коми Государственный педагогический институт выпустил в свет книгу художественных очерков и воспоминаний «**Пусть уцелеет в памяти**». Издание посвящено одному из директоров вуза, учёному-литературоведу, участнику Великой Отечественной войны Николаю Шуктомову. В основу сборника легли записи из фронтового дневника агитатора второго Белорусского фронта, в которых он очень откровенно, без прикрас описывает фронтовые будни.

О Великой Отечественной войне 1941-1945 годов в нашей республике написано много, вспомним хотя бы повести Геннадия Юшкова о немецком десанте в район воркутинской железной дороги, снабжавшей углем блокадный Ленинград и Юрия Коврижных, роман Александра Клейна «Дитя смерти». Но ценность этой документальной повести воспоминаний в том, что в ней показана страшная, ничем не прикрытая правда войны, где наряду с подвигами имело место предательство, мародёрство, разврат...

Также в издание вошли воспоминания о деревне 20-х годов, размышления о комсомоле. В работе над книгой приняли активное участие ректор вуза Валерьян Исаков, дочь Шуктомова Надежда Ветошкина, его ученики и коллеги. Книгу, вышедшую малым тиражом, получили музеи и библиотеки республики.

Около трёхсот правдивых рассказов включил в себя вышедший в 2010 году второй том книги «**Моя война... Не о прошлом**». Очерки и эссе посвящены воспоминаниям об участии жителей нашей республики в войнах и локальных конфликтах на Кубе, во Вьетнаме, с Китаем, в Венгрии, Чехословакии и других странах. Большинство из них посвящены афганским событиям. Об этих военных действиях написано немало стихов и песен. Они просты, но исключительно душевны. Приведу в пример одно из стихотворений Сергея Тараканова:

Что такое Афган, мне не скажет никто,
Кроме тех пацанов, чья кровь на горах.
Что такое Афган – это гибель друзей.
Что такое Афган – это горе в семье.
Что такое Афган – это плачь матерей.
Что такое Афган, мне не скажет никто,
Кроме тех пацанов, что остались в горах.

Опубликовали в сборнике «Моя война... Не о прошлом» свои документальные рассказы и известные в нашем северном регионе писатели. Владимир Гоголь о защите границ от китайских захватчиков, а Александр Лобанов о войне в Приднестровье. Их очерковая проза повествует об этих событиях в истории страны с позиций непосредственных участников. Тем она и интересна.

Несколько стихотворений («Наш третий тост. Встаём и молча пьём...», «А годы – годы всё летят...», «Мы третий тост – пускай летят года...») в сборнике и свои воспоминания опубликовал усинский поэт Александр Чухланцев. Его поэзия о том, что войну из души не вытравить даже времени:

А годы – годы всё летят.
Но память остаётся вечной.
Она не даст забыть ребят,
Что не вернулись из-за речки,
Из этой варварской страны,
Из той непонятой войны.

Ярким литературным событием, на мой взгляд, стала опубликованная в сборнике поэтическая подборка Павла Афанасьева. Её составили стихотворения: «Геройски пал» - строка приказа...», «Город-сказка», Попрыгали, чтоб не греметь, ребята...», «А я-то кто? Военный ветеран...». Поэт пытается осмыслить и донести до читателя, в чём же была насущная необходимость афганской войны:

Зато я шёл по полю на рассвете,
Пока роса мой пыл не остудит,
И посвящал стихи девчонке Свете,
А света не поймёт и не ответит.
Ну, не поцеловала... Бог простит.
Зато... Идут! И мы в плену азарта:
Мы – элементы тактики войны.
С тех самых пор, как я покинул парту,
Надел х/б, поставил жизнь на карту
Чужой страны. Но для своей страны.

Значительная часть очерков воспоминаний в сборнике «Моя война... Не о прошлом» написаны о первой и второй контртеррористических операциях на Северном Кавказе, который и сейчас является настоящей «горячей точкой». Любовь к близким, тоска по ним далёким, когда защитник родины находится в дальней боевой командировке, вот

основные мотивы данных поэтических текстов. Об этом и проникновенное стихотворение Сергея Гушина:

Там, где речка Луза медленно бежит,
В доме в три окошка поздно свет горит.
Доченьке не спится: рядом нет отца.
Засыпай, родная, закрывай глаза.
Папа с автоматом коротает ночь,
Помнит своих близких, помнит свою дочь.
Служба здесь такая, дома отдохнёт.
Засыпай, родная, папочка придёт.
Задувает ветер, веткой бьёт в стекло.
В домике на Лузе сухо и тепло.
На просторах Коми наступает ночь.
А в своей кровати засыпает дочь.

Известный в Республике Коми историк, краевед, литератор **Вениамин Полешиков** выпустил в свет в 2010 году пятый том серии «От Воркуты до Сыктывкара» только назвал его несколько иначе – «**От Воркуты до Америки**», подчёркивая таким образом «географическую разбросанность» судеб своих героев, прошедших испытание полярным краем. Его рассказы и очерки, а также подготовленные по многочисленным источникам исторические статьи заняли в книге главенствующее место. «Френсис Грин в Сыктывкаре», «Генерал Клебер», «Слово о друге», «Запутанная история», «25 августа 1968-го», «Письмо на Север» - навсегда останутся в анналах российской документальной прозы.

В одном из разделов книги опубликовано замечательное стихотворение известного русского поэта Александра Алшутова «Шестидесятники», в котором он восхищается мужеством творческой интеллигенции, поверившей в период хрущёвской «оттепели» в преобразование России. Так поэт пишет:

Шестидесятники – десантники
Из наступающих эпох!
Жандармы хмурятся досадливо,
Сорит охранка серебром
Красивых слов, позорных денег,
Названьем Родины святым;
Ложится чёрной скользкой тенью
На их горячие следы.
Они у шпика без ошибки
В глазах читают приговор,
И всё ж шагают беззащитно
К невидимой передовой...

Этот сборник художественных очерков, стихов и прозы, кропотливо собранный составителем Вениамином Полешиковым, посвящён светлой памяти писателя, поэта и журналиста с российским именем Альберта Ефимовича Бернштейна. Два замечательных русских поэта Алексей Иевлев («Случайная встреча со светлым человеком») и Николай Герасимов («Он жадно любил жизнь, работу, Север») написали о нём очерки-воспоминания, в которых Альберт Ефимович показан непростым, творческим, ищущим человеком, много сделавшим для республики, её промышленности и культуры.

Творчество Альберта Бернштейна представлено в сборнике «От Воркуты до Америки» его песнями и романами «Ветеранам войны», «Песня о Зеленце», «Прощание с Воркутой», «Вот мчится поезд «Воркута...», «Вечерний разговор», «Слов не надо». Му-

зыку к словам написали такие композиторы, как В.К. Малых, Н.С. Фролов и Исаак Шварц. Стихи Альберта Бернштейна полны любви и ожидания встречи, они воспевают северную природу и людей, живущих в непростых климатических условиях. Поэт всегда в дороге, всегда в пути, всегда готов к большой работе:

Счастлив быть с тобой, любимая, в дороге,
Я хочу запомнить каждый миг.
Ты же знаешь: радость, горе и тревоги
Мы с тобой разделим на двоих.
На каком-то неизвестном полустанке,
Не прощаясь, я сойду, друзья,
Я для вас словами этой песни стану,
Вы её допойте за меня!

Бывший воркутинец и сыктывкарец Валентин Гринер, ныне живущий в Новой Зеландии, опубликовал в сборнике ряд материалов. «Письмо», «О жизни и кошерном патриотизме», «Агентам влияния без права гешефта» - честный рассказ-рассуждение о современной жизни и недавней истории нашей страны, о «больших» и «маленьких» людях, их страданиях и простом человеческом счастье, о понимании и непонимании жизни, политики, мыслей. Венчает его прозу стихотворение «Давно за сорок, но стройна...»:

В дублёный кожушок нырнёт –
Подарок моде.
Одна уходит на завод,
Одна приходит.
Засядет в кресло у окна –
Уронит локон,
Вдвоём, она и тишина,
Читают Блока.
А у него лютует жизнь
В крови и зное.
Друг одинокий, постучись,
Она откроет...

Журналист Евгений Хлыбов представил в пятом томе свои заметки о пребывании Анатолия Гуревича в воркутинских лагерях («Помощь пахана», «Товарищи по несчастью», «Письма издалека»).

Поэзия в книге представлена стихами Владимира Олофинского («Он бывает часто не таким...»), «Сколько лет бегу не упаду...»), «Блок читает новые стихи...»), «Я не плачу слезами горькими...»), «Зачем опять ты веришь буре...»), «Он устал в молодые годы...»), «Спасибо Понтию Пилату...»), «По деревне свадьба...»), «А где-то над нами ангелы...»), «Я давно свою душу продал...»), «Крещение на Сыsole»), «Я всегда перед тобой в долгу...»), Любви Петровой («В моей ладони...»), «Иди, ищи судьбу свою...»), «Не уноси с собой обид...»), «Живи и мир с терпением изучай...»), «Когда растает стена непонимания...»), «Письмо матери к сыну»), «Ты забудь мои письма на время...»), «Когда-нибудь в рассвете лет...»), «Известны старины преданья...»), «Ты опрометчива бываешь, детка...»), «Не осуждай меня беспечно...»), «Забавно иногда выходит...»), «Мы все когда-то расставались...»), «Ничто из жизни не уходит...»), «Ода мужчинам», «Со мной общаются...»), «Мой лучший стих...»), Дмитрия Сиротина (поэма «Детство»), «Новогодние страдания», «Колыбельная сыну», «10 июня», «Меня остановили у дверей...») и Михаила Байтальского («Я не поэт, вся жизнь моя другая...»), «Человек», «Как глупо жизнь прошла! Не

послужил добру...», «Претит мне видеть, как бесстыдный лжец...», «Сыну»), который в одном из своих стихотворений пишет:

Я не поэт, вся жизнь моя другая,
На лбу моём не светится печать,
И я к своей тетради прибегаю,
Когда совсем невмоготу молчать.
Бледны мои бескровные чернила,
Как невелик и счёт моих потерь,
Но нож блеснул – ты тоже изменила:
Мне есть куда макать перо теперь!

В заключение хотелось бы сделать напрашивающийся сам собой вывод о том, что региональный литературный процесс в Республике Коми, по крайней мере, его русское крыло, крепнет и развивается. И весомым тому подтверждением в 2010 году являются книги прозы Дмитрия Стахорского «Ночное солнце», Альберта Бернштейна «Воргашорская – ручей оленьей тропы», Александра Лобанова «Небесные колокольчики», Алексея Иевлева «Трудом и лишениями», Марии Кузьминой «Однажды приходит осень», Григория Спичака «Афоризмы и миниатюры», сборники поэзии Надежды Мирошниченко «Родному городу», Алексея Иевлева «Это – моя земля!», Андрея Попова «Хождение по водам», «Смысл дождя и листопада», Андрея Шабанова «Обитаемый остров», Анатолия Вотякова «О друзьях и северах», Александра Суворова «Из одного колодца», Геннадия Трофимова «Остановиться, оглянуться...», двухтомник драматургии Геня Горчакова «Пьесы», а также литературные альманахи «Сыктывкар», «Литературный Кисловодск», «У комелька», журналы «Чаян» («Скорпион»), «Наш современник» и коллективные сборники «Добро добром воздастся», «Победа в сердце каждого живёт», «Дорогой добра», «Пусть уцелеет в памяти», «Моя война... Не о прошлом», «От Воркуты до Америки».

Александр НЕКРАСОВ

СКАЗОЧНАЯ ОСЕНЬ

И ты не виновата, и я не виноват,
Что встретились с тобою в сказочную осень:
Когда ещё вдали маячит листопад,
И жар смолы плывёт из золотистых сосен.

Твои слова сладки, как спелый виноград,
И сердце у меня, как конь летит на крыльях.
Как будто я вошёл в румяный райский сад,
И тайну красоты не снова жизнь открыла.

Пусть ливнем листопад... и дальше снегопад!
Застанет нас и не прочтется мимо...
Есть в жизни высший смысл, и нет ему преград:
Когда ты ей – любим, она тобой – любима.

ПОДАРОК

Валентине

Я двадцать лет смотрел на эти дали.
И двадцать лет я по селу ходил.
Но нет, ни разу не встречался с Валею.
А повстречался – сразу полюбил.

Вот надо мной судьба как подшутила.
И я пока по жизни шёл и стыл,
Мог называть её какой-то тип любимой
И даже иногда дарить цветы.

Хоть трижды я женат, но не скотина,
Когда её встречаю ясный взгляд,
Хочу сказать: «Ты знаешь, Валентина,
Я даже нашей поздней встрече рад».

Над речкою – малиновы закаты,
И в новый день заря откроет дверь.
Пусть мы с тобой не встретились когда-то,
Но ведь могли не встретиться теперь.

И потому я чувствам благодарен,
Которые поднялись, как цветы.
И наша встреча нам с тобой – подарок! –
Необычайной в мире красоты.

РАДОСТЬ

Просыпаюсь, а тебя нет рядом.
Солнце светит ласково и нежно.
Где же ты, моя нечаянная радость,
Поцелуев вешних утренняя свежесть?!

На лугах танцуют белые ромашки,
Словно балерины – ярко и красиво.
Может быть, и, правда, я рождён в рубашке,
Может быть, и, правда, буду я счастливым?!

Пусть тебя сегодня нет со мною рядом.
Но вот эти строчки напишу хоть кровью:
«Если в наших душах полыхает радость,
То она бывает рождена любовью».

ГЕНИАЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЕ

Таких, как вы, на свете больше нет! –
Вам говорю, как истинный поэт.
Я счастлив тем, что не слепой,

И восхищаюсь вашей красотой!
Мои слова, как золото звенят:
Я вас целую с головы до пят.
И чувства, что поют во мне,
К вам прилетят когда-нибудь во сне.
И вы поймёте вдруг, без слов,
Что есть на свете вечная любовь.

ТРУЖУСЬ

Андрею Каневу

Тружусь, тружусь, тружусь!
Тружусь с восходом солнца.
И солнце прячется за куст,
Солёный пот всё льётся.

То вспахиваю огород,
Картошку там сажаю.
И день прокормит целый год! –
Об этом каждый знает.

То луг ромашковый кошу,
Стогую стог под зноем,
Зато зимой за стол сажусь –
Пью молоко парное.

Берёзы чурок целый ряд...
Зимой у нас – под сорок!
Коли дрова, - как говорят, -
Село тебе – не город.

Я каждый день, друзья, тружусь,
Встаю с восходом солнца.
В нём пропадает – жизни грусть.
А радость – остаётся!

УТРО

Как после ливня луг, душа
Бывает по утрам свежа.

Как лайки золота-роса! –
Сияют радугой в глаза.

Снежинки медленно летят:
Черёмух льётся аромат.

И солнца нежный поцелуй
Напомнит, как тебя люблю!
